

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

Л. М. ДАМЕШЕК, И. Л. ДАМЕШЕК

**ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ИНСТИТУТЫ И БЮРОКРАТИЯ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Учебное пособие

УДК 336.2(571.1/.5)(091)
ББК 65.9(2)261.3г
Д16

Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития
ФГБОУ ВПО ИГУ на 2012–2016 гг.

Рецензенты:

д-р ист. наук *О. Н. Катионов*
д-р ист. наук *В. П. Шахеров*

Д16 **Дамешек Л. М.**
Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков : учеб. пособие / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – 223 с.

ISBN 978-5-9624-1214-6

История окраин Российской империи, их инкорпорация во все стороны жизни государства – одна из ключевых проблем, изучаемых в рамках курсов «Государство, власть и общество в императорской России», «Сибирь в составе Российской империи», «Управление Сибирью», «История Сибири», «Политические портреты Сибирских генерал-губернаторов», которые читаются для бакалавров и магистрантов исторического факультета ИГУ. Именно для них и всех интересующихся вопросами истории Сибири предназначено настоящее пособие.

УДК 336. 2(571. 1/. 5)(091)
ББК 65. 9(2)261.3г

ISBN 978-5-9624-1214-6

© Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., 2015
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. «Окраинный вопрос» в имперской политике России	6
1.1. Понятие окраины. Типологические сходства и различия	6
1.2. Имперская модель управления окраинам	29
1.3. Роль этнического и природно-географического фактора в окраинной политике	49
Глава 2. Особые комитеты по управлению окраинами	60
2.1. Место Азиатской России в социально- экономических процессах Империи	60
2.2. Особые комитеты как органы управления окра- инами Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв.	77
2.3. Азиатская России в имперских устремлениях особых комитетов во второй половине XIX – начале XX вв.	102
Глава 3. Высшая имперская бюрократия на окраинах государства	119
3.1. Становление и эволюция института генерал- губернаторской власти в Российской империи	121
3.2. Специфика функционирования генерал- губернаторской власти в Азиатской России	137
3.3. Генерал-губернаторский корпус Сибири. Соци- альный портрет	163
Примерный перечень заданий, рефератов, диплом- ных работ и магистерских диссертаций по курсу	176
Рекомендуемая литература	177
<i>Приложение. Сибирские генерал-губернаторы XIX – начала XX вв.</i>	<i>179</i>

ВВЕДЕНИЕ

Внутренняя политика Российской империи давно привлекает внимание исследователей. Однако не все аспекты правительственного курса получили равномерно освещение в литературе. Исследования в большинстве своем фокусировались на центре, проблемах и истории государства и власти. Не забывалось естественно и общественное движение в различных его проявлениях. Лишь в последнее десятилетие появился цикл исторических исследований, посвященных окраиной политики империи, проблемам взаимодействия и взаимоотношения центра и периферии, русского и других этносов в рамках единого государства и единой политической системы. Между тем на огромных пространствах России, составляющим в начале XX в. свыше 22 млн кв. верст, нерусское население составляло большинство – около 55 % населения. Инкорпорация этого многоконфессионального, разнородного и разноязыкового многомиллионного населения в административное, экономическое, социокультурное пространство империи было отнюдь не простой задачей для петербургских властей, которая на окраинах государства значительно осложнялась фактором существования сопредельных, зачастую недружественных государств. Не случайно на территории Российской империи исторически сложились несколько типов управления окраинами. Именно поэтому изучение как частных, так и концептуальных вопросов истории России требует регионального измерения, а исследование внутривнутриполитических сюжетов должно вестись с учетом внешнеполитических факторов, национального и религиозного компонента Российской истории. Российская модель управления окраинами формировались и развивались на протяжении длительного времени. В XIX веке в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию. Отношения центра и периферии выстраивались не в безвоздушном пространстве, а в конкретных условиях Российской действительности. Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы – этнические особенности, факторы приграничного

положения территории, удалённость от центра и др. Действие этих факторов всегда имеет определенную временную, т. е. историческую и в то же время, географическую локализацию. Отмеченные обстоятельства накладывали несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех окраин империи оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимы. В этом смысле данное учебное пособие, выполненное на материалах истории России конца XIX – начала XX вв., как представляется авторам, весьма злободневно сегодня, так как напрямую пересекается с поисками оптимальных путей выстраивания взаимоотношений федерального центра и регионов. Новая российская государственность может быть выстроена только с учетом предшествующего опыта развития.

ГЛАВА 1

«ОКРАИННЫЙ ВОПРОС» В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

1.1. ПОНЯТИЕ ОКРАИНЫ. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В рассматриваемый период XVIII – начала XX в. Российская империя представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на двух материках – Европе и Азии. Включив в себя значительное экономическое, социальное и географическое многообразие, империя в течение длительного времени сумела обеспечить свою стабильность и развитие, равно как и безопасность населения. В значительной степени это стало возможным благодаря экономическому и военному потенциалам, которыми обладала Россия. Основываясь на своем культурном, духовном и этническом разнообразии, она создала особый мир, не принадлежащий ни к Европе, ни к Азии¹.

Таким образом, постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, огромной естественно сложившейся общностью людей, в которой различные народы и культуры научились жить вместе². В данном качестве Российская империя была особой евразийской цивилизацией. В этой связи весьма уместным представляется замечание о том, что в культурологическом смысле империя есть не что иное, как борьба цивилизации с варварскими смыслами внутри своей

¹ Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М., 1995. С. 28.

² Национальное государство: теория, история, политическая практика // Полис. 1992. № 5/6. С. 31.

культуры и с варварскими окраинами³. В политологическом смысле дефиниция «империя» также не несет в себе никакого отрицательного смысла. Происходит от латинского *imperium* и означает власть государства. Характерными признаками империи являются высокая концентрация власти; распространение ее на обширную территорию; значительный этнический и культурно разнородный состав населения; мощный бюрократический аппарат⁴. Таким образом, Россия являлась классической империей.

Собственно политическая система России означенного периода в течение продолжительного времени представлялась отечественной историографией в упрощенном виде. Отсутствие историко-генетического подхода обусловило длительное существование представления о России как колониальной империи, состоящей из метрополии и колоний. При этом полностью игнорировалось существование протекторатов, административных и политических автономий. Достижения современной историографии, равно как изменение подходов к рассмотрению истории и исторического опыта в целом, поставили перед исследователями проблему определения типологии российской политико-административной системы на различных этапах ее исторического развития.

Образование единого централизованного государства и трансформация его в многонациональную систему имели в своей основе поливариативность моделей вхождения и дальнейшего существования соседних территорий и населяющих их народов в состав империи⁵. Важнейшим итогом этого исторического процесса стало образование унитарной по внешним признакам, но по существу поливариативной, многонациональной державы (империи).

Сам же процесс формирования Российского государства как империи происходил в течение длительного периода времени. Корнями он уходит в XIII–XV вв. – к периоду объедине-

³ Кантор В. Русская культура между империей и деспотией // От искусства отделили к искусству периода распада империи : сб. ст. М., 2013. С. 103–145.

⁴ Политология. Словарь-справочник. М., 2000. С. 96.

⁵ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 30.

ния русских земель вокруг Киевского княжества и возникновения раннерусской государственности⁶.

Со времени образования Древнерусского государства и вплоть до конца XIX в. отмечается расширение территории России, сопровождающееся включением в ее состав новых окраинных земель, заселенных зачастую нерусскими народами. Этот процесс в конечном итоге представлял собой не что иное, как формирование империи.

В качестве рубежа (одного из этапов) этого процесса следует выделить период середины XV–XVI вв. – время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация стала исходным пунктом для возникновения Российской империи⁷. Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. С Казанским ханством Московское государство впервые включило в свой состав вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Именно опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию имел ключевое значение для имперской политики после 1552 г. Неслучайно, таким образом, взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России⁸.

Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось правление Петра Великого. Именно Петр построил империю⁹.

Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обязанностью монарха, не нуждающейся, таким образом, в каких-либо оправданиях. Изменение статуса монарха и государства, им представляемого, наглядно демонстрируют титулы велико-

⁶ Геополитика в России. М., 2002. С. 19.

⁷ Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII в. : Наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. М., 2004. С. 94–114.

⁸ Лысенко Л. М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. М., 2001. С. 138. Каппелер А. Формирование Российской империи ... С. 2, 7.

⁹ Кантор В. Русская культура между империей и деспотией ... С. 103–145.

го князя и императора соответственно: «Се яз Князь великий Василей Васильевич, Московский и Новгородский и Ростовский и Пермский и иных». Таков был титул Московского князя середины XV в. Официальный титул императора Петра Первого уже включал в себя перечисления многих земель, которые в тот период входили в состав России: «...Император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский. Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Князь Лифляндский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных. Государь и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны Повелитель и Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель»¹⁰.

Сравнение этих титулов демонстрирует, как за сравнительно короткий промежуток времени из Великого княжества Московского образовалась огромная империя, которая раскинулась на двух континентах – Европе и Азии, от берегов Балтийского моря до Тихого океана. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши и подчинила себе целый ряд территорий и народов, стоявших значительно выше ее по уровню экономического и политического развития.

Таким образом, под окраинами Российской империи понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, присоединенные к России с 1552 до 1905 г., не принадлежавшие к зоне формирования великорусского этноса на Восточно-Европейской равнине¹¹.

Между тем изменение политической и административной карты выступало только внешним признаком динамического развития слагающегося государства. За переменами на административной карте России стоял процесс ее внутреннего

¹⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России, собрание и издание Археологической Комиссии. СПб., 1846. Т. 1. С. 42; ПСЗ-I. Т. 6, № 3850.

¹¹ Лысенко Л. М. Указ. соч. С. 138.

строения. Создание империи, равно как и трансформация ее политической системы, происходили в параллели и одновременной связи с административно-территориальными преобразованиями как в центре, так и на окраинах. При этом следует учитывать то обстоятельство, что в силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. В конечном итоге это обстоятельство обусловило столь длительное вполне устойчивое положение империи в целом. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлось мощным стабилизирующим фактором для Российской империи.

В течение всего рассматриваемого периода задача, стоявшая перед правительством, отнюдь не ограничивалась рамками административного устройства новых территорий. Параллельно с имперским административным строительством на окраинах шел процесс вербального присвоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах¹².

Таким образом, к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов, как внутренних, так и окраинных. При этом следует отметить то обстоятельство, что процесс включения регионов в имперское пространство имел неоднородную типологию. Традиционно территории присоединялись либо посредством военной силы (в результате военного конфликта), как было с Финляндией, либо путем добровольного вхождения в состав империи. Примером последнему служит манифест о добровольном вхождении Грузии в состав России¹³.

В конечном итоге в основе территориального расширения лежали прежде всего имперские военно-стратегические и экономические интересы. Однако задача правительства заключалась не только в территориальном увеличении государства, но и в первую очередь в интеграции новых земель в имперское

¹² Ремнев А. В., Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. § 2. С. 18.

¹³ ПСЗ-И. Т. 30, № 22991; Т. 26, № 19721, 20009.

политико-административное пространство. Процесс этот был сложен и длителен. Преобладающее влияние на него оказывало место и значение той или иной окраинной территории в имперском механизме (экономическом, политическом и пр.). Это обстоятельство обусловило появление в процессе освоения окраин элементов имперского регионализма¹⁴.

Таким образом, при выработке основ окраинной политики по отношению к конкретной территории правительство прежде всего руководствовалось значением региона для государства, а в конечном итоге его статусом в составе империи. Понятие статуса отнюдь не являлось аморфным. Оно определялось целым рядом позиций, объективных и субъективных. Окраины различались по уровню социально-экономического и политического развития, а также по национальному составу.

Более высокий уровень развития, чем в России, отмечался в западных окраинах империи: Финляндии и Польше. Значительно ниже этот уровень был на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке.

По национальному составу также можно выделить несколько типов окраин: это те же Финляндия, Польша и Кавказ, где перевес имело нерусское население, а также азиатские окраины (прежде всего Сибирь), где титульная нация государства (русские) впоследствии стала преобладающей над коренным населением.

При определении статуса окраины в составе империи наибольшее значение придавалось таким показателям, как уровень социально-экономического и политического развития окраины, характер ее присоединения (добровольный или насильственный), а также стратегическое значение территории для империи. Именно эти характеристики являлись основными для выработки направлений имперской окраинной политики по отношению к каждому конкретному региону (территории).

Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на конкретное содержание окраинной политики, являлось сложное переплетение ведомственных и территориальных интересов, а также реальное соотношение сил так называемых централистов и регионалистов в центральном и местном аппа-

¹⁴ См. : Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма ... С. 53–77.

рате управления. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. При этом в случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать его в законодательном порядке.

Логическим последствием подобной практики стало порождение ситуации, в результате которой мы можем говорить о разных степенях распространения на присоединенных территориях общеимперского законодательства: от сочетания общеимперского, местного и традиционного законодательства (с преобладанием последнего) до полного перехода на унифицированную систему общеимперского законодательства. Одним из следствий подобной ситуации был разный уровень проникновения на окраинах действия учреждений российской администрации. Оба этих признака являлись основными составляющими, определяющими особенности отношений центра и периферийных территорий, с одной стороны, и собственно специфику управления последними, с другой стороны. Несмотря на наличие такой специфики, вертикаль власти на всех окраинах Российской империи была единой. Основными ее элементами являлись:

1) органы высшей государственной власти в столице, в подчинении которых были все чиновничьи инстанции на окраинах. Высшая государственная власть инициировала и законодательно оформляла все крупные административные нововведения, однако прямого управления окраинами не осуществляла;

2) центральная территориальная администрация (XVIII в. – территориальные коллегии, XIX в. – территориальные комитеты – первый и второй Сибирский комитет, Польский, Финляндский и Кавказский комитеты);

3) региональная администрация окраины во главе с генерал-губернатором (наместником), осуществляющая непосредственное управление территорией.

Инкорпорация окраинных территорий в единое общеимперское политическое и хозяйственно-экономическое пространство являлась одной из приоритетных задач, стоявших перед российским правительством на протяжении всего рас-

сма­три­вае­мо­го пе­ри­о­да. Од­на­ко ре­а­ли­за­ция э­той це­ли бы­ла со­пря­же­на с це­лым ря­дом об­ъек­тив­ных тру­д­но­стей, в след­ствие че­го про­цесс ин­кор­по­ра­ции бы­л дос­та­точ­но дли­тель­ным. Тра­ди­ци­он­но на­чаль­ный эта­п его бы­л свя­зан пре­жде все­го с вла­ст­ным ос­вое­ни­ем но­вой тер­ри­то­рии, в хо­де ко­то­ро­го оп­ре­де­ля­лись и вы­ра­ба­ты­ва­лись фор­мы ад­ми­ни­стра­тив­но­го управ­ле­ния ка­ж­до­го кон­крет­но­го ре­ги­о­на (тер­ри­то­рии). Дли­тель­ное вре­мя в отечес­твен­ной ис­то­ри­о­гра­фии го­спод­ство­вал тезис о том, что Рос­сия со­сто­я­ла из ме­тро­по­лии и ко­ло­нии. При э­том не учи­ты­ва­лось на­ли­чие про­тек­то­ра­тов, ав­то­номий и дру­гих об­ъеди­не­ний. К со­жа­ле­нию, в со­вре­мен­ной ис­то­ри­о­гра­фии фак­ти­че­ски от­сут­ствует си­стем­ный под­ход к ре­ше­нию э­того во­про­са. Ме­жду тем наи­бо­лее эф­фек­тив­ным ме­то­дом пред­став­ля­ется ком­па­ра­тив­ный под­ход. Ле­жа­щий в его ос­но­ве срав­ни­тель­но-ис­то­ри­че­ский ме­то­д по­зво­ля­ет вы­де­лить об­щие и осо­бен­ные че­рты в ре­а­ли­за­ции ок­раин­ной по­ли­ти­ки Рос­сий­ской им­пе­рии¹⁵. Ис­хо­дя из э­того, мож­но от­метить не­сколь­ко ти­пов управ­ле­ния ок­раина­ми в со­ста­ве Рос­сий­ской им­пе­рии.

Пер­вым из них яв­ля­ется ав­то­номия. Следует упо­мя­нуть, что смы­сло­вое зна­че­ние э­того тер­ми­на (от греч. «ав­то» – сам и «но­мос» – за­кон) ва­ри­а­тив­но как в нау­ке, так и в об­щес­твен­ной прак­ти­ке. За по­след­ние два ве­ка э­тот тер­мин на­пол­нил­ся но­вым смы­сло­вым зна­че­нием и но­выми де­фини­ци­ями. Фи­ло­со­фский сло­варь трак­ту­ет э­то по­ня­тие как об­ъек­тив­но са­мо­сто­я­тель­ное бы­тие, оп­ре­де­ляе­мое сво­им ра­зу­мом и во­лей. В ис­то­ри­ко-ю­ри­дичес­кой ли­те­ра­ту­ре под ав­то­номией тра­ди­ци­он­но по­ни­ма­ется воз­мож­ность са­мо­сто­я­тель­но­го ре­ше­ния во­про­сов управ­ле­ния кон­крет­ной тер­ри­то­рией во­об­ще и пра­во на соб­ствен­ное, пу­скай и ог­ра­ни­чен­ное, за­ко­но­да­тель­ство и са­мо­управ­ле­ние¹⁶. В то же вре­мя ис­то­ри­ки и пра­во­веды раз­ли­чают два ос­нов­ных ти­па ав­то­номии – ад­ми­ни­стра­тив­ную и по­ли­ти­че­скую (за­ко­но­да­тель­ную).

По­доб­но­го ро­да по­ли­вар­и­ант­ность смы­сло­вого зна­че­ния э­того по­ня­тия не­из­бе­жно влечет за со­бой внут­ри­ви­до­вую ва-

¹⁵ Рос­сий­ские ок­раины в им­пер­ской стра­те­гии ... Гл. 8. С. 30.

¹⁶ Энци­кло­педичес­кий сло­варь Ф. А. Брок­гауза и И. А. Еф­рона. СПб., 1890. Т. 1. С. 126; Энцикл. сло­варь братьев Гранат. М., 1890. Т. 1. С. 26–31; По­ли­то­логия. Сло­варь-справоч­ник ... С. 8–9.

риативность политико-административных единиц Российской империи, которые по своим характеристикам попадают под определение «автономии».

Традиционно в российской юридической и административной практике такая форма была закреплена законодательно. Отличительной чертой *политической автономии* являлось наличие собственных законодательных органов власти и обладание легитимными прерогативами автономного внутреннего управления. В то же время суверенные права подобных автономий ограничивались общегосударственными институтами. В российских реалиях таким институтом выступала самодержавная власть.

Из российских окраинных территорий к этому типу следует отнести прежде всего Царство Польское (Польшу) до 1831 г. и Великое княжество Финляндское (Финляндию). Парадоксальным представляется то обстоятельство, что обе территории отошли к России в результате военных действий: Финляндия после русско-шведской войны 1808–1809 гг., а Польша по решению Венского конгресса после войны с Наполеоном¹⁷. И в том, и в другом случае названные окраины получили свой автономный статус благодаря Александру I, который, по воспоминаниям современников, вообще «любил щегольнуть либерализмом». Однако отнюдь не это обстоятельство сыграло решающую роль при выборе системы управления данными территориями. Определяющими факторами послужили более высокий (по сравнению с империей) уровень социально-экономического развития Финляндии и Польши, в том числе наличие представительных органов власти.

Немалый интерес представляет форма политической автономии Финляндии, которая была наиболее благополучной российской окраиной.

До 1808 г. Великое княжество находилось в составе Швеции¹⁸. Положение княжества незначительно отличалось от колониального, более того, в политическом отношении оно не имело ни тени самоуправления. В Финляндии отсутствовали

¹⁷ ПСЗ-I. Т. 30, № 22991; Т. 23, № 25824.

¹⁸ 20 марта 1808 г. Финляндия была присоединена к России // ПСЗ-I. Т. 30, № 22911.

особые национальные законы и учреждения, которые отличали бы ее от Швеции. В правовом и административном отношении она являлась рядовой шведской провинцией, однако на практике Финляндия была более бесправной, чем коренные шведские области. Это выразилось в следующем:

1. Финляндия служила настоящей ареной для войн, ведущихся Швецией, и вследствие этого претерпевала губительные опустошения. Она поставляла шведской армии солдат, а шведскому флоту – матросов, несла тяжкое бремя военных постоев – обеспечения войск транспортом и фуражом.

2. 48 % ежегодно собираемых в Швеции налогов приходилось на долю Финляндии.

3. Финляндия являлась сырьевым придатком Швеции, поставляя ей корабельный лес, топливо, овес, рожь, продукты сельского хозяйства.

4. Финляндия находилась в полной зависимости от Швеции в торговом отношении. Вся оптовая торговля была организована с учетом интересов Швеции (цены и географическое направление). Финляндии было запрещено торговать с другими странами, в особенности с Россией. Вследствие указанных обстоятельств финнам приходилось уступать свои товары шведским перекупщикам по неоправданно заниженным ценам.

Столь бесправное положение Финляндии в составе Швеции особенно усугубилось в конце XVIII – начале XIX в., когда в связи с развитием денежных отношений и зарождением финской буржуазии оно стало помехой экономическому развитию финского хозяйства в целом. Следствием этого явились зародившиеся к началу XIX в. в Финляндии ростки недовольства шведским владычеством и основанные на нем планы освобождения из-под шведской эгиды. Указанное обстоятельство служило основной причиной того воодушевления, с которым финны встретили выход своей страны из состава Швеции и присоединение ее к России¹⁹. При этом следует отметить, что присоединение Финляндии к России в 1809 г. было обусловлено как историческими причинами, так и военно-стратегическими соображениями.

¹⁹ Похлебкин В. В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений 1713–1973. М., 1975. С. 30–32.

Возрастание международной напряженности в районе Балтики с конца XVII в., три войны в течение XVIII столетия в непосредственной близости к столице, наступление в начале XIX в. благоприятной для Российского государства внешнеполитической ситуации – совпадение этих причин заставило Россию пойти на присоединение Финляндии к империи²⁰.

16 марта император Александр I уведомил иностранные державы особой декларацией, где сообщалось, что «отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась шведскою... признается областью, российским оружием покоренною, и присоединяется к Российской империи»²¹. Несколькими днями позже – 20 марта – император подписал манифест «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России». Документ гласил: «Страну сию, оружием нашим... покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской Империи, и вследствие того повелеваем <... > принять от обывателей ея присягу на верное Престолу Нашему подданство»²².

Присоединив Финляндию к империи, Александр I предоставил ей статус политической автономии. На практике этот статус имел форму «несуверенного государства, подчиненного России и неразрывно связанного с имперской короной». По основным признакам внутреннего устройства Финляндия представляла собой форму политической автономии²³.

Эта автономия имела ряд ограничений, проявившихся прежде всего в сфере высшего управления. Российский император одновременно являлся великим князем Финляндским. Кроме этого, финский парламент должен был координировать свою деятельность с центральным правительством посредством особого министра (статс-секретаря). Председателем финляндского сейма являлся назначаемый императором генерал-губернатор, который вместе с тем контролировал исполнительную власть в княжестве²⁴.

²⁰ Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб., 1910. С 26; Арсентьев К. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 56.

²¹ ПСЗ-И. Т. 30, № 22899.

²² ПСЗ-И. Т. 30. № 22911.

²³ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 38.

²⁴ Финляндия. СПб., 1898. С. 91–99.

Таким образом, финская автономия не имела аналогов в практике взаимоотношений России с другими ранее инкорпорированными самостоятельными территориями (Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское ханства, Молдавия и др.). Политико-административная система Финляндии представляла собой довольно сложный механизм, сочетавший черты буржуазного парламентаризма с пережитками сословно-феодального строя²⁵. При этом финская автономия формировалась отнюдь не на нормах шведского законодательства, а на основе целого ряда последующих актов, определивших структуру и компетенцию органов управления окраинной, равно как и их отношение к самому императору²⁶.

После Польши политический статус Финляндии был вторым в империи. После же известных польских событий 1863 г. и ликвидации польской автономии стал самым высоким в империи. Особый административный статус обеих окраин в составе империи подчеркивался их бюджетной автономией, законодательно оформленной конституциями 1809 и 1815 гг. соответственно. Более того, именно собственный бюджет составлял одну из важнейших основ политической автономии Финляндии и Польши. Подобная самостоятельность предполагала сохранение национального бюджетного и налогового законодательства, а также независимость финансового управления обеих территорий от российского министерства финансов²⁷.

В этой связи следует отметить, что одной из отличительных черт российской колониционной политики была ее нестяжательность – Россия вкладывала в развитие окраин больше средств, чем получала²⁸.

Дальнейшее развитие финской государственности в русле преобразований Александра II неизбежно вело к расширению ее автономии. Вполне прогнозируемым последствием развития ситуации могло стать столкновение интересов центра и

²⁵ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 38.

²⁶ Аверин Б. Указ. соч. С. 8; Дусаев Р. Н. Государственно-правовой статус Великого Княжества Финляндского, 1809–1917 гг. // Правоведение. 1975. № 2. С. 110–118.

²⁷ Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / сост. М. Баталина, А. Миллер. М., 2004. С. 4.

²⁸ Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности ... С. 30.

окраины. Стремясь избежать финского сепаратизма, имперский центр предпринимает ряд мер, направленных на ограничение автономного статуса княжества. С начала 90-х гг. Александр III переходит к открытой политике ликвидации автономного статуса Финляндии.

Революционные события 1905–1907 гг. благотворно отразились на положении окраины: самодержавие было вынуждено идти на уступки, утвердив новый Сеймовый устав: революция 1905 г. восстановила все автономные права Великого княжества Финляндского²⁹.

Таким образом, Финляндия представляет особый образец политической автономии в составе империи. Она обладала собственным парламентом, монетной, почтовой и таможенной системами. В этом виде Финляндия являет собой весьма удачный образец регионалистской политики. В то же время имперское правительство, расширяя автономный статус окраины, стремилось управлять ею так же, как и рядовыми российскими территориями, не имевшими особого статуса. Столкновение двух различных начал политики – централистского и регионалистского – было неизбежно. В конечном итоге Великое княжество Финляндское в своем развитии повторило путь других политических образований в составе Российской империи.

Самую большую автономию (с юридической точки зрения) в составе России имела Польша (до восстания 1831 г.). В отличие от финляндской, польская автономия была закреплена конституционно. Равно как и финская окраина, Польша никогда не являлась колонией Российской империи. Прежде всего это определялось тем обстоятельством, что указанные регионы по своему социально-экономическому развитию не уступали центральным великорусским губерниям. Однако в большей степени это относилось к Финляндии, нежели к Польше, ситуация в которой представлялась для имперского правительства несколько сложнее. Объяснялось это естественным постоянным стремлением поляков вернуть свою независимость.

После третьего раздела в 1795 г. Польша, как единое и независимое государство, перестала существовать. Между тем

²⁹ Корево Н. Сеймовый устав для великого княжества ... С. 118.

политические события в Западной Европе, непосредственно последовавшие за третьим разделом бывшей Речи Посполитой, невольно направили взгляды поляков на Францию, которая в этот период вела войну с Пруссией и Австрией и имела крайне натянутые отношения с Россией.

В республиканской Франции поляки видели защитницу своей погибавшей страны³⁰. Однако с низложением Наполеона Польша потеряла надежду вернуть свою независимость. Несмотря на это обстоятельство, как отмечал М. Погодин, она выявила неисчерпаемую живучесть своей нации и тем самым демонстративно указала на необходимость нового разрешения польского вопроса³¹.

Это решение находилось теперь в руках России. Уже в трех первых разделах 1772–1795 гг. на долю Российского государства пришлось около трех четвертей территории и свыше половины населения бывшей Речи Посполитой. Теперь же, после того как Россия заняла княжество Варшавское, она владела 9/10 прежней Польши.

Основываясь на этом фактическом владении польскими землями, Александр I решил образовать соединенное с Россией Царство Польское, в состав которого должны были войти все подвластные России польские земли, то есть большая часть территории прежней Польши.

На Венском конгрессе (1814–1815 гг.), созванном после низложения Наполеона, польский вопрос был одним из наиболее важных и трудных. При его решении столкнулись интересы Пруссии, Австрии, Англии и России. Конгресс противился даже конституционной организации Царства Польского. В итоге восторжествовала русская дипломатия.

В результате произошел в сущности новый, четвертый раздел Польши, по которому Россия, оставляя за собой польские земли, полученные по предыдущим разделам, приобрела большую часть княжества с городом Варшавой, названного Царством Польским. Вместе с тем в территориальном отношении Конгресс пошел на значительные уступки: Россия была

³⁰ Друнин В. П. Польша, Россия и СССР. Л., 1928. С. 98.

³¹ Погодин М. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867 гг. М., 1867. С. 37.

вынуждена отдать Пруссии около 1/4 княжества Варшавского и выделить Краков. В этом виде польский вопрос вошел в трактаты, заключенные в Вене с согласия Англии, между тремя державами – Россией, Австрией и Пруссией – 3 мая 1815 г.³²

Отныне Польше была уготована участь быть «в неразрывной связи и во владении... императора Всероссийского и наследников его на вечные времена». Император же «сообразно с существующим обычаем и порядком» получал титул царя (короля) Польского. Поляки получали гарантию иметь народных представителей и национальные государственные учреждения согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезней – и приличнейшим для них»³³. Александр I великодушно даровал Польше политическую автономию. Именно благодаря Александру польская окраина получила конституцию, которая являлась наиболее прогрессивной по тем временам конституционной хартией в Европе; в России же она считалась верхом либерализма³⁴.

Сам факт создания Королевства Польского и его довольно прогрессивная для своего времени конституция встретили одобрение со стороны значительной части польского общества. В то же время в его образованной части – среди шляхты, буржуазных слоев и интеллигенции – было немало недовольных, считавших более правильной пронемецкую либо профранцузскую ориентацию. Однако, несмотря на это, в конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности³⁵. Между тем конституция Царства Польского вместе с автономией окраины провозглашала ее неразрывную политическую и династическую связь с Россией: Александр I стал царем Царства Польского³⁶.

³² ПСЗ-I. Т. 23, № 25824.

³³ Там же; Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. С. 20; Аскенази Ш. Указ. соч. С. 17–19; Друнин В. П. Указ. соч. С. 101.

³⁴ Кулаковский П. А. Польский вопрос в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 21. (Б-ка Окраин России; № 3); Погодин М. Указ. соч. С. 44–46, 117.

³⁵ История Польши. М., 1954. Т. 1. С. 409; Краткая история Польши. М., 1993. С. 96–97.

³⁶ Лохвицкий А. Обзор современных конституций. СПб., 1862. Ч. 1. С. 232.

Таким образом, Польша, будучи окраиной Российской империи, фактически являлась государством со своей конституцией, парламентом, армией, казной и *воеводствами* (не губерниями, как в большинстве окраин), возглавляемыми самими поляками³⁷. Российский император, являвшийся одновременно польским королем, признавался главой исполнительной власти, однако законодательные функции он должен был осуществлять совместно с сеймом. Во время отсутствия императора его замещал наместник. При этом «польский наместник» обладал значительно большей компетенцией, нежели имперский генерал-губернатор. Фактически наместник являлся полномочным представителем императора в этой окраине.

Польское восстание 1830 г. повлекло за собой упразднение конституции и как следствие этого потерю значительной части политической автономии. Взамен отмененной конституции в феврале 1832 г. был принят «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России. Основная его идея заключалась в административном слиянии Царства Польского с империей и установлении такого порядка, который бы исключал повторение подобных восстаний. Фактически Польша перешла на положение территории с административной автономией. Таким образом, польская автономия представляет собой пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию³⁸.

Сохранение определенной автономии в окраине было продиктовано стремлением имперского правительства децентрализовать его управление в целях усиления местной власти и повышения ее эффективности³⁹. Таким образом, «Органический статут», заменявший собой конституцию 1815 г., оказался также достаточно либеральным. Однако не был реализован, так как в Польше продолжалось революционное брожение, готовились новые выступления. В этой связи в 1834 г. император Николай вводит в Польше военное положение. Польским наместником был назначен фельдмаршал И. Ф. Паскевич,

³⁷ История Польши ... С. 495.

³⁸ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 22.

³⁹ Аверин М. Б. Указ. соч. С. 13.

только что вернувшийся с Кавказа. Исходя из своего кавказского опыта, он стремился силой не допустить второго восстания... Все это отодвигало реализацию статута 1832 г. на неопределенное время⁴⁰.

Вступление на престол Александра II символизировало собой наступление эпохи общей либерализации внутренней политики империи. В начале 60-х гг. предпринимались определенные попытки вернуть Польше политическую автономию. Заметим, что в основе их лежало стремление имперского правительства не допустить перерастания начавшихся в Варшаве беспорядков в очередное восстание. В этих целях в Петербурге разрабатывался проект будущего управления Царством Польским, в частности, по указу от 27 мая 1862 г. восстанавливалась внутренняя автономия Царства Польского, как это было по конституции 1815 г.⁴¹

Однако эти меры были явно недостаточны. Вспыхнувшее в январе 1863 г. польское восстание было жестоко подавлено. В отношении окраины был взят курс на ее скорейшую инкорпорацию с империей. В конце концов именно восстание спровоцировало курс на унификацию и русификацию края. Происходит отмена наместнической формы правления вместе с административно-территориальной автономией края: в 1866 г. была введена общеимперская система управления краем, в 1874 г. упразднена должность наместника. На практике это означало полное уничтожение былой автономии, равно как и названия Царства Польского. Отныне в официальных документах оно именовалось Варшавским генерал-губернаторством.

Наиболее сложной российской окраиной в плане определения типологии модели управления является Кавказ. Разновременность присоединения территорий Кавказа к России, а также формы, в которых оно осуществлялось, предопределили и многообразие моделей управления. Этот регион был наиболее многонациональной окраиной империи, а его полиэтничность и многоукладность выступали важными факторами в

⁴⁰ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 32–33; Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. 358 с.

⁴¹ Российские окраины в имперской стратегии ... С. 36.

процессе формирования местной административно-политической системы. Таким образом, здесь имели место смешанные формы (а точнее несколько моделей) управления.

Модель административного управления, создававшаяся на каждой вновь приобретенной территории, предполагала учет местных особенностей, принципов административного устройства внутренних губерний России, на ней сказывались личные качества главы административной власти на Кавказе. В частности, в Закавказье в процессе его присоединения к России сложилось несколько форм управления: комендантская (военно-народная), губернская, областная, совмещавшихся с более мелкими и локальными административно-территориальными – округами, магалами и пр. Кавказ на протяжении всей его истории в XIX – начале XX в. оставался либо очагом волнений, либо театром военных действий, а это означает, что военная функция административно-политической системы здесь оказывалась подчас приоритетной.

На большей части окраины была распространена административная автономия. Выступая в качестве одного из способов децентрализации государственной власти в унитарном государстве, она предусматривала определенную степень самостоятельности территории⁴².

Отличительной чертой *административной автономии* в составе Российской империи являлось наличие особых прав по устройству своей территории, с верховной администрацией метрополии (империи) и смешанной администрацией среднего и низшего звена.

В конце XVIII – начале XIX в. большая часть территорий Северного Кавказа и Закавказья вошла в состав Российской империи, признав себя вассалами. Это обстоятельство позволяет рассматривать форму управления этой окраиной как протекторат. Протекторат представляет собой полуколониальную форму зависимости, при которой формально сохранялась государственность, но за протектором признавались широкие права и полномочия на вмешательство во внутренние дела зависимого государства⁴³. В пользу протектората говорит то об-

⁴² Политология. Словарь-справочник ... С. 8–9.

⁴³ Политология. Словарь-справочник ... С. 230–231.

стоятельство, что на Кавказ смотрели как на колонию России, основная задача которой состояла в обеспечении сырьем развивающейся текстильной промышленности. Активизация политики царизма на Кавказе была вызвана стремлением обеспечить развитие отечественной промышленности и торговли за счет расширения рынков сбыта и освоения источников сырья на окраинах империи⁴⁴.

Постепенно на ханства стали распространяться общеимперские законы и административные учреждения⁴⁵.

Тем не менее на основных командных должностях находились представители коренного населения. Состав кавказской администрации был, по оценке современников, «совершенно исключительный», поскольку «ни по одному ведомству» здесь не было «хотя бы полурусской власти»⁴⁶. Де-факто в крае складывалось самоуправление. Таким образом, форма правления, которая утвердилась в регионе, была даже не протекторной, так как протекторат – это значительно больший контроль над местным самоуправлением. В кавказском же случае нельзя сказать, что поддавалось контролированию, а что – нет⁴⁷. Тем не менее попытка распространения на окраину общеимперского законодательства и управления встретила на Северном Кавказе сопротивление знати и широких народных масс, вылившееся в конечном итоге в Кавказскую войну. Война была одним из самых сложных и драматичных событий истории региона.

Основные очаги ее были сосредоточены в труднодоступных горных и предгорных районах на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе, окончательно покоренных Российской империей только к концу второй трети XIX в. Ее основным ареалом оказались земли Северного и Среднего Нагорного Дагестана и Чечни. В итоге именно война способствовала длительному сохранению в крае административных автономий⁴⁸.

⁴⁴ Эсадзе С. Историческая записка по управлению Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 57.

⁴⁵ ПСЗ-I. Т. 15, № 13368.

⁴⁶ Шавров Н. Русская колонизация на Кавказе // Вопр. колонизации. СПб., 1911. Т. 8. С. 65.

⁴⁷ Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма ... С. 52.

⁴⁸ Лысенко Л. М. Указ. соч. С. 156.

В то же время в мусульманском Азербайджане, после его инкорпорации в Россию, с начала XIX в. до 40-х гг. даже при ликвидации отдельных ханств сохранялась старая административная и податная система. Подобная ситуация обуславливалась стратегическим значением Азербайджана, с одной стороны, и соответствующим уровнем его социально-экономического развития, с другой⁴⁹. В большинстве ханств была введена система военно-народного управления – одна из разновидностей рассматриваемой модели управления окраинами (административной автономии).

Характерными чертами военно-народного управления являлись неразрывность (комбинирование) военной и гражданской власти; наличие выборных лиц из числа местного (коренного) населения во всех уровнях местного управления (за исключением дел, имеющих политический характер); сохранение в рамках местного законодательства обычного (традиционного) права.

Мусульманские ханства переименовывались в «провинции», которые управлялись военно-окружными начальниками (комендантами из числа полковников или генералов российской армии) и подразделялись на магалы⁵⁰.

Комендант имел те же полномочия, что и хан, за исключением права выносить смертельный приговор. Он утверждал в должности местного главу мусульманского духовенства, чиновников администрации провинции.

Подобное комендантское управление, основанное на методах управления азербайджанских ханов XVIII в., фактически ничем не отличалось от системы ханского управления. Оно просуществовало до 1841 г. – до введения нового учреждения для управления Закавказским краем⁵¹.

⁴⁹ Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // *Вопр. истории*, 1983. № 4. С. 42.

⁵⁰ Магал (от араб. – «махалл») – в данном случае участок. См.: Дамешек И. Л. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX в.) // *Вестн. Евразии*. 2003. № 1(20) С. 174.

⁵¹ Лурье С. В. Русское колониальное сознание и этнополитическая реальность Закавказья // *Восток*. 1993. № 3. С. 54–55; Эсадзе С. Указ. соч. С. 65; Колониальная политика русского царизма в Азербайджане. М. ; Л., 1936. Т. 1. С. 7–10; ПСЗ-II. Т. 15, № 13368.

Во второй половине XIX в. на Кавказе сохранялась тенденция привлечения местного населения в введенные Россией новые административно-управленческие структуры. Связано это было прежде всего с деятельностью двух кавказских наместников М. С. Воронцова (1845–1854) и Н. Н. Муравьева (1854–1856)⁵². Подобная практика способствовала определенному повышению эффективности управления окраиной. В этот период многие горцы высших сословий стремились получить должность как в центральных, так и региональных (местных) административных органах управления. Престижными были должности начальника округа, участка, старшины в сельском управлении. Основными требованиями, предъявляемыми российской администрацией, было знание русского языка и лояльное отношение к России. Тем, кто хотел делать серьезную карьеру в российских государственных или военных структурах, особенно центральных, негласно ставилось и другое условие – принятие православия. Специально для подготовки профессиональных чиновников из числа местных жителей 11 июня 1849 г. было утверждено «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны в высших и специальных учебных заведениях Империи»⁵³.

На Северном Кавказе ликвидация автономий происходила в 60-е гг., после окончания Кавказской войны. Главная задача, стоявшая перед кавказскими наместниками, заключалась в скорейшем и по возможности полном инкорпорировании окраины в империю. Именно этим обстоятельством было обусловлено проведение ряда реформ системы управления территорией, разработанных в контексте единой имперской административной системы⁵⁴.

Третья модель окраинного управления – управление с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях.

⁵² Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Историческая справка о ходе организации гражданского управления Кавказского края. С. 15; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 281. Л. 3–3об, 17–23.

⁵³ ПСЗ-II. Т. 24. Отд. 1. № 23307.

⁵⁴ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Историческая справка ... С. 25; Протоколы Комиссии по составлению проекта Положения...; ПСЗ-III. Т. 2. Отд. 1. № 638.

Характерной чертой этой модели является наличие имперской (русской) администрации на всех уровнях местного управления: генерал-губернатор (наместник) – губернатор (гражданский или военный) – уездный начальник. Наличие на присоединенной территории исключительно общеимперской административной и законодательной системы означало полную инкорпорацию окраины в империю. Примером такой модели служит азиатская окраина империи (Сибирь, а впоследствии и Дальний Восток). Изначально на эту территорию была распространена общеимперская система административно-территориального деления управления во главе с воеводой, а впоследствии губернатором и генерал-губернатором. В результате административных реформ первой четверти XIX в. в административном отношении Сибирь состояла из двух генерал-губернаторств: Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского⁵⁵.

Стремление к дальнейшей унификации страны в контексте единой общеимперской административной системы обусловило ряд преобразований на азиатской окраине. В самом начале 80-х гг. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено, а Тобольская и Томская губернии подчинены непосредственно «подлежащим министерствам»⁵⁶. Однако одновременно с этим было учреждено Степное генерал-губернаторство, объединившее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области, а незадолго до этого в 1839 г. административный центр генерал-губернаторства был перенесен из Тобольска в Омск, который и стал столицей нового административного образования. Тогда же было образовано Приамурское генерал-губернаторство, включившее Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, а в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири остались Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область⁵⁷.

Представленные основные модели окраинного управления Российской империи отличались вариативностью и стремлением по возможности учитывать местную специфику инкорпорированных территорий. Несмотря на обозначенное

⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 38, № 28892, 29125.

⁵⁶ ПСЗ-III. Т. 2, № 886.

⁵⁷ Там же. Т. 4, № 2524.

многообразии, система окраинного управления имела ряд общих черт (компонентов). Прежде всего это существование главы местной администрации в лице наместника или генерал-губернатора. Пользующийся личным доверием императора, он обладал широкой компетенцией и определенной долей автономии для решения на месте большинства возникавших вопросов. Второй особенностью этой системы являлось использование местных обычаев, прежде всего местных институтов управления и судебной системы, а также активное привлечение национальной элиты к делам управления окраины (на местном уровне). Третьей существенной особенностью было стремление к унификации системы управления всеми окраинами в целях их полной инкорпорации в империю.

Таким образом, Российская империя начала XIX – начала XX в. представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на огромной территории от Балтики до Тихого океана. Характерными чертами российской окраинной политики были ее поливариантность и значительная гибкость, что в конечном итоге обусловило столь длительное и стабильное существование самой империи.

1.2. ИМПЕРСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ОКРАИНАМИ

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. В первой половине XIX в. в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию⁵⁸.

В отличие от многих единых государств в Европе, которые складывались и развивались как государства мононациональные, Россия всегда была многонациональной. Уже в Древней Руси восточнославянское население было тесно связано с другими этническими группами. По мере формирования территории единого Российского государства во главе с Москвой многонациональный характер все более усиливался⁵⁹. Роль объединителя различных народов в одном государстве сыграл русский народ.

Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались вероисповеданием и психологией. Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, характеризовались не только многообразием климата и ландшафта, но и разным уровнем хозяйственного освоения. Территории Российской империи существенно отличались между собой по уровню экономического развития.

Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере их вхождения в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи.

⁵⁸ Преображенский А. А. Об исторической роли окраин позднефеодальной России в свете дореволюционных трудов В. И. Ленина // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 368.

⁵⁹ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 211.

Некоторые современные исследователи склонны видеть зачатки региональных подходов в управлении конкретными территориями уже в период существования Древнерусского государства⁶⁰. Действительно, отдельные особенности политических взаимоотношений Киева и Новгорода в XI–XIII вв. имели место. Однако вряд ли в этом следует видеть осознанную политику киевских князей. Скорее, такая политика была вынужденной мерой, обусловленной слабостью киевских правителей и рядом иных объективных обстоятельств.

Здесь следует отметить, что понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Изначально подразумевалась как бы его историчность. В XI–XII в. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Великого Новгорода, подразумевала под ней прежде всего пограничную территорию, трактуя ее как границу между Новгородом и иным государством⁶¹. Однако по мере усиления борьбы Московской Руси с монголо-татарским игом московские власти начинают вкладывать в понятие «окраина» не только географический, но и известный политический акцент. В XV–XVI вв. правительства Ивана III и Василия III, «прибирая к рукам» волости Великого Новгорода, вводили во вновь присоединенных территориях дань в пользу великого Московского князя, рассматривали окраинную «Сибирскую землю» как вновь установленную границу между русским государством и сибирским ханством⁶².

Инициатива объединения русских земель могла исходить только из центра, которым, по мнению московских дьяков, бесспорно, являлась Москва. Киев, расположенный на окраине государства, объединительным центром выступать уже не мог. Так постепенно вырабатывалась идеология взаимоотношений и понятий «центр» и «периферия», «окраина». Именно в этот период российской истории под окраиной стали пониматься земли не только удаленные от «центра», но и находящиеся в

⁶⁰ Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Феодализм в истории России. М., 1992. Кн. 1. С. 26–31.

⁶¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. ; Л., 1949. С. 9; Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. С. 136–139.

⁶² Устюжский летописный свод. М. ; Л., 1954. С. 94.

подчиненном к нему положении. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебныхниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссылать преступников в «украинные города Севск, Курск и другие»⁶³. С учетом того обстоятельства, что засечная черта на юге России начала складываться только в XVII в., становится ясным, что в тот период Курск действительно находился «у края» Русского государства, являлся его границей, рубежом между Россией и многочисленными ордами еще непокоренных кочевников. Правительство сознавало «подвижность» такого рубежа, который как бы отодвигался от центра по мере расширения территории Российского государства, колонизации окраин. В свою очередь, присоединение новых обширных территорий, достижение естественных границ рассматривалось правительством как необходимое обеспечение гарантий безопасности, осознание того, что с данной окраины России опасность не грозит⁶⁴.

Наступление российской цивилизации на окраины приводило к отмиранию самой идеи «особенных» правил для данной территории. Однако на новых землях «особенные порядки устанавливались вновь»⁶⁵.

По мере завершения объединения русских земель в конце XV – начале XVI в. Москва все отчетливее понимает, что управлять обширным государством с помощью архаичных институтов и учреждений становится невозможным. Поэтому в процессе становления и укрепления самодержавия во внут-

⁶³ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. Прил. 1. С. 4–13.

⁶⁴ Подробнее о значении фактора «рубежа» в истории см.: Агеев А. Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизованного разлома // Американский и Сибирский фронт: материалы Междунар. науч. конф. 4–6 окт. 1996 г. Томск, 1997. С. 30–36; Он же. Движение России на Восток и США на Запад: Сходства и оппозиции (методологический аспект) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: докл. Второй междунар. науч.-практ. конф. 11–14 авг. 1997 г. Кн. 2. М.: Иркутск: Тэгу, 1997. С. 18–23; Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. 128 с.

⁶⁵ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 1. С. 338.

ренной политике начинает четко прослеживаться тенденция на ликвидацию остатков былой самостоятельности некоторых пограничных и окраинных территорий⁶⁶.

В последующий период русской истории, в XVII в., в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, в стремлении к политическому единству огромного, но весьма разнообразного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин империи.

В качестве примера укажем на восток страны, где эти противоречия проявились в правительственном подходе по отношению к вопросам землевладения государства и коренного населения. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушшиной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли⁶⁷.

Аналогичные тенденции в правительственной политике можно отметить и на примере Калмыкии, где с самого начала установления официальных отношений с Россией в правительственном курсе прослеживаются «федеративные принципы»⁶⁸.

⁶⁶ Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 179–180.

⁶⁷ Бучинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 330–332.

⁶⁸ Максимов К. Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М., 1995. С. 15–19.

В истории абсолютистской российской монархии XVIII в. ознаменовался попытками ликвидации остатков былой самостоятельности пограничных и окраинных земель. В Екатерининскую эпоху на Украине была осуществлена отмена гетманства, в Прибалтике учрежден «особый прибалтийский порядок», олицетворяющий автономные права Эстляндии и Лифляндии⁶⁹. В Сибири были существенно урезаны права Сибирского приказа, а в 1763 г. последний был окончательно упразднен⁷⁰. Однако правительство было вынуждено сохранять некоторую децентрализацию власти. На Украине это выражалось в попытках учреждения Малороссийской коллегии во главе с П. А. Румянцевым, в Прибалтике – в организации особой системы крестьянского налогообложения, на востоке страны – в многочисленных административных преобразованиях, предоставлении сибирским губернаторам права самостоятельного принятия ряда решений, как будет «удобно по местным условиям»⁷¹.

В конце XVIII в. после подавления крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева внутренняя политика правительства характеризуется значительным укреплением дворянского аппарата управления, унификацией системы и методов административно-политического контроля за окраинами. По существу, окраинная политика с этого времени становится важной частью общероссийской системы управления.

В первой половине XIX столетия формирование основных направлений окраинной политики находится в неразрывной связи с общими принципами политики государства⁷². Они напрямую зависели «от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности»,

⁶⁹ Подробнее см.: Милов Л. В. Управление окраинами империи // История России. С начала XVIII до конца XIX в. М., 1996. С. 226–234.

⁷⁰ История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 307–308.

⁷¹ ПСЗ-1. Т. 7, № 4916.

⁷² Киняпина Н. С. Внутренняя политика царизма в первой половине XIX в. (обзор) // Вопр. истории. 1968. № 9. С. 38.

которые были «неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»⁷³.

Первая половина XIX в. была отмечена дальнейшим увеличением территории Русского государства. В течение этого периода времени к России отошли почти все Закавказье (без Аджарии и Батума), Финляндия и значительная часть Польши. За счет этих приобретений территория Российского государства увеличилась примерно на 1/5 и составила почти 18 млн квадратных верст. При этом общая численность населения страны превысила к середине XIX в. 70 млн чел.

Конечно, не все приобретенные за это время территории имели для России равное стратегическое и экономическое значение. Однако нельзя оставить без внимания то немаловажное обстоятельство, что за счет присоединения Финляндии и Кавказа удлинялась береговая линия империи и расширялись возможности ее морских сообщений с другими странами. Поставщиком сырья для российской промышленности могли стать и некоторые районы Закавказья с их тутовыми садами, плантациями марены и хлопчатника. Наконец, расширение границ империи в южном и юго-восточном направлениях обеспечивало рост площадей плодородных целинных земель, освоение которых позволило надеяться на быстрое увеличение продукции сельского хозяйства⁷⁴.

Присоединением Сибири к Российскому государству, собственно, закончилось формирование его территории, и начался процесс имперского строительства. Однако и в начале XIX в. в правительственных кругах на этот регион продолжали смотреть как на колонию – «Перу и Мексику наше»⁷⁵. В то же время предшествующий опыт формирования региональных особенностей внутривластного курса вынуждал правительство с особой осторожностью относиться к выработке основ этой самой политики, дабы избежать «охлаждения чувств»

⁷³ Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1. С. 6.

⁷⁴ История России с древнейших времен до наших дней : в 12 т. М., 1967. Т. 4. С. 357–358.

⁷⁵ Ядринцев Н. М. Экономическое значение Сибири. СПб., 1861. С. 15.

русских и коренных жителей империи к метрополии⁷⁶. Несмотря на отличие типов окраин и колоний, в каждом отдельном случае руководство страны пыталось учитывать опыт своей деятельности в конкретном регионе.

В первой половине XIX в. в плане разработки модели окраинной политики наибольшее внимание правительства привлекали Кавказ, Финляндия, Польша, Сибирь. Однако целостной доктрины окраинной политики ни в эпоху Александра I, ни в период 30-летнего царствования Николая I выработано не было. Имперские амбиции толкали сановный Петербург на введение общероссийской системы управления на вновь присоединенных территориях. Это вело к быстрому и, как казалось, окончательному закреплению окраинных земель в составе империи и, как следствие, повышению международного авторитета правящей династии.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.

Включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством проблему включения его в общую правовую и административную систему⁷⁷.

Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой унификации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики. Весьма показательным в

⁷⁶ Мы разделяем мнение Л. М. Горюшкина на этот счет. Подробнее см.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ... С. 77–78.

⁷⁷ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопр. истории. 1995. № 9. С. 131.

этом плане является опыт разработки положения об управлении Кавказом.

Кавказский регион имел для России как экономическое, так и стратегическое значение. На Кавказ смотрели как на колонию империи, сырьевую базу для развивающейся русской промышленности. Однако стратегическое значение региона для России преобладало над экономическим: Кавказский хребет защищал южные границы империи, а Закавказье служило плацдармом для движения России в Персию, Турцию и Иран. Вследствие указанных обстоятельств перед российским правительством встала задача интегрировать край в империю, слить его с Россией в одно целое. Варианты осуществления поставленной цели обсуждались в различных правительственных комитетах и на заседаниях Государственного совета на протяжении первой половины столетия. Если проект 1831 г. предусматривал возможность распространения на окраинные территории империи общероссийской системы управления⁷⁸, то межведомственная комиссия барона Гана в 1837 г. высказалась на этот счет гораздо осторожнее, считая целесообразным «определить в подробности начала управления, наиболее соответствующие для каждой из провинций». Спустя два года министр финансов Н. М. Канкрин вообще выступил против представления о Закавказье как составной части России, предложив рассматривать его как колонию⁷⁹.

В конечном итоге цель была достигнута, но не сразу, а постепенно – в четыре приема: реформами 1801, 1805, 1811 и, наконец, 1840 (реформа барона Гана) гг.⁸⁰ В значительной степени, наряду с постепенностью реформирования, этому способствовала также практика учета местных этнических, религиозных и иных традиций Кавказского региона.

Между тем «гановская» система управления, которая, казалось, обеспечивала инкорпорацию окраины в имперскую политико-административную систему, не выдержала проверки

⁷⁸ Колониальная политика Российского правительства в Азербайджане. М. ; Л., 1936. Ч. 1. С. 231–232.

⁷⁹ Эсадзе С. Историческая записка по управлению Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 75, 82.

⁸⁰ ПСЗ-I. Т. 26, № 20007; Т. 28, № 21753; Т. 31, № 24597; ПСЗ-II. Т. 15, № 13368.

временем и вскоре «превратилась в груды развалин»⁸¹. Уже спустя два года после ее принятия российское правительство вынуждено было признать полный провал реформы 1840 г. : административная унификация не означала унификации ментальной. В то же время важность завершения инкорпорации окраины обусловила активные действия имперского правительства по поиску оптимального решения стоящих перед ним задач. В рамках реализации последних был предпринят ряд мероприятий, основанных на принципах регионализма. Они нашли свое выражение в кардинально новых административных учреждениях по делам кавказской окраины, основанных в середине 40-х гг. XIX в.: особого Временного VI отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Комитета по делам Закавказского края и Кавказского наместничества⁸². Правительство Николая I отчетливо понимало, что наличие унифицированной административно-политической системы было явно недостаточным условием для создания единого имперского государства. Основным объединяющим фактором в сложившейся ситуации должна была выступать «облеченная доверием Верховной власти сильная местная центральная власть, с обширными полномочиями и достаточными средствами, чтобы внушить уважение к ее цивилизующей миссии». Именно таким «средством к объединению» должно было стать наместничество⁸³.

Удаленность Кавказа от центра страны, его стратегическая и экономическая важность для империи обуславливали широкие полномочия главы кавказской администрации, которые простирались фактически до министерского уровня⁸⁴. В то же время имперское правительство ясно представляло возможные негативные последствия столь широких властных полномочий наместника. Стремясь нивелировать потенциальные

⁸¹ Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича. Исторический очерк. Тифлис, 1901. С. 307.

⁸² Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Историческая справка о ходе организации гражданского управления Кавказского края. С. 9.

⁸³ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Записка статс-секретаря барона Николаи о преобразовании центрального управления на Кавказе. Окт. 1882 г. С. 5.

⁸⁴ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Историческая справка ... С. 15.

негативные последствия фактически чрезвычайной власти, официальный Петербург несколько видоизменяет систему высшего управления окраиной. Это выразилось в упразднении Временного VI отделения Собственной Е. И. В. канцелярии и переименовании с февраля 1845 г. Комитета по делам Закавказского края в Кавказский комитет⁸⁵, с одновременным существенным расширением функций последнего. По замыслу правительства, Комитет должен был в известной степени нивелировать казавшуюся слишком опасной широкую самостоятельность кавказской администрации и не допустить отрыва Кавказа от надзора из центра. Таким образом, складывалась двойственная ситуация: с одной стороны, правительство учреждает в регионе должность с чрезвычайными функциями (наместник), с другой стороны, создает в столице комитет, которому поручает ограничивать эти полномочия. Однако основные усилия всех имперских учреждений на Кавказе были направлены на скорейшее сближение окраины с империей: чтобы «связать с собою этих новых подданных нерасторжимыми узами, чтобы заставить их ... полюбить правительство русского монарха... чтобы, покинув несбыточные мечтания, привязаться к своей новой мачехе, как к родной матери»⁸⁶.

Таким образом, если главной целью российской политики на Кавказе была его инкорпорация в империю, то при разработке модели окраинного управления в Финляндском княжестве столичные чиновники руководствовались иными соображениями.

Присоединением Финляндии Россия стремилась достичь двух целей: во-первых, прочно гарантировать мир на северо-западе империи, выйдя к морскому побережью и обезопасив себя Ботаническим заливом, как рвом, от любых попыток нападения со стороны Швеции; во-вторых, гарантировать безопасность своей северной столицы, отодвинув от нее как можно дальше государственную границу. Обе указанные задачи носили исключительно оборонительный характер и полностью

⁸⁵ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи : в 2 т. / под общ. ред. В. В. Черкесова ; науч. ред. Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. СПб., 2001. Т. 1. С. 205.

⁸⁶ Иваненко В. Н. Указ. соч. С. 348.

решались присоединением Финляндии. Заметим, что в исследуемый период времени царское правительство не делало секрета из того, что Финляндия была необходима империи из военно-стратегических соображений. Присоединение Финляндии, по мнению современников этого события, являлось одним из «драгоценнейших приобретений» императора Александра I. Таким образом, Финляндия официально рассматривалась как территория, основное назначение которой – прикрывать Россию и особенно ее столицу с запада, служить гигантской оборонительной полосой. В то же время бывшая шведская провинция получила автономный статус Великого княжества Финляндского. Она приобрела привилегированное положение, причем не только по сравнению с другими национальными окраинами России, но и в первую очередь по сравнению с коренными областями империи. Такое положение новой окраины объяснялось довольно просто: чтобы привлечь бывших шведских подданных на свою сторону, царское правительство пошло на ряд уступок. Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему. Находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна – как в политическом, так и в экономическом плане: ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх.

Поливариантность российской окраинной политики можно наблюдать и на примере Польши. На Венском конгрессе 3 мая 1815 г. фактически произошел новый, четвертый раздел Польши. В результате Россия, удерживая за собой польские земли, полученные ею по предыдущим разделам, получила большую часть княжества с городом Варшавой под названием Царства Польского. Захватив большую часть Польши, Александр I и его преемники сделали фактически вершителями судеб польского народа вплоть до начала XX в.⁸⁷

В декабре того же 1815 г. Царство Польское получило конституцию, в соответствии с которой польскому народу гарантировались представительство на двухпалатном сейме и национальные государственные учреждения, согласно «с обра-

⁸⁷ Друнин В. П. Указ. соч. С. 102.

зом существования, который правителем будет признан полезнейшим и приличнейшим для них»⁸⁸. В конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности. Фактически в период 1815–1830 гг. Польша являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для внешних сношений: Министерство иностранных дел и консулов. При этом трактаты, заключенные Россией, только тогда были обязательны для Царства Польского, когда в них о том особо оговаривалось⁸⁹.

Польское восстание 1830–1831 гг. положило конец конституции 1815 г. – ее упразднили. Взамен 26 февраля 1832 г. явился в свет «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России, упразднялись сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. По сути это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

С определенными проблемами сталкивалось самодержавие и при выработке региональной политики в Сибири. Блеск первых пудов сибирского золота привел к возрождению в правительственных кругах интереса к этой восточной окраине, заставил предпринять усилия по улучшению ситуации в области управления, налоговых поступлений и др. Однако проекты хозяйственного развития края 20–40-х гг. XIX в. были, как и в случае с Кавказом, весьма противоречивы. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учиты-

⁸⁸ ПСЗ-II. Т. 23, № 25824.

⁸⁹ Студницкий В. Указ. соч. С. 26.

вать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого, понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи.

Модернизация системы управления окраинами была продолжена уже в пореформенную эпоху. Буржуазные преобразования 60–70-х гг. привели не только к изменению экономической основы административно-территориальной политики, но и потребовали существенного обновления всей программы по выстраиванию взаимоотношений центра и периферии. В этой связи остро стали проблемы взаимодействия центральных органов власти (министерства, комитеты и т. д.) с органами управления на местах (наместничества, генерал-губернаторы), определения их компетенции и полномочий, соотношения территориальных и отраслевых функций органов управления. Данный период хронологически совпал с активизацией внешней политики России, особенно на среднеазиатском и дальневосточном направлениях. Однако усилия и мероприятия России на отмеченных векторах внешней политики не могут быть поняты без учета противодействия ей таких государств, как Англия, Франция, США и Япония⁹⁰. Ко всему сказанному следует добавить еще одно обстоятельство – это восстание в Польше 1863 г., ставшее, бесспорно, своеобразной гранью в развитии национальной политики империи. Жесткое подавление восстания и массовые репрессии, обрушившиеся на поляков, стали лишь перовой фазой реализации той новой концепции национальной политики государства, которая именно в это время

была сформулирована редактором «Московских ведомостей» М. Н. Катковым, вскоре усвоена правительством и несколько позже заложена в идеологию и практику контрреформ 80–90-х гг. С этого времени стремление к национально-государственной консолидации становится всеобщим, что нашло отражение в трансформации окраинной политики,

⁹⁰ См., например: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 218–222; История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1999. С. 131–144.

направленной на всемерное «втягивание» окраин в общероссийскую экономическую, административно-политическую и социокультурную систему.

Между тем система окраинного управления, разрабатывавшаяся для условий первой половины XIX в., уже не соответствовала изменившимся внутри- и внешнеполитическим реалиям второй половины столетия. Эта ситуация была в равной степени характерна для всех российских окраин: Кавказа, Финляндии, Польши и Сибири. Однако наиболее рельефно она проявилась на Кавказе.

На протяжении XIX – начала XX в. окраинная политика была отражением основных целей и задач, стоявших перед имперским правительством. С изменением направлений в общегосударственной политике рельефно смещались и акценты в политике окраинной. Так было в период 50–60-х гг., когда основные усилия на Кавказе были направлены не на его инкорпорацию, а на его «умиротворение»: интеграция без властного покорения была просто невозможна. Лишь после завершения борьбы с Шамилем задача «умиротворения» была успешно выполнена, и только после покорения Восточного Кавказа был предпринят ряд мер по инкорпорации – административной и идеологической – новой территории в общеимперское пространство (реформы 1859, 1860 гг.). Продуманность политики и ее последовательность принесли определенный эффект⁹¹.

При этом пик правительственных мероприятий по тотальной привязке Кавказа к империи приходится на время Великих реформ. В данном случае инкорпорация подразумевалась, прежде всего, политико-административная. Структурная идентификация по общеимперскому образцу охватила все стороны жизни окраины⁹².

Эпоха контрреформ начала 80-х гг. характеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шо-

⁹¹ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 2941. Материалы по истории и управлению Кавказским краем. С. 24.

⁹² Национальные окраины Российской империи ... С. 88.

винизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации⁹³. Кавказ должен был стать рядовой административно-территориальной единицей империи. Наместничество, как особая региональная форма управления, и Кавказский комитет были ликвидированы. Упразднение наместничества вовлекло Кавказ в орбиту общероссийской политики и имперского законотворчества. На окраину механически распространялись все законоположения для внутренних губерний. Все мероприятия правительства направлялись на укрепление режима.

Отсутствие сильной власти на Кавказе сказалось негативно на всех сферах общественной жизни края. Его отдаленность от Петербурга при фактическом нежелании столичных чиновников заниматься текущими делами подведомственного региона не способствовала функциональному управлению Кавказом. Дезинтеграция вела к хаосу, грозившему прочности имперской власти. В условиях бурного общественного подъема, вызванного целым комплексом внутренних и внешних факторов, правительство было вынуждено принять решение о восстановлении в 1905 г. Кавказского наместничества.

Политическая благонадежность финнов «защищала» княжество от пристального внимания российского правительства. Подобный статус-кво окраины сохранялся вплоть до 1863 г. Эпоха Великих реформ, принесящая Кавказу тотальную унификацию с империей, Финляндии, наоборот, принесла этап очередных расширений привилегий. Это не было щедрым жестом в знак благодарности имперских властей за верноподданнические настроения на данной окраине. В основе этого лежали стремления Петербурга сохранить таковые, не допустить распространения в Финляндии польских революционных настроений. Ради этого Александр II согласился на созыв в 1863 г. Сейма – главного символа финской автономии и принятие нового Сеймового устава 1869 г., получившего силу основного закона⁹⁴. Оба мероприятия символизировали собой

⁹³ Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон, 1990. С. 225.

⁹⁴ Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е гг. XIX в. Л., 1979. С. 64–65, 74–75; Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. 1863. № 22. С. 1; Там же. 1869. № 11.

начало очередного цикла реформ, укрепившее автономный статус Великого княжества. При этом буржуазные реформы Александра II фактически не коснулись Финляндии. Единственной из числа крупных российских реформ, распространившихся на эту территорию, была военная реформа, в результате которой Финляндия в 1878 г. получила право на формирование своих национальных войск, комплектовавшихся исключительно из местных уроженцев и подчинявшихся генерал-губернатору⁹⁵.

В результате преобразований финляндская автономия к началу 80-х гг. XIX в. достигает своего пика. Таким образом, Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства⁹⁶. Данное обстоятельство кардинальным образом отличало статус Финляндии от любой другой окраины империи⁹⁷.

Тем не менее контрреформы 80–90-х гг. нашли свое отражение и в мероприятиях окраинной политики. В отношении Финляндии они проявились в ограничении политических привилегий княжества. Официальный Петербург не желал мириться с автономией окраины, которая шла вразрез с имперской стратегией, направленной на унификацию государства. Однако вплоть до конца 80-х гг. имперское правительство воздерживалось от активных действий, направленных на ограничение финляндской автономии⁹⁸. Было решено приступить к постепенному введению общеимперской системы управления в княжестве посредством слияния отдельных частей управления с общегосударственными и созданию административного механизма, защищавшего имперские интересы в крае. Первым и, пожалуй, наиболее ярким проявлением этого стал почтовый манифест от 31 мая 1891 г. (финская почта поступала в полное подчинение к министру внутренних дел им-

⁹⁵ Юссила О. Политическая история Финляндии 1809–1995 (пер. с фин.). М., 1998. С. 61–62.

⁹⁶ Национальные окраины Российской империи ... С. 192.

⁹⁷ Аверин М. Б. Польша и Финляндия в составе Российской империи: становление и развитие буржуазных систем (середина 60-х гг. XIX в. – 1914 гг.) Самара, 2001. С. 9–10.

⁹⁸ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 190.

перии, при этом обязательным условием для почтовых работников было знание русского языка). Этот манифест стал первым актом начала русификации княжества⁹⁹.

Затем последовал целый ряд мероприятий по ограничению политических привилегий региона, с одной стороны, и увеличению имперского влияния в нем, с другой. К таковым относится упразднение комитета финляндских дел в 1891 г. и постепенное введение русского языка в делопроизводство официальных учреждений¹⁰⁰. Однако объективно подобные действия официального Петербурга лишь незначительно ограничивали самостоятельность княжества. Принципиальную важность имела проблема определения позиции высших правительственных кругов империи в отношении государственно-правового статуса Финляндии. Сформулирована она была лишь к осени 1890 г. По мнению правительства, статус Финляндии в составе империи определялся прежде всего самим фактом ее завоевания, что уже исключало возможность создания на территории княжества какого-либо самостоятельного государства. Таким образом, был взят курс на ограничение, а точнее на полную ликвидацию автономного статуса Финляндии. Дальнейшее наступление империи на финляндскую автономию выразилось в высочайшем манифесте от 3 (15) февраля 1899 г., в соответствии с которым при рассмотрении законопроектов, имеющих общеимперский характер, финляндскому Сейму принадлежала лишь законосовещательная роль, при этом отрицательное заключение Сейма никоим образом не могло воспрепятствовать распространению этого закона на территории Финляндского княжества¹⁰¹. Так, с конца XIX в. дарованные Финляндии «свободы» стали подвергаться самым явным ограничениям.

Последовавшие за манифестом несколько лет (до 1903 г.) явились для Финляндии временем тотального наступления на ее привилегии. В финской историографии это время получило

⁹⁹ Сборник постановлений Великого княжества ... 1890. № 15; Юссила О. Политическая история Финляндии ... С. 73.

¹⁰⁰ Сборник постановлений ... 1891. № 27. С. 1–3.

¹⁰¹ Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3(15) февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 9.

название «первого периода угнетения»¹⁰². Подобный подход имел своей целью полную инкорпорацию княжества в империю, что соответствовало общему курсу российского правительства.

Однако революция 1905 г. восстановила все автономные права Великого княжества Финляндского, а измененный Сеймовый устав, принятый 20 июля 1906 г., законодательно закрепил всеобщее прямое избирательное право населения финской окраины¹⁰³.

Значительно сложнее ситуация развивалась в Польше. Поляки стремились к автономии. К середине XIX столетия в польском обществе все большую популярность приобретает идея всенародного восстания, что позволило бы «вернуть независимость» в границах 1772 г. В январе 1863 г. в Польше началось восстание. Однако оно только усугубило положение поляков, став причиной повсеместного уничтожения национальных административных учреждений. Более того, тотальная русификация российских национальных окраин начала ярко проявляться только после второго польского восстания.

После восстания 1863 г. перед имперским правительством встала задача инкорпорации Польши в Россию. При этом, так же как и в Кавказском регионе, инкорпорация подразумевалась прежде всего политико-административная¹⁰⁴. Для разработки системы структурной идентификации окраины по общеимперскому образцу 25 февраля 1864 г. был учрежден Комитет по делам Царства Польского¹⁰⁵. Реформы, инициированные комитетом, затронули фактически все сферы государственной жизни окраины, и прежде всего административную. Польские центральные учреждения упразднялись, а подведомственные им отрасли управления переходили в компетенцию соответствующих имперских министерств¹⁰⁶. Одновременно с

¹⁰² Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 280.

¹⁰³ Корево Н. Сеймовый устав для великого княжества ... С. 118.

¹⁰⁴ Национальные окраины Российской империи ... С. 88.

¹⁰⁵ ПСЗ-II. Т. 41. № 43924.

¹⁰⁶ Там же. Т. 55. Отд. 1. № 53025; Аверин М. Б. Указ. соч. С. 13.

этим на Царство распространялась судебная реформа, однако присоединение судебной части Царства к ведомству министерства юстиции произошло лишь в 1875 г. и с введением новых судебных учреждений с 1 июля 1876 г. упраздняясь Комиссия юстиции Царства¹⁰⁷.

Таким образом, был взят курс на ликвидацию польской обособленности. В основе его лежало стремление не допустить повторения польского восстания. Однако определяющим фактором в этом процессе стало общее социально-политическое и экономическое развитие империи в целом и ее окраин, выдвинувшее на повестку дня проблему модернизации административной системы. Подобного рода модернизация предполагала унификацию административной и законодательной системы страны.

Между тем наместническая форма правления, основанная не на общеимперском законодательстве, выделяла этот регион из других национальных окраин с генерал-губернаторской формой правления¹⁰⁸. Следуя курсу на унификацию системы управления, в результате представлений Комитета по делам Царства Польского в 1874 г. наместническое управление в Польше было заменено генерал-губернаторским¹⁰⁹.

В 80-х гг. XIX в. в Царстве Польском, в соответствии с общеимперским курсом на стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры, происходила дальнейшая ликвидация остатков автономии¹¹⁰. В Польше шла повсеместная русификация, зачастую инициированная представителями местной власти¹¹¹. Это имело определенный эффект – политическая обстановка в крае стала заметно спокойнее¹¹².

Отметим, что окраинная политика Российского государства прошла длительный путь развития и эволюции. Она формировалась параллельно с государством. Становление и разви-

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1474. Л. 323. Д. 1189. Л. 44–45.

¹⁰⁸ Градовский А. Г. Исторический очерк // Учреждение генерал-губернаторства в России. Собр. соч. СПб., 1899. С. 327.

¹⁰⁹ ПСЗ-II. Т. 55, № 53025а.

¹¹⁰ Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 120; РГИА. Ф. 1283. Оп. 3. Д. 239. Л. 253–254.

¹¹¹ Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. Пг., 1915. С. 85.

¹¹² Аверин М. Б. Указ. соч. С. 66–67; РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 106. Л. 13–16.

тие последнего характеризовалось многообразием форм политического взаимодействия и поливариантностью вхождения в состав формирующейся империи регионов и населяющих их народов. По мере складывания территории государства, включения в его состав различных по уровню экономического развития, природно-климатических условий и иных факторов территорий окраинная политика выходит из административной, финансовой плоскости и приобретает многомерное звучание.

В рассматриваемый период времени правительственная политика в отношении окраин империи формировалась и развивалась как составная часть внутренней политики самодержавия в целом. По сути, она была производной от внутривнутриполитических и внешнеполитических задач, решаемых центром. Несмотря на неоднократные попытки, правительству не удалось сконструировать единую модель окраинной политики. В основе таких явлений лежали различия взглядов правительственных чиновников на судьбы окраинных земель в составе России и геополитические особенности самих территорий. Поэтому на примере западных и юго-западных окраин – Финляндии, Польши, Кавказа – можно наблюдать поливариантность российской политики по отношению к окраинным территориям, ее достаточную гибкость: от абсолютной унификации с Россией до предоставления полной автономии. При этом российские автономии не были едины в своей внутренней структуре. Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства, польская автономия являла пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию¹¹³.

Подобные подходы к организации системы управления окраинами свидетельствовали о понимании российским правительством различий в экономической жизни, степени заселения и менталитете населения отмеченных территорий. Между тем система окраинного управления, разрабатываемая для условий первой половины XIX столетия, во второй половине XIX в. уже не соответствовала изменившимся внутри- и внешнеполитическим реалиям. Имперское правительство вынуждено было предпринимать активные усилия по поиску опти-

¹¹³ Российские окраины в имперской стратегии ... С. 230.

мальных решений возникающих задач. Эпоха контрреформ начала 80-х гг. охарактеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. Одним из направлений внутривнутриполитической деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле¹¹⁴. В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации¹¹⁵.

Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоговорящими.

В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

2.1. РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО И ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКЕ

Рассматривая историко-типологические модели взаимоотношения центра и окраинных регионов России, следует отметить, что длительный и сложный процесс выстраивания этого взаимодействия отражал не только эволюцию идей и концепций развития государственно-политической системы Российской империи в целом. Отношения центра и периферии выстраивались не в безвоздушном пространстве, а в конкрет-

¹¹⁴ Дякин В. С. Указ. соч. С. 133.

¹¹⁵ Раев М. Указ. соч. С. 225.

ных условиях Российской действительности. Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы – этнические и природно-климатические особенности территорий. Эти два понятия, несмотря на известные различия, в то же время тесно связаны между собой и как бы дополняют друг друга. Действие этнического фактора всегда имеет определенную временную, т. е. историческую, и в то же время географическую локализацию. Изолированное изучение этносов вне рамок конкретной природно-географической среды обитания не позволяет в полной мере раскрыть механизм формирования и функционирования подходов государства в отношении той или иной этнической группы. С точки зрения системного представления значимости и места окраин во внутренней политике империи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о роли естественно-географического и этнического факторов в окраинной политике. По своей структуре Российская империя была «составным» государством. В ее состав входили регионы как со значительной степенью автономии, так и с локальным самоуправлением, но сильно интегрированным в административную систему империи. Регионы России в силу их исторической специфики (времени и формы вхождения в состав империи, этнического, конфессионального состава населения и др.) представляли собой различные варианты имперских процессов. Все это порождало поливариантность имперской идеологии и имперской практики в региональном измерении¹¹⁶.

Образование Российской империи проходило на протяжении длительного времени и не было результатом стихийно действующих обстоятельств. Одним из наиболее характерных явлений этой многовековой истории стал процесс «собирания земель». Автору представляется, что термин «собирание земель» вполне применим для оценки правительственной политики по расширению территории не только эпохи образования единого Российского государства, но и более позднего периода. Он довольно активно используется в исторических исследова-

¹¹⁶ Ремнев А. В. Имперское пространство России ... С. 317.

дованиях последних лет¹¹⁷. Московские Рюриковичи и петербургские Романовы рассматривали современную им Россию как наследницу земель и идей Киевской Руси. Неслучайно в официальном титуле российского самодержца наряду с землями, вошедшими в состав России в XVI–XVII вв., т. е. после завершения процесса объединения земель, содержалось упоминание Новгородских, Киевский, Псковских, Владимирских и иных территорий, являвшихся собственностью еще Древнерусского государства¹¹⁸. Возникновение теории «третьего Рима» стало идеологическим обоснованием этой убежденности. Одной из форм реализации этой теории была внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства. Здесь уместно отметить, что стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для нее.

Этот процесс можно наблюдать и на примере других «цивилизаций» Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов.

В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не стали исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению, что зачастую сложно отделить экспансию как насильственное присоединение земель от мирной колонизации – как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практи-

¹¹⁷ Агеев А. Д. Указ. соч. С. 94; Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 26; Капшелер А. Формирование Российской империи ... С. 1–12.

¹¹⁸ Мурашев Г. Титулы, чины, награды. СПб., 2003. С. 5–7.

ке эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация – отнюдь не всегда насильственное завоевание. Исследователь истории российской имперской государственности Н. И. Цимбаев обоснованно отмечает, что российская колонизация – «это есть хозяйственное и культурное освоение новых территорий, включение народов, там обитающих, в орбиту влияния европейской цивилизации. Не случайно издавна наиболее чтимым святым на Руси был ...Николай Угодник, покровитель путешественников и торговцев»¹¹⁹. Однако несомненно, что способы приобретения тех или иных территорий государством оказывали немаловажное влияние на выстраивание впоследствии политической линии взаимоотношений «центра» и «периферии».

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колониационном движении присутствовали и экономические мотивы. Однако трудно не согласиться с авторами «Истории XIX века» под редакцией профессоров Лависа и Рамбо, с российским историком Б. Н. Мироновым, швейцарским исследователем А. Каппелером и другими, которые хотя и по-разному, но в принципе выражают одну и ту же мысль: в российской внешней экспансии преобладали стратегические внешнеполитические, а не экономические мотивы¹²⁰. В то время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между

¹¹⁹ Цимбаев Н. И. Российская имперская государственность к пониманию проблемы // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 15.

¹²⁰ История XIX в. Под редакцией профессоров Лависа и Рамбо. М., 1938. Т. 6. С. 994; Миронов Б. М. Указ. соч. С. 26–27; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 21–22.

внутренней и внешней политикой, присущих «каждой стране на любом этапе ее истории»¹²¹.

Процесс «оцентровывания границ» завершился лишь во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. Итогом территориальной экспансии стало превращение России в крупнейшее государство мира площадью около 22 млн кв. км, с населением 178 млн чел. (с Финляндией и Польшей к 1914 г.). К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения¹²². На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Для исследуемого нами периода отметим восстания 1830–1831 и 1863 гг. в Польше, движение Шамиля на Кавказе, волнения местного населения в Туркестане в 1916 г. Перечень этот можно продолжить. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию¹²³, о

¹²¹ Тарле Е. В. От редактора // История XIX в. / под ред. Лависа и Рамбо. Т. 1. С. 14.

¹²² Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация : В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 39; Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 28; Административно-территориальное устройство ... С. 202.

¹²³ Каппелер А. Формирование Российской империи ... С. 6. А. Каппелер этот тезис формулирует следующим образом: «Оказывали ли жители этих регионов военное сопротивление против включения в Россию...или присоединялись добровольно... или их реакция была между этими крайностями».

существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Однако автономии эти были различны по содержанию. Они развивались спорадически, размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри- и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ.

Этнический фактор, несомненно, накладывал отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «иностранное» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимы.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – в Польше, Финляндии, на Кавказе, в Сибири – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани «привилегии и земли лояльной татарской аристократии ...были сохранены»¹²⁴, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока «шел процесс формирование местных элит, состоящих из представителей... родовой знати и стар-

¹²⁴ Каппелер А. Формирование Российской империи ... С. 7.

шин местных народов...»¹²⁵, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские класные чины, вручались именные подарки и т. д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов¹²⁶.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках¹²⁷. Для другой западной окраины – Польши – конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность именно в области финансов. По мнению Е. А. Приваловой, специально изучавшей этот вопрос в хронологических рамках 1815–1866 гг., область финансов «представляла собой ту деятельность, где правительство Царства обладало наибольшей самостоятельностью». В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной от-

¹²⁵ Каменский А. Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. / под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 115–139.

¹²⁶ Таким документом является инструкция Сената, данная за «высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора. См.: Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 23–40.

¹²⁷ Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи ... С. 269.

ветственностью по государственному долгу¹²⁸. Реализацию этих же принципов, предусматривающих особую гибкость и осторожность по отношению к нерусскому населению окраин империи, можно наблюдать и в Сибири. Уже в XVII в. применительно к этому зауральскому краю по мере продвижения русских колонистов с запада на восток правительственные указы требовали не допускать столкновения «новоприходчиков» и аборигенов из-за земли¹²⁹, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения ими основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Ясак, в совокупном обложении исчисляющийся в размерах, гораздо меньших, чем налоги русского крестьянства, являлся важной статьёй государственных, а с середины XVIII в. личных доходов дома Романовых. Тем не менее «инородцы», принявшие православие, в соответствии с действующим в империи законодательством освобождались на три года от уплаты ясака¹³⁰.

Однако наиболее массовой льготой этнического характера стало решение правительства об освобождении «инородцев» от военной службы¹³¹, несмотря на введение всеобщей воинской повинности в 1874 г.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. О влиянии географической среды на экономику и социальные процессы в отечественной историографии пишут давно¹³². Немало работ

¹²⁸ Привалова Е. А. Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815–1866) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 236–237.

¹²⁹ Буцинский П. Н. Указ. соч. С. 330–332.

¹³⁰ ПСЗ-II. Т. 7, № 5847.

¹³¹ Об этом подробнее см.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 112–121.

¹³² Дулов А. В. Дореволюционные историки о роли географической среды в истории России периода феодализма // Сибирский исторический сборник: социально-экономическое и политическое развитие Сибири / отв. ред. И. И. Кузнецов. Иркутск, 1975. С. 45–76.

появилось и в последние 15–20 лет¹³³. Несмотря на определенные различия в подходах к теме, исследователей этой проблематики в принципе объединяет то, что большинство из них акцент в научных изысканиях делают на изучении одного аспекта этой сложной и многогранной темы – влияния географического фактора на хозяйственную деятельность человека. Социальную же сущность взаимодействия человека и природы, как представляется, наиболее отчетливо выражает тезис Л. Н. Гумилева, согласно которому этнос представляет собой не что иное, как продукт процесса адаптации к определенному ландшафту¹³⁴. Поэтому думается, что в этом плане данная проблематика еще ждет своего исследователя. Мы же в связи с рассматриваемым сюжетом отметим, что природно-географический и тесно связанный с ним ресурсный факторы оказывали существенное влияние на окраинную политику России.

Исследователи истории Сибири более раннего периода единодушны в том мнении, что при выборе методов колонизации решающими являлись географический и фактор природных ресурсов. В уже упоминавшемся выступлении А. Б. Каменский прямо отмечал, что «огромная территория страны, удаленность центра от окраин делали центральную власть фактически зависимой от местной, ведь именно на основании информации с мест принимались решения в столице, именно эта удаленность вынуждала наделять местную власть большими полномочиями»¹³⁵. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. В исследуемом автором хронологическом отрезке времени это были Кавказский, Польский и Сибирские комите-

¹³³ Анучин В. А. Географический фактор в истории России. М., 1982; Дулов А. В. Географическая среда и история России: XVI – середина XIX в. М., 1983; Милов Л. В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Зуляр Ю. А. Очерки природопользования в Байкальском регионе. Иркутск, 2002; Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2003; и др.

¹³⁴ Гумилев Л. Н. Люди и природа Великой степи // Вопр. истории. 1987. № 11. С. 15–25.

¹³⁵ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 10.

ты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия... и точного исполнения законов и распоряжений правительства»¹³⁶. Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов. Здесь небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления была тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири начиная со времени Н. Н. Муравьева (впоследствии Амурского) обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля¹³⁷.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкор-

¹³⁶ СЗРИ. 1892. Т. 2. Общее губернское учреждение. Ст. 208.

¹³⁷ Сигов В. В. Корпоративная этика сибирского чиновничества Восточной Сибири в царствование Николая I : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 15.

порации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах стали действовать специальные переселенческие отделы.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, о временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов значительное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи.

В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработке единого законодательства.

ГЛАВА 2

ОСОБЫЕ КОМИТЕТЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ ОКРАИНАМИ

2. 1. МЕСТО АЗИАТСКОЙ РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ИМПЕРИИ

Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией¹³⁸. Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялось характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные исследователи истории России едины в том мнении, что именно отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства¹³⁹. Разделяя точку зрения датского историка О. Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации»¹⁴⁰, следует в то же время отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации как освоения пустопорожних земель и прямой экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на восток, русское государство решало двуетадную задачу: с одной стороны, расширение территории, несомненно, способствовало упрочению границ на во-

¹³⁸ Цит по: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 15; Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 383.

¹³⁹ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 30; Кристенсен О. Г. История России в XVII в. М., 1989. С. 134.

¹⁴⁰ Кристенсен О. Г. Указ. соч. С. 134.

сточном порубежье. С другой, Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям¹⁴¹. Последние рассматривались как данники московского царя, т. е. подданные государства, и наряду с русскими крестьянами должны были нести определенные податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и в соответствии с конституцией США не считались гражданами государства¹⁴².

Начавшаяся одновременно с этим промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Историю хозяйственного освоения этой огромной территории можно проследить по датам основания сибирских городов: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Томск (1604), Кузнецк (1618), Енисейск (1619), Красноярск (1628), Якутск (1630), Илимск (1630), Верхолениск (1632), Иркутск (1661), Верхнеудинск (1666), Чита (1653) и т. д. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со строительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из сопутствующего промысла в самостоятельную отрасль хозяйства¹⁴³. Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные по тем временам отношения с центром, усилило поток

¹⁴¹ Кристенсен О. Г. Указ. соч. С. 143.

¹⁴² Агеев А. Д. Сибирь и Американский Запад ... С. 80; Дамешек Л. М. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 22–23 сент. 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 91.

¹⁴³ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, Т. 1. 1949. 595 с. ; Т. 2. 1957. 673 с.

новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

В организации административно-территориального устройства восточных территорий московские, а затем и петербургские власти использовали схемы, уже апробированные в центре страны. В XVIII в. управление Сибири при некоторой специфике приобрело формы и содержание, характерные для централизованного государства. В XIX в. Сибирь вступила как неразрывная составная часть России. В административном отношении она составляла единое генерал-губернаторство, однако в 1822 г. в результате преобразований М. М. Сперанского была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами соответственно в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя Тобольскую и Томскую губернии, Восточно-Сибирское – Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область¹⁴⁴. Небезынтересно отметить, что границы вновь образованной Енисейской губернии и Якутской области практически совпадали с границами современных Красноярского края и Республики Саха (Якутия), а вот территория Иркутской губернии простиралась от границ нынешнего Красноярского края до побережья Тихого океана на востоке. В территориальном отношении это была одна из самых больших административных единиц империи.

Дальнейший процесс властного освоения сибирских территорий империей сопровождался существенными изменениями в административно-территориальном устройстве азиатских окраин. В этом смысле пик нововведений приходится на середину XIX столетия. В период пребывания Н. Н. Муравьева на посту генерал-губернатора (1841–1861 гг.) из восточных округов Иркутской губернии – Верхнеудинского и Нерчинского – в 1851 г. была образована Забайкальская область с центром в Чите¹⁴⁵. В этом же году Камчатское приморское управление получило статус области¹⁴⁶, а в 1858 г. была образована новая административная единица – Амурская область, в состав

¹⁴⁴ ПСЗ-II. Т. 38, № 29125.

¹⁴⁵ ПСЗ-II. Т. 26, № 25394.

¹⁴⁶ Там же. № 24811.

которой вошли все земли по левому берегу Амура¹⁴⁷. Все три области Дальневосточного региона в управленческом отношении были подчинены генерал-губернатору Восточной Сибири. Таким образом, накануне эпохи Великих реформ территория Азиатской России в административном отношении делилась на четыре губернии – Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую и четыре области – Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую¹⁴⁸.

Однако на этом административное переустройство Зауралья не закончилось. Активизация дальневосточной и среднеазиатской политики России отчетливо показала, что существующее административно-территориальное устройство не отвечает новым политическим и экономическим реалиям, стратегическим интересам государства. Фактор отдаленности наряду с необходимостью усиления экономического присутствия настоятельно диктовал потребность усиления административной власти на местах. Именно поэтому в 1882 г. было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске, объединяющее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области. Одновременно с этим было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири, а губернии Тобольская и Томская подчинены министерству внутренних дел на «общем основании»¹⁴⁹.

Спустя два года, в 1884 г., было учреждено Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске, включавшее Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области¹⁵⁰. Таким образом, произошло конституирование административно-территориального отделения Дальнего Востока от собственно Сибири. Нерешенным вплоть до начала XX в. оставался лишь вопрос о Забайкальской области, которая неоднократно «пере-

¹⁴⁷ ПСЗ-II. Т. 33, № 33862.

¹⁴⁸ Об административных преобразованиях на Дальнем Востоке см.: Амурская область: опыт энциклопедического словаря. Благовещенск, 1989. С. 7–9; История Дальнего Востока СССР ... С. 59–64, 128–133, 226–231; Дамешек И. Л. Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния РАН. Улан-Удэ, 2011. С. 144–150, 153–156; Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока ... 542 с.

¹⁴⁹ ПСЗ-III. Т. 2, № 886.

¹⁵⁰ Там же. Т. 4, № 2524.

давалась» из одного генерал-губернаторства в другое, но в конечном итоге вернулась «на круги своя» – в Иркутское генерал-губернаторство.

Территориальные границы исследуемого авторами региона в основном сформировались во второй половине XIX в. Это была историко-географическая и политико-административная реальность Российской империи рассматриваемого периода. Неслучайно авторы юбилейного официального издания «Азиатская Россия», посвященного 300-летию юбилею дома Романовых, под понятием «Сибирь» подразумевали территорию названных четырех губерний и двух областей¹⁵¹. Разумеется, внутри единого имперского пространства границы были весьма условными, а российский имперский проект в конечном итоге предусматривал поглощение имперским ядром окраин государства, в том числе и превращение сибирских и дальневосточных территорий в Россию¹⁵². Однако именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика, имевшая конечной целью упрочение единства Российской империи. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединенных землях. Россия как бы росла, крепла за счет новых территорий, а русское государственное ядро, по справедливому замечанию А. В. Ремнева, поглощало имперские окраины¹⁵³. Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса и, несмотря на определенные временные колебания, всегда привлекала к себе правительственное внимание.

¹⁵¹ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 44.

¹⁵² Этому сюжету А. В. Ремнев посвятил специальную статью. См.: Ремнев А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI: материалы Пятой всерос. науч. конф. 26–27 нояб. 2003 г. В 2 т. Т. 2. Новосибирск, 2003. С. 24–33.

¹⁵³ Там же. С. 31.

В нашу задачу не входит специальное изучение переселенческой политики. Такой анализ является темой самостоятельной работы. Кроме того, предшествующие исследователи вопроса внесли немалый вклад в теоретическое осмысление и фактологическое насыщение проблемы¹⁵⁴. Задача авторов в данном случае видится в ином: опираясь на уже опубликованные результаты и привлекая новые материалы, показать динамику народонаселения региона и влияние этого процесса на хозяйственное развитие края. Неслучайно в научной литературе отмечается, что «первая предпосылка всякой человеческой истории это... существование живых человеческих индивидов»¹⁵⁵.

Для того чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую численность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-й ревизии (1816 г.) и материалы первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год с 1816 по 1897 г. численность пришлого, главным образом русского, населения возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. За этот же отрезок времени численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. Таким образом, получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышала темпы роста числа коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25 в 1816 г. до 15 % в 1897 г.¹⁵⁶ Большая часть переселенцев оседала в районах За-

¹⁵⁴ В качестве примера приведем лишь некоторые из них: Ябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. СПб., 1808; Бакаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810; Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854; Азиатская Россия. СПб., 1914; Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951; Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975; Складов Л. Ф. Указ. соч. ; Степынин В. А. Указ. соч. ; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня ...; Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию. Иркутск, 1997.

¹⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. С. 19.

¹⁵⁶ Цифровые показатели рассчитаны автором по материалам: Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 265; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3.

падной Сибири. Так, например, в период с 1816 по 1854 г. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м. п. (58,87 %), в Томской – 40 760 душ м. п. (34,3 %), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8 093 души (6,81 %) ¹⁵⁷.

Подобная же ситуация наблюдается и в пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 г. в Сибири водворилось примерно 450 тыс. переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350 тыс., а в Восточной Сибири – около 100 тыс. ¹⁵⁸ Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинская котловина. Иркутская губерния и Забайкалье в силу отдаленности от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, малоприспособленных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев.

Таким образом, на протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс особенно усилился в начале XX столетия после строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн человек, то за 1906–1914 гг. – 3 млн чел., что в 2,7 раза больше. Даже с учетом «обратничества» (обратное переселение. – *Авт.*) в восточных районах осталось 2 510 998 переселенцев, 235 039 ходоков, всего 2 745 037 человек ¹⁵⁹. Как и в до-реформенный период, основная масса переселенцев (68 %) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32 %.

Отличительной чертой демографической картины Сибири на протяжении всего изучаемого столетия является крайняя неравномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26 % территории региона, разместились 8,8 млн чел., то в Восточной Сибири на 74 % территории проживало лишь 30 % населения. В 1912 г. средняя

¹⁵⁷ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 269.

¹⁵⁸ История Сибири ... Т. 2. С. 24.

¹⁵⁹ Там же. С. 307.

плотность населения составила 2,5 чел. на 1 кв. км в Западной Сибири и 0,4 человека на 1 кв. км в Восточной Сибири. Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 кв. км, Германии – 102, США – 8, России – 6¹⁶⁰.

Еще одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Думается, что она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, первоначально возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и все больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырех десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести из них население превышало 10 тыс. чел. В Западной Сибири это: Тобольск (16 тыс. чел.), Омск (18 тыс.), Томск (15 тыс.), Барнаул (12 тыс.); в Восточной Сибири: Иркутск (28 тыс.), Красноярск (10 тыс.)¹⁶¹. Такие, к примеру, города, как Тобольск и Иркутск, стали уже настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1–3 тыс. чел.: это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Иркутской губернии и др. Некоторые города выполняли функцию пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с этим показателем в Европейской России и находился на уровне 10 %. К концу XIX – началу XX в. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан вырос до 12 %, то в Сибири, наоборот, снизился до 8 %. Накануне Первой мировой войны эти значения составляли соответственно 27 и 13 %¹⁶².

¹⁶⁰ Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 67.

¹⁶¹ История Сибири : учеб. пособие. Томск, 1987. С. 185–187.

¹⁶² Винокуров М. А. Суходолов А. П. Указ. соч. С. 69.

Независимо от мотивов и побудительных причин самого переселения, крестьянское движение на восток объективно приводило к изменению этнической картины азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала европейскую метрополию. Хотя коренное население традиционно проживало на «своих породных» землях, однако эти лакуны все больше попадали в окружение русских сел и деревень. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. породило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс на ликвидацию сословия «инородцев», слияния их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу ее петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью. Воплощение на практике проекта «большой русской нации», о котором пишет Л. И. Горизонтов¹⁶³, предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счет поглощения окраин. Вариации этой политики можно проследить на примере других окраин империи¹⁶⁴.

Таким образом, задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и коррелировалась с идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым, по замыслу правительства, решалась стратегическая задача окраинной политики – усиления политического единства империи.

Перераспределение трудовых ресурсов между районами старого и нового заселения, несомненно, оказывало плодотворное влияние на хозяйственное освоение новых земель. Прежде всего создавался широкий рынок рабочей силы, резко возрастал спрос на сельскохозяйственную продукцию, активизировались социокультурные процессы. Все это в период пере-

¹⁶³ Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 129–151.

¹⁶⁴ См.: Бахтурина А. Ю. Институты и структура управления национальными окраинами // *Административно-территориальное устройство России: история и современность* / под общ. ред. А. В. Пыжикова. М., 2003. С. 169–201.

хода от аграрного общества к индустриальному имело немало-важное влияние на характер развития экономики региона. Представляется также, что сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией свидетельствует о том, что темпы аграрной колонизации существенно опережали темпы индустриальной¹⁶⁵.

Изучение экономического развития Сибири показывает, что со времени присоединения ее к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства – сельское хозяйство, промышленность, промыслы – развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для европейского центра. Интересы последнего в лице императорского Кабинета, казны, помещиков и фабрикантов защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства, в финансовой, в том числе налоговой, политике, во внешнеэкономической деятельности. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф. Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться¹⁶⁶.

Именно такого рода воззрения определяли статус и место Сибири в составе империи. Небезынтересно отметить, что Вигель в своих высказываниях довольно точно очертил ориен-

¹⁶⁵ Подобнее об этом см.: Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVII–XX в. : сб. материалов Всерос. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. ». Новосибирск, 22–23 сент. 2003 г. С. 185–193.

¹⁶⁶ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 191. Авторы считают необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А. С. Кузнецовым, а затем А. В. Ремневым. См.: Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 17.

тацию правительственных интересов в Сибири. Для московских, а затем и петербургских царей и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины¹⁶⁷. После того как соболь – наиболее ценный объект пушного промысла – был почти повсеместно выбит, на смену пушнине пришли драгоценные металлы.

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 пудов золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пудов, или 11,9 %, то в 1856 и 1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пудов. Иными словами, на сибирскую золотодобычу в масштабах государства приходилось 78 %. Характерно, что основными районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа, принадлежащие императорскому Кабинету¹⁶⁸. Накануне отмены крепостного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95 % общероссийского серебра, свинца и меди¹⁶⁹. В пореформенный период в связи с отменой подневольного труда и примитивной технологией производство цветных металлов резко сократилось – свинца в 4 раза, меди в 2 раза. Из горнодобывающей отрасли, получившей сравнительно быстрое развитие в начале XX в., следует отметить соледобывающую и каменноугольную, доля которых в общероссийском производстве составляла соответственно 12 и 14,5 %. Остальные отрасли горнодобывающей промышленности, например добыча слюды, развивались слабо и неритмично. Примером этому является черная металлургия, не выдержавшая конкуренции с капиталистическим производством центра¹⁷⁰.

В конце XIX – начале XX в. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те ее отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья.

¹⁶⁷ См.: Павлов П. Н. Указ. соч.

¹⁶⁸ Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 27.

¹⁶⁹ Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 119.

¹⁷⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 290.

В. А. Скубневский, внимательно изучавший данный процесс, пришел к обоснованному выводу о том, что «наиболее значительный отряд рабочих обрабатывающей промышленности был сосредоточен в пищевом и овчинно-шубном производствах». Соотнося показатели числа занятых рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири и «ведущих промышленных районов страны», историк характеризует их как «мизерное», но в то же время «вполне сопоставимое» с аналогичными показателями других окраин государства, например Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Дальнего Востока¹⁷¹. Думается, что такое совпадение не случайно. Оно было порождено основными принципами экономической политики империи в отношении азиатских окраин государства, которое рассматривало эти территории как сырьевой придаток промышленно развитого центра. В качестве примера сошлемся на исследование З. Д. Костельской, пришедшей к аналогичному выводу на основе изучения экономической политики империи на другой азиатской окраине – в Туркестане. «Царизм, проникнув в Туркестан и захватив в свои руки все политические и экономические командные высоты, быстро превратил страну в аграрно-сырьевой придаток метрополии», – отмечает автор¹⁷². Во второй половине XIX – начале XX в. с особой силой проявилась связь между переселением и уровнем развития сельскохозяйственного производства, основной отраслью которого становится земледелие. Хотя последнее по-прежнему сохраняло экстенсивный характер, тем не менее волна переселенцев стала мощным импульсом его развития. Переселенцы принесли в Сибирь собственную земледельческую культуру, новые приемы агротехники и массовое кустарное производство.

В. Г. Тюкавкин, И. А. Асалханов, Л. М. Горюшкин, авторы коллективных работ¹⁷³, на основе изучения развития земледелия Сибири конца XIX – начала XX в. приходят к единодуш-

¹⁷¹ Скубневский В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991.

¹⁷² Костельская З. Д. Из истории туркестанского края. М., 1980. С. 62.

¹⁷³ Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня ...; Асалханов И. А. Сельское хозяйства Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ...; История Сибири ... Т. 3; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

ному мнению о резком возрастании товарности земледелия в рассматриваемый период. Это выразилось в общем увеличении посевных площадей, преимущественном росте посевов пшеницы и овса в частности. За период с 1901 по 1913 г. размер посевных площадей в Сибири вырос с 3,6 до 7,1 млн дес., т. е. почти на 170 %¹⁷⁴. Преимущественный рост посевов пшеницы за эти же годы составил от 1,4 до 3,5 млн дес. Иными словами, в структуре посевных площадей около половины приходилось на пшеницу, что свидетельствовало о развитии товарного производства.

Рост посевных площадей приводил к увеличению валовых сборов зерна. В Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях валовые сборы составили: в 1901–1905 гг. – 158 млн пудов, в 1906–1910 гг. – 204 млн пудов, 1913 г. – 305 млн пудов. Увеличение валовых сборов пшеницы за соответствующие годы выразилось в следующих показателях: 64, 89, 148 млн пудов¹⁷⁵. Сибирский хлеб, особенно после завершения строительства Транссиба, буквально хлынул на российский рынок, что составило серьезную конкуренцию помещичьим хозяйствам Европейской России. Однако тарифная политика правительства (челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг.), искусственное завышение цен на ввозимый в Европейскую Россию сибирский хлеб снижали конкурентоспособность последнего и, таким образом, сдерживали экспорт. Сохранение помещичьего землевладения в Европейской России накладывало существенный отпечаток на экономическую политику правительства в Сибири. Лишь в 1913 г. тарифный перелом был полностью отменен.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясо-молочном скотоводстве. Сибирское маслоделие росло столь стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. В отличие от хлеба, ввоз масла на территорию Европейской России не облагался пошлинами. В результате прибыли от ввоза масла были столь значительными, что в Сибири началась «масляная лихорадка». Бурными темпами шел процесс перегруппировки стад,

¹⁷⁴ История Сибири ... Т. 3. С. 312–313. Проценты подсчитаны автором.

¹⁷⁵ История Сибири ... Т. 3. С. 312–313.

приобреталось оборудование для переработки молока, создавались частные и кооперативные маслодельческие заводы¹⁷⁶. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пудов, что в стоимостном выражении составило 68 млн руб.¹⁷⁷ В более ранней своей работе этот же автор приводит следующие показатели: с 1894 по 1907 г. выручка от экспорта масла поднялась с 4 тыс. до 44,5 млн руб. Соответственно рос и вывоз самого масла. За период с 1900 по 1907 г. он составил соответственно 16 и 48 тыс. т¹⁷⁸. Значительная часть масла шла на внешний рынок. Например, только в одном 1913 г. за границу было отправлено 4448,7 тыс. пуд., или 74,1 % произведенного в Сибири масла¹⁷⁹.

Отмеченные явления, связанные с развитием различных отраслей сибирской экономики, были невозможны без создания устойчивой системы коммуникаций, соединяющей Сибирь с основными промышленными и финансовыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией. Первой по времени была введена почтовая связь. Еще в 1800 г. Павел I учредил особый сибирский почтамт в Тобольске, а в 1804 г. в Иркутске открылась экспедиция почтовых сообщений. В 1830 г. в России были образованы почтовые округа, в том числе и сибирский. В 1862 г. решением правительства округ разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а несколько позже, в 1880 г., постановлением начальника Главного управления почт и телеграфов империи был учрежден Иркутский почтово-телеграфный округ, компетенция которого распространялась на все административные образования Восточной Сибири¹⁸⁰. Однако гораздо более значимым стало установление телеграфного сообщения Сибири с губерниями Европейской России. В 1863 г. была осуществлена телеграфная связь между Екатеринбургом и Омском, спуская

¹⁷⁶ Крестьянство Сибири ... С. 196.

¹⁷⁷ Горюшкин Л. М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1990. С. 3–11.

¹⁷⁸ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967. С. 158–159.

¹⁷⁹ История Сибири ... Т. 3. С. 318.

¹⁸⁰ Гольдфарб С. Иркутская почта. Иркутск, 1998. С. 264–267.

два года телеграф появился в Томске, в следующем – в Иркутске, в 1866 г. телеграф связал Тюмень с Тобольском. Отмечая это событие, автор известной сибирской хроники И. В. Щеглов писал, что «ныне телеграфные сообщения имеются между многими городами Сибири»¹⁸¹. Развитие средств связи оказывало значительное влияние на темпы и масштабы инкорпорации Сибири в общероссийские экономические процессы. Тем не менее увеличение товарности хозяйства и тесно связанный с ней рост оборотов внутренней и внешней торговли в большей степени обуславливались не развитием средств связи, а прежде всего путями сообщения. Неслучайно в литературе вопроса отмечается, что «возможности и характер торговли в значительной степени определялись состоянием транспорта»¹⁸².

Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитыми районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шел основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения поездов была невысокой – от 30 до 55 верст в день в зависимости от качества дороги. При слабой развитости гужевого транспорта стоимость перевозок зачастую превышала стоимость самого товара. Поэтому исключительно важным стало начало технического переворота на транспорте, связанного в первую очередь со строительством сети железных дорог в крае. Основным инвестором в данном случае выступала казна.

Первой из сибирских железных дорог стал маршрут Екатеринбург – Тюмень, сданный в эксплуатацию в 1885 г. Однако в последующие годы строительство железных дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К 1913 г. в Азиатской России функционировали Амурская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкальская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка Тюмень – Омск, проходившая по густонаселенным уездам с развитым маслоделием и излишками товарного хлеба, строились Алтайская, Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. Всего в 1915–

¹⁸¹ Щеглов В. И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

¹⁸² Черки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 147.

1917 г. на территории Сибири функционировали Омская (2318 км), Томская (1815 км), Забайкальская (1720 км) железные дороги, принадлежащие казне и являющиеся составными частями Транссибирской железнодорожной магистрали. Кроме того, четыре дороги принадлежали частным акционерным обществам, в том числе Алтайская (750 км), Кальчугинская (245 км), Минусинская (454 км)¹⁸³. Эти железные дороги соединяли важные экономические районы с Транссибирской магистралью. Таким образом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено около 6 тыс. км железных дорог, или около 700 км в год, и 45 крупных мостов через такие реки, как Иртыш, Обь, Енисей¹⁸⁴.

Транссибирская магистраль прочно связывала Сибирь с центром страны. Она являлась основной артерией, по которой в обоих направлениях непрерывно перемещались потоки грузов. Стремительно растущий водный транспорт уступал ей по грузообороту и в основном обслуживал внутренние потребности. К 1917 г. общее число транспортных рабочих Сибири достигло 160 тыс. чел. Из них железнодорожники составляли 118,5 тыс., водники – примерно 40–45 тыс. чел.¹⁸⁵

Рассмотрение основных отраслей хозяйства позволяет заключить, что на протяжении всего имперского периода место Сибири в экономике России оставалось неизменным – как поставщика сырья. Правда, само понятие «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. это была пушнина, то затем в связи с истощением пушных запасов, открытием месторождений золота, именно золото стало основной статьей сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетия на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства – прежде всего масло. Именно это аграрное сырье служило основным источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статьей внутреннего вывоза и экспорта за границу. Правительственная политика, в том числе и в экономических вопросах, не только учитывала особенности хо-

¹⁸³ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 365.

¹⁸⁴ Винокуров М. А., Суходолов А. П. Указ. соч. С. 262.

¹⁸⁵ Мухин А. А. Указ. соч. С. 148.

зяйственного развития региона, но в первую очередь отражала интересы императорского Кабинета, казны и связанных с ними общественных слоев. Неслучайно в начале XX в. именно земельная рента, а не ясак и золото, становится основным источником финансовых поступлений от эксплуатации сибирских земель. Это находило отражение в налоговом законодательстве и практике его реализации¹⁸⁶.

Уровень развития региона и его место в экономике государства принято оценивать в цифрах. Поскольку в сибиреведческой литературе уже имеется такого рода анализ, основанный на весьма солидной источниковой базе и грамотной методологии подсчетов, отметим следующее: ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числа перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. В городах проживало 12 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Вопрос о месте Сибири в имперском законодательстве был рассмотрен одним из авторов в ряде статей, в том числе: Дамешек И. Л. Соотношение имперских принципов и регионализма в Российском законодательстве // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечеств. ист. 2003. № 2. С. 53–55; Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь: соотношение имперских принципов и регионализма // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике и исторической ретроспективе: материалы Междунар. науч. - практ. конф., посвящ. 180-летию сиб. реформе М. М. Сперанского. (25–26 февр. 2003 г.). Ч. 1: Пленарное заседание и работа секций. Иркутск, 2004. С. 37–53.

¹⁸⁷ Зиновьев В. П. Рабочие Сибири 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 5–7.

2.2. ОСОБЫЕ КОМИТЕТЫ КАК ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ОКРАИНАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Определение путей и методов инкорпорации окраинных территорий в Россию имеет сложный теоретический характер. Представляется, что как минимум можно говорить о трех составляющих этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном компонентах.

Со времени образования единого российского государства в XVI столетии территория складывающейся империи непрерывно продвигалась на восток. Анализ правового и конкретно-исторического материала позволяет утверждать, что империя, включая в свой состав то или иное пространство и народы, начинало их властное освоение, интеграцию в империю прежде всего с политико-административных мероприятий, создания опорных военно-промышленных пунктов и оборонительных рубежей. Вот почему на первом этапе интеграции окраинных территорий преобладали военно-мобилизационные методы. Решение задачи экономического освоения новых территорий отодвигалось на второй план, но именно ее решение должно было в конечном итоге обеспечить выполнение стратегических целей российского государства на востоке – «превращение» вновь присоединенных территорий в Россию. В истории государственного строительства России особенно важным является середина XVI в. В 50-е гг. этого столетия в состав Московского царства вошли Казанское и Астраханское ханства. Тем самым этнополитическая и этноконфессиональная картина российского государства существенно изменилась, доля нерусского населения в составе государства резко возросла. Именно с этого времени центральная власть столкнулась с необходимостью учитывать в своей политике возникший этноконфессиональный фактор¹⁸⁸. Обширность и разнообразность новых территорий, значительная удаленность многих из них от центра, приграничное положение и даже соседство с

¹⁸⁸ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2001. С. 38.

враждебными России государствами заставляли московское правительство решать ряд первостепенных задач в области управления. Новая геополитическая реальность диктовала потребность разработки иной модели взаимоотношения с окраинами, основанной на сочетании методов жесткой централизации в управлении с одной стороны, и учета конкретных местных реалий – с другой. В ходе государственного строительства эта особенность правительственного курса выразилась в создании приказной системы, сочетающей в себе как общегосударственные, так и территориальные прерогативы. Вот почему первые приказы – Разрядный, Поместный и другие строили свою деятельность не по территориальному, а по ведомственному принципу, т. е. обладали общегосударственными функциями. Такая административная практика вполне отвечала и политическим задачам централизации государства. Однако управление окраинными территориями уже тогда нередко поручалось посольскому приказу. В середине XVI в. последний, к примеру, управлял Карельской землей. Дальнейшая эволюция форм управления окраинами напрямую зависела от роста территории и стратегических взглядов правительства на перспективы и приоритеты развития вновь приобретенных земель в составе России.

Применительно к Сибири наглядным примером эволюции взглядов государственной власти на место новых земель в составе возникавшей империи стало изменение названий центральных органов, ведавших этой территорией. До конца XVI в. Сибирь находилась в ведении посольского приказа. Тем самым как бы признавалось незавершенность процесса присоединения данных пока еще «порубежных» территорий, о которых правительство зачастую имело весьма смутные представления. Это было косвенное признание Сибири «чужой» территорией, еще не ставшей составной частью России. Административное подчинение вновь присоединенных восточных территорий Посольскому приказу отражало период даннических отношений между Москвой и народами Сибирского царства. По мере упрочения положения русских в Сибири, основанием административных центров, дальнейшим расширением вновь осваиваемой территории этот порядок должен был измениться. Принципиальным рубежом в организации управ-

ления восточными территориями стал указ Б. Годунова о передаче Сибири в ведение Казанского приказа в 1599 г. Факт образования данного органа, первые упоминания о котором относятся к 1565 г., весьма примечателен. Это был первый из центральных приказов с широкой областной компетенцией. Его появление стало следствием резко возросших административных и финансовых забот правительства на востоке после присоединения к России земель Казанского и Астраханского ханств. Приказ осуществлял административное, финансовое, судебное и т. д. управление всеми восточными территориями России, в том числе и сибирскими. Однако быстрый рост последних и, как следствие, усложнение управленческих функций, привели к образованию в недрах приказа особой группы канцеляристов, ведавших исключительно сибирскими вопросами. Именно на ее основе царским указом от 19 февраля 1637 г. было образовано новое центральное учреждение с областной компетенцией – Сибирский приказ. Его функции, персональный состав служащих вполне соответствовали политическим представлениям московских властей о месте и значении Сибири для России. Определяя компетенцию нового государственного учреждения, правительство продемонстрировало способность к более широкому формату сотрудничества, чем это наблюдалось до сих пор. Не случайно, в отличие от остальных областных приказов, занимавшихся по преимуществу финансовыми вопросами, сибирский приказ имел весьма широкие полномочия – от административно-финансовых до военных и даже дипломатических¹⁸⁹. Подобную широкую компетенцию отнюдь не следует рассматривать как возврат к децентрализации управления или как проявление слабости правительства. Скорее наоборот, она являлась подтверждением гибкости правительственного курса, направленного на «приспособление общегосударственной системы учреждений к новым районам с особым укладом жизни и иным уровнем развития». ¹⁹⁰ Деятельности нового приказа правительство придавало важное значение. Об этом свиде-

¹⁸⁹ История Сибири. Т. 2. С., 1968. С. 124.

¹⁹⁰ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 26.

тельствует тот факт, что должность судьи (руководителя) в этом ведомстве занимали виднейшие представители московской бюрократии: князья и бояре Б. М. Лыков, Н. И. Одоевский, И. Б. Репнин др.¹⁹¹

Во второй половине XVII в. в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, стремления к политическому единству огромного, но весьма разнообразного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства, во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин страны. Особенно отчетливо гибкость правительственного курса проявилась на примере выстраивания отношений Москвы с Украиной, которая после воссоединения с Россией поначалу управлялась (как в несколько ранее и Сибирь) Посольским, а с 1662 г. специально образованным Малороссийским приказом. Как и Сибирский приказ, этот новый государственный орган был центральным учреждением с областной компетенцией. В то же время Украина сохраняла известную автономность в области управления¹⁹².

Таким образом, можно констатировать, что уже в начальный период образования единого российского государства в управленческой практике правительства проявилась тенденция к созданию особых центральных органов управления, но наделенных областной компетенцией. Подобные прецеденты правительственного курса вызвались, как правило, существенными различиями в экономическом, политическом и этноконфессиональном развитии территорий, вошедших в состав России на протяжении XVI–XVII вв. Основная задача таких учреждений заключалась в том, чтобы объединить в одном ведомстве все многочисленные вопросы специфического территориального управления, разгрузить от их решения другие

¹⁹¹ Власть в Сибири XVI – начале XX века : межархив. справ. Новосибирск, 2002. С. 8.

¹⁹² См.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 74; История государственного управления России. Ростов н/Д, 1999. С. 123.

государственные учреждения и тем самым оптимизировать процесс управления окраинами.

Сибирский приказ просуществовал до начала XVIII в., когда в связи с первой областной реформой был упразднен, что привело к сосредоточению всей власти в руках губернатора. Однако в этом факте не следует видеть только элемент усиления личной власти в управлении¹⁹³. Такая трактовка представляется односторонней. Более обоснованным является суждение А. Б. Каменского, о том, что на новом этапе развития государства задачи модернизации требовали концентрации всех хозяйственных, финансовых и людских ресурсов с целью достижения максимальной четкости у управления. Кроме того, областная реформа Петра I стала выражением поиска оптимальной модели взаимоотношения центра и периферии в период, когда государство решительно отказалось от признания особого статуса еще недавно покоренных территорий. В этих условиях оказались ненужными и особые органы управления такими территориями. В итоге отметим, что уже в начальный период оформления империи можно наблюдать активные поиски власти оптимальной формы взаимоотношения центра и окраин государства, отвечающие новым политическим реалиям.

Однако стремление форсировать процесс интеграции вновь присоединенных земель в общероссийские административные и экономические механизмы и процессы отнюдь не всегда приводило к позитивным, с точки зрения власти, результатам. Неудовлетворительное поступление налогов отказалось решающей предпосылкой для восстановления в 1730 г. Сибирского приказа, просуществовавшего до 1762 г.¹⁹⁴ По заключению Сената Сибирь теперь «не в таком смотрении состоит, как прежде того бывало», когда в Москве был собственный Сибирский приказ. Между тем, в «таком отдаленном краю», как Сибирь, где «ни о чем не видно, как воеводы поступают, доходы денежные и ясачные собирают...»¹⁹⁵, по мнению Сената, ощущалась острая необходимость в создании особого органа управления, промежуточного звена между централь-

¹⁹³ Власть в Сибири ... С. 17.

¹⁹⁴ Сибирская советская энциклопедия. Т. 4. С. 896.

¹⁹⁵ Цит. по: История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 307.

ным правительством и властями региона. Хотя функции воссозданного Сибирского приказа, по сравнению с его предшественником, были существенно урезаны, это не меняет принципиальной оценки факта – признания правительством необходимости особого порядка управления Сибири. Если Сенат олицетворял собой высшее правительство, то вновь возникший Сибирский приказ должен был стать своего рода особым присутствием Сената в Сибири.

Практика создания особых комитетов получила дальнейшее развитие в XIX в., в период роста и укрепления бюрократии. Несмотря на дальнейшую централизацию системы управления, были созданы новые звенья по управлению окраинами, приобретшие значительное административное влияние. Такая практика вносила определенный элемент децентрализации в систему управления, ослабляла роль министерств. В известной степени возникавшие особые комитеты и комиссии представляли собой искусственные промежуточные образования между верховной властью и губернской администрацией. Анализ истории возникновения и деятельности таких органов свидетельствует о том, что сам факт их появления был, как правило, следствием убеждения правительства в необходимости особых звеньев по управлению тем или иным регионом, признания особого статуса данной территории. Подобная практика находилась в полном соответствии с развитием историко-правовой науки в России того времени. Не случайно известные теоретик и историк права А. Д. Градовский отмечал, что «Россия, занимающая больше половины Европы и значительную часть Азии ... в видах политического благоразумия не могла не допустить некоторых местных особенностей в сих владениях»¹⁹⁶. Вслед за Градовским, Б. Э. Нольде в начале XX в. отмечал, что еще 100 лет тому назад автономия русских административных окраин была административной традицией¹⁹⁷. Н. П. Ерошкин, тщательно изучавший вопрос о деятельности высших комитетов второй четверти XIX в., пришел к обоснованному выводу о том, что в условиях крайнего бюрократизма и медлительности «высшие центральные учреждения уже не могли разрешать

¹⁹⁶ Градовский А. Начало русского государственного права. Т. 1. СПб., 1875. С. 133.

¹⁹⁷ Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 49.

более важные вопросы административного и законодательного характера. ... Для их разрешения и пришлось создавать еще один этаж государственного здания – высшие комитеты». ¹⁹⁸

В хронологическом отношении возникновение особых комитетов не было случайным. Как правило, это были периоды крупных административных преобразований или революционных выступлений. В XIX в Российской империи были образованы и длительное время существовали высшие территориальные комитеты: Первый и Второй Сибирские – 1821–1838, 1852–1864; Кавказские комитеты – просуществовавшие под разными названиями с 1837 по 1882 г.; Комитет по делам царства Польского – 1831–1841; Комитет Западных губерний – 1831–1848; Западный комитет – 1862–1865; Комитет по делам царства Польского – 1864–1881; Комитет Сибирской железной дороги – 1892–1905. ¹⁹⁹

Раньше других был образован Первый Сибирский комитет, просуществовавший 17 лет в период с 1821 по 1938 г. В период с 1852 по 1864 г. существовал Второй Сибирский комитет. Здесь следует отметить, что в некоторых справочных изданиях последнего времени наметилась тенденция к рассмотрению Первого и Второго Сибирских комитетов как единого учреждения. Впервые эта мысль была высказана в 1998 г. составителями справочника «Высшие и центральные учреждения России 1861–1917 гг.»²⁰⁰ и позже повторена одним из авторов в другом издании – «История генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи»²⁰¹. Основание для такого суждения составители видят в том, что «и по названию, и по главным задачам Первый и Второй Сибирские комитеты представляли собой одно учреждение»²⁰². В этих рассуждениях есть несомненный резон. Следует, однако, отметить, что в со-

¹⁹⁸ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX века.) М., 1981. С. 186.

¹⁹⁹ Там же. С. 187–188; ПСЗ-3. Т. 12. № 9140; Т. 13, № 9248, № 9354; Т. 25, № 27044.

²⁰⁰ Высшие и центральные государственные учреждения России 1861–1917 . Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 72.²⁰¹ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001. С. 108.

²⁰¹ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001. С. 108.

²⁰² Там же.

временных справочных изданиях высказывается и иное, традиционное для отечественного сибиреведения суждение, когда два сибирских комитета рассматриваются как различные государственные учреждения²⁰³. Нам представляется более обоснованным рассуждения А. В. Ремнева, автора соответствующего раздела в этом издании, который прямо отмечает, что создание Второго Сибирского комитета стало «важным событием в истории Сибирского управления...»²⁰⁴. От себя отметим, что Сибирские комитеты различались не только по времени образования, но и по составу членов, организации делопроизводства и функциям. Если основная задача первого Сибирского комитета заключалась в обсуждении и реализации сибирских узаконений 1822 г., на что ушло почти два десятилетия, то второму Сибирскому комитету предстояло действовать уже в новых условиях, порожденных «сибирским учреждением», иной международной обстановке, что потребовало разработки комплексной стратегической программы развития и интеграции Сибири в Россию. Эти различия нашли отражение в официальных документах, определявших программу деятельности Сибирских комитетов, практической деятельности этих органов управления.

Первый Сибирский комитет был образован именным указом от 21 июля 1821 г. для рассмотрения отчета М. М. Сперанского по обозрению Сибири, обсуждения планов и проектов реформ и проведения их в действие. По указанию императора, в комитете были сосредоточены все сведения о Сибири, имеющиеся в распоряжении правительства. В первый состав учрежденного комитета вошли: министр внутренних дел граф В. П. Кочубей (председатель комитета), министр финансов граф Д. А. Гурьев, министр народного просвещения и образования князь А. Н. Голицын, граф А. А. Аракчеев, государственный контролер барон Б. Б. Кампенгаузен, М. М. Сперанский. Управляющим делами был назначен Г. С. Батеньков. В последующем состав комитета менялся. В период с 1823 по

²⁰³ Власть в Сибири в XVI – начале XX века. Новосибирск, 2002. С. 54, 64.

²⁰⁴ Там же. С. 64. Этой же точки зрения придерживается А. Ю. Бахтурина, автор главы «Институты и структура управления национальными окраинами в России XIX – начала XX века» в коллективной монографии «Административно-территориальное устройство России. История и современность». М., 2003. С. 177.

1826 г. его возглавлял А. А. Аракчеев, в 1828–1838 гг. – А. Н. Голицын. В разные годы в состав комитета входили: начальник Главного штаба И. И. Дибич, министры внутренних дел В. С. Ланской, А. А. Закревский, Д. Н. Блудов, военный министр А. И. Чернышев, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф и др. После ареста Г. С. Батенькова в 1826 г. управляющим делами комитета стал А. П. Величко²⁰⁵. Персональный состав комитета, в который на протяжении всего времени существования входили виднейшие сановники империи, свидетельствует о том большом значении, которую придавали его деятельности российские самодержцы – Александр I и Николай I.

Некоторые члены Сибирского комитета заслуживают особого внимания по той роли, которую они играли в ходе подготовки и проведения реформы. В этом смысле первенствующее значение принадлежит А. А. Аракчееву, который с 1815 г. фактически руководил Государственным советом, Комитетом министров, императорской канцелярией, став единственным докладчиком Александру I по большинству министерств и ведомств²⁰⁶. Сперанский хорошо сознавал влияние Аракчеева при дворе и стремился поддерживать с ним теплые личные отношения. Будучи в Сибири, Сперанский состоял с Аракчеевым переписке²⁰⁷, а позже, по возвращению в Петербург, в день рождения Аракчеева 23 сентября отправил ему только что отпечатанный экземпляр «сибирского учреждения» со следующими словами благодарности: «Уверен, что Вам приятно будет взглянуть, в свободные минуты, на дело, которое Вам большею частию обязано успешным его движением и совершением»²⁰⁸. Из остальных членов Сибирского комитета, покровительствующих Сперанскому, следует отметить В. П. Кочубея. Их сотрудничество имело давнюю историю. Еще в период организации министерства внутренних дел, первым главой которого и был назначен Кочубей, Сперанский, по

²⁰⁵ М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. С. 136.

²⁰⁶ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Том первый. М. 1994. С. 99.

²⁰⁷ См.: Корф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 178 и др.

²⁰⁸ Цит. по: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь ... Омск, 1995. С. 79; Корф. М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 266.

предложению последнего, принял активное участие в разработке организационных основ нового ведомства, а затем служил в этом министерстве. Несмотря на различные превратности судьбы, эти два незаурядных человека сохранили взаимное уважение друг к другу, о чем свидетельствует их личная переписка в период пребывания Сперанского на посту Сибирского генерал-губернатора в 1819–1821 гг.²⁰⁹ В давней переписке состоял Сперанский с еще одним влиятельным членом комитета – А. Н. Голициным, который после выхода Аракчеева в 1826 г. в отпуск «по болезни» возглавил Сибирский комитет. Деятельность остальных членов комитета была менее примечательной.

Сибирский комитет изначально создавался как орган, непосредственно подчиненный императору, с широкой компетенцией и автономией. Сибирским генерал-губернаторам «повелено было» состоять в «прямом сношении с сим комитетом», а отчеты на высочайшее имя предоставлять только через него. Министерством надлежало «вносить в сей же комитет все вопросы, имеющие связь с новым устройством Сибири». ²¹⁰ Как видим, координирующая роль комитета в деле разрешения «сибирских вопросов» была очень велика. По сути дела он становился высшим правительственным органом по управлению Сибири. Однако в отличие от других высших государственных органов – Государственного совета и Комитета министров – сибирский комитет не имел плановых заседания, последние собирались по мере необходимости. В этом смысле он напоминал Негласный комитет, который не являлся организацией государственного учреждения. Мнения членов комитета фиксировались в специальном журнале, который предоставлялся на высочайшее утверждение. Эти журналы, сохранившиеся в фондах РГИА²¹¹, и частично опубликованные С. Прутченко²¹², являются важным источником для анализа деятельности этого «особого комитета».

²⁰⁹ См.: Корф. М. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861.

²¹⁰ ПСЗ-II. Т. 13. Отд. 1. № 10867.

²¹¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 7–16.

²¹² Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 157–219.

Первое заседание комитета состоялось 5 августа 1821 г. На заседании 3 ноября того же года был составлен план работы и конкретизированы обязанности членов комитета. Основные из них сводились к следующему: «1) подробное рассмотрение общего и частных предложений по предмету устройства Сибирского края; 2) постепенное выведение оных в действие по мере соображения и утверждения начертанных и приличных к тому правил; 3) рассмотрение новых мер, от имени Управления представляемых; 4) разрешение затруднений, которые может встретить местное Управление при введении новых положений и руководство оного в высшем отношении на основании принятых начал»²¹³. Таким образом, на первом этапе деятельности члены комитета свою основную задачу видели в изучении и разработки «общих и частных предложений» по преобразованию Сибири. Исследователи деятельности первого Сибирского комитета единодушны в том мнении, что основные предложения Сперанского по реформированию Сибири не встретили серьезных возражений участников обсуждения и были довольно быстро утверждены. А. В. Ремнев также отмечает, что «заручившись поддержкой Голицына и Кочубея, а самое важное – Аракчеева, Сперанскому удалось быстро провести через Сибирский комитет свои реформаторские проекты»²¹⁴. За период с августа 1821 г. по май 1822 г. был рассмотрен весь пакет предложений, состоящий из 10 законопроектов, насчитывающих в общей сложности свыше 4000 статей. В этом, по признанию самих членов комитета, заключалось их «главное упражнение»²¹⁵. На заседаниях 13, 20, 27 октября, 10, 17, 24 ноября были одобрены само «сибирское учреждение» и 9 уставов и положений, составляющих суть сибирской реформы, в том числе «Устав об управлении инородцев»; «Устав об управлении киргиз-кайсаков»; «Устав о ссыльных»; «Устав об этапах»; «Устав о сухопутных сообщениях»; «Устав о городских казаках»; «Положение о земских повинностях»; «Положение о хлебных запасах»; «Положение о долговых обязательствах». 22 июля все 10 законопроектов, в том числе «Учрежде-

²¹³ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. С. 168.

²¹⁴ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 79.

²¹⁵ Прутченко С. Указ. соч. С. 195.

ние для управления Сибирских губерний», были утверждены царем. На этом закончился первый этап деятельности Сибирского комитета.

В середине 20-х и 30-х гг. XIX вв. Сибирский комитет продолжал оставаться основным координирующим и законосовещательным органом по вопросам сибирского края, однако главное внимание членов комитета было сосредоточено на реализации реформы 1822 г. Это было тем более важно, что многочисленные ревизии сибирской системы управления, проведенные по инициативе правительства во второй четверти столетия, выявили традиционный для этого края набор упущений и недостатков в деятельности местной администрации. В не меньшей степени сановный Петербург беспокоили и многочисленные жалобы сибирских властей на несоответствие учреждений 1822 г. местным условиям. В фондах комитета сохранилось немало материалов, свидетельствующих о том, что местные чиновники зачастую не понимали значения реформы, а нередко саботировали ее проведение. Даже в 1835 г., т. е. спустя 13 лет после начала реализации реформы, ревизовавший Западную Сибирь свитский генерал-майор А. И. Мусин-Пушкин с горечью сообщал в Сибирский комитет, что Сперанский оказался нелюбим приемниками, а сама Сибирь была плохо подготовленной к восприятию преобразований²¹⁶. Подобного рода откровения не были новостью для членов комитета. Аналогичная информация поступала и ранее. Не случайно ревизовавшим Западную Сибирь в 1827 г. сенаторам Б. А. Куракину и В. К. Безродному предписано было обратить особое внимание на «случаи сомнений в издаваемых вновь узаконениях»²¹⁷. Созвучные мотивы находим и в «Общем наставлении комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг». Этот инструктивный документ, разработанный в Сибирском комитете в ноябре 1827 г.²¹⁸, а в декабре того же года утвержденный Николаем I,²¹⁹ предусматривал не только

²¹⁶ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 1. Л. 93–94 об.

²¹⁷ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1 Д. 4. Л. 1.

²¹⁸ Там же. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 132.

²¹⁹ ПСЗ-II. Т. 2. № 1611.

переобложение «иностранцев» ясаком, но и выяснение вопроса о соответствии «Устава об управлении иностранцев» условиям жизни аборигенов.

Следует отметить, что «иностранческий вопрос» вообще занимал важное место в деятельности комитета. Наряду с делами второй ясачной комиссии в кругу постоянного внимания находился и большой вопрос о кодификации норм обычного права аборигенов. Однако в вопросах проведения ясачной политики и кодификации комитет выступал, по большей части, как координирующий орган, поскольку данные вопросы затрагивали финансовые интересы императорского Кабинета и законосовещательные функции Государственного совета. Вот почему комплекс этих архивных материалов отложился в фондах различных ведомств²²⁰. Наряду с реализацией реформы, Сибирский комитет занимался и многочисленными вопросами текущего управления. Среди них следует выделить проблемы административного устройства края, особенно организацию управления Охотской и Камчатской областей, управление ссылкой, организацию золотодобычи в регионе.

Несмотря на определенные трудности, к середине 30-х гг. XIX в. основные законоположения «сибирского учреждения» М. М. Сперанского были претворены в жизнь, тем самым главная задача сибирского комитета оказалась выполненной. Правительство сочло функции его исчерпанными и 9 января 1838 г. последовал именной указ «О закрытии Сибирского комитета». В указе отмечалось, что «как главная цель существования его (комитета. – *И. Д.*) введением Уставов 1822 г. в полное действие достигнута», Николай I распорядился Сибирский комитет закрыть, а архив и иные сведения о Сибири передать в канцелярию Комитета министров.²²¹

После упразднения Первого Сибирского комитета для рассмотрения периодически возникавших «сибирских вопросов» правительство пошло по пути создания межведомственных комитетов. Такая практика была уже апробирована на примере других регионов империи. Как правило, власти прибегали к ней в связи с необходимостью решения тех или иных

²²⁰ РГИА. Ф. 468, 1149, 1261, 1264.

²²¹ ПСЗ-II. Т. 13. Отд. 1. № 10867.

«разовых» вопросов жизни регионов. Такие межведомственные комитеты и комиссии, куда включались представители заинтересованных министерств и ведомств, были недолговечны и прекращали свою деятельность сразу после выработки заключения. Последние обычно предоставлялись на рассмотрение Комитета министров или непосредственно императору. Такими, к примеру, были межведомственные комитеты, образованные в 1838 г. для рассмотрения предложений генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского для изучения схемы административного деления Сибири²²²; межведомственный комитет 1840 г., созданный для обсуждения предложений М. Геденштрама²²³; последним в этой череде был образованный в 1850 г. межведомственный комитет, занимавшийся вопросами преобразования Нерчинского округа²²⁴, и инициированный генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым. Сам факт образования и деятельности межведомственных комитетов и комиссий во второй четверти XIX в. свидетельствует о постоянном устойчивом интересе правительства к состоянию дел за Уралом. Однако реальным толчком, вызвавшим всплеск государственной заинтересованности к решению сибирских вопросов, стали иные мотивы.

В исторической литературе справедливо отмечается, что непосредственным поводом к образованию Второго Сибирского комитета стала ревизия Западной Сибири генерал-адъютантом Н. Н. Анненковым в 1851 г.²²⁵ Она вскрыла вопиющие «беспорядки и отступления от законов» в управлении Западной Сибири. Последние, по мнению ревизора, были столь весомы, что общее состояние управления «сей страны» сам ревизор оценил как неудовлетворительное²²⁶. Следует, однако, подчеркнуть, что критика Анненковым злоупотреблений и упущений сибирских властей не выходила за рамки административной плоскости и в этом смысле мало отличалась от замечаний М. М. Сперанского, высказанных еще за 30 лет до это-

²²² Подробнее об обсуждении и судьбе этого проекта см.: Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма ... С. 120–122.

²²³ РИГА. Ф. 1405. Оп. 48. Д. 127. Ч. 2. Л. 4.

²²⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 174. Л. 1–14.

²²⁵ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. С. 53.

²²⁶ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. С. 350–353.

го. В конечном итоге предложения М. М. Сперанского 1822 г. и предложения Н. Н. Анненкова 1851 г. касались в основном одного вопроса – организации управления.

В то же время анализ экономического и социального развития восточной части империи в рассматриваемый период свидетельствует о том, что Сибирь середины XIX столетия существенно отличалась от Сибири времен Сперанского. Прежде всего, за прошедшие со времени реформ Сперанского 30 лет значительно возросла численность народонаселения края. С конца XVIII в. и вплоть до 1858 г., т. е. за 63 года население Сибири возросло с 595 тыс. до 1356 тыс. душ м. п., т. е. в 2,25 раза (127,9%). За этот же отрезок времени численность населения империи в целом увеличилась на 58,79 %. Интенсивный приток переселенцев приводил к росту удельного веса народонаселения Сибири в масштабах государства в целом. Если в конце XVIII в. он равнялся 3,2 %, то к середине XIX возрос до 4,7 %²²⁷. Хотя в исторической литературе традиционно отмечается слабое заселение Сибири²²⁸, однако приводимые цифры убедительно свидетельствуют об интенсивном росте населения этого региона. Естественно, что данное обстоятельство не оставалось незамеченным в Петербурге и вызывало соответствующую реакцию и поведение органов власти и управления вплоть до Комитета министров.

В формировании демографической картины Сибири наряду с вольнонародной немалую роль играла и политика штрафной колонизации. Исследователи истории сибирской ссылки приводят различные статистические сведения о числе ссыльных в крае. В заключительном разделе данной работы мы подробно остановимся на этом вопросе. Заметим, что никто из исследователей не отрицает известную роль ссылки в деле заселения Сибири. Сознавало это и как само правительство, так и высшая придворная бюрократия. Именно этим обстоятельством следует объяснять факт появления в 1834 г. пространной записки бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири

²²⁷ Подсчитано автором по материалам: Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 263.

²²⁸ Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 15.

А. С. Лавинского, в которой автор недвусмысленно высказал серьезные опасения по поводу скопления в крае большого числе ссыльных²²⁹. Для уяснения реального значения «штрафной колонизации» в деле заселения Сибири сошлемся на правительственную статистику. По официальным данным в середине XIX в. все население Сибири исчислялось в 2712 тыс. человек²³⁰, а общее количество ссыльных всех категорий – 208 640. На практике это означало, что каждый тринадцатый житель попал в Сибирь не по своей воле²³¹. Здесь следует отметить, что во второй четверти XIX наметились важные изменения в самом составе ссылки. Если в предшествующий период среди ссыльных преобладали уголовные и деклассированные элементы, то в 30–40-х гг. к ним добавились «государственные преступники» – участники различных антиправительственных организаций и движений: декабристы, поляки, петрашевцы. Количество ссыльных в крае, проникнутым духом социального протеста, во второй четверти XIX в. постоянно возрастало. Если в период с 1822 по 1833 г. за «преступления против правительства» было сослано 1032 человека, то в 1833–1845 гг. – 2306 чел. В итоге в середине XIX в. 28,9 % всей ссылки составляли политические²³². Высокий процент политических ссыльных не мог не беспокоить правительство и заставлял последнее все пристальнее вглядываться в состояние усов за Уралом.

Несомненно, важной причиной, побудившей всплеск правительственного интереса к Сибири, стал экономический фактор. Со времени присоединения Сибири к России правительство традиционно рассматривало Зауральский край как неисчерпаемый источник поступления в казну столь доходной и ценной «мягкой рухляди». Однако уже к концу XVII в. промысловые запасы соболя были существенно подорваны и поговорка «Сибирь – золотое дно» оказалась под сомнением. Од-

²²⁹ ГАРФ. Ф. 109 (III отделение) 1 экспедиция. 1833 г. Оп. 8. Д. 135. Анализ записки А. С. Лавинского, направленной в адрес «Верховного правительства». См.: Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма ... С. 118–120.

²³⁰ Там же. Л. 25–25 об.

²³¹ Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. ... С. 22.

²³² Кодан С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980. С. 20–21.

нако открытие и начало добычи в 30-х гг. XIX в. сибирского золота принципиально изменило ситуацию.

Начальной датой развития частной золотодобычи в Сибири является 1829 г. В последующие годы эта отрасль стала быстро развиваться. Только в Мариинском округе Томской губернии за период с 1829 по 1860 гг. было добыто 1458 пудов золота. В 1832 г. начинается добыча золота в Нерчинском горном округе. С 1832 по 1860 гг. там было добыто 1147 пудов золота. Однако подлинный золотой бум Сибири начинается с открытия в 30-х гг. XIX в. золотых россыпей в Минусинском и Ачинском округах Енисейской губернии. За последующие 30 лет прииски губернии дали 16 126 пудов золота, что составляло 67,2% всей добычи золота в дореформенной Сибири²³³. Для уяснения реального значения Сибирского золота отметим, что всего в России с начала разработки и до 1860 г. включительно было добыто 35 597 пудов золота, а совокупная добыча желтого металла на частных и Кабинетских приисках Сибири составила 23 560 пудов²³⁴, или 76,8 %. По данным Ю. Гагеймстера, автора известного статистического обозрения Сибири, в 50-х гг. XIX в. в казну ежегодно поступало около 220 тыс. пудов сибирского золота и 4 млн руб. деньгами²³⁵. По справедливому замечанию А. С. Кузнецова, «золото подняло акции Сибири в глазах правительства и придворных кругов». ²³⁶ Все это породило очередной всплеск правительственного интереса к Сибири, доказательством чего являются возросшая активность петербургских властей прежде всего в административной сфере. Конкретным выражением этого «внимания» стали смена генерал-губернаторов в обеих частях Сибири, появление ряда реформаторских проектов центральной и местной администрации, другие мероприятия. Тем не менее, подлинные причины, заставившие правительство пойти на образование Второго Сибирского комитета, не могут быть поняты без учета еще одного фактора – внешнеполитического.

²³³ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 394–395.

²³⁴ Там же. С. 397.

²³⁵ Гагеймстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 437.

²³⁶ Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. ... С. 5.

К 40-м гг. XIX в. международные отношения на Дальнем Востоке резко обострились. Китай длительное время оставался мирным соседом России и сохранение его в качестве такового было одной из настоятельных задач российской внешней политики. Однако усиление британской и французской колониальной экспансии в Азии, вспыхнувшие в 40-х гг. «опиумные» войны Англии, а затем и Франции, развернувшееся вслед за этим восстание тайпинов внушали тревогу царскому правительству. Территория Дальнего Востока была крайне редко заселена, трудности сухопутного сообщения с центром и другими сибирскими губерниями были просто огромны. Все это делало дальневосточный регион крайне уязвимым с военной точки зрения. Владения России и Китая на Дальнем Востоке не были разграничены. Между тем, закрепление дальневосточных территорий в составе России дало бы последней прямой выход к Тихому океану, значительно усилило бы стратегический потенциал в возможной борьбе с Англией и США за дальневосточные земли, способствовало бы развитию морской торговли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это хорошо понимали в Российской столице, где с большой озабоченностью наблюдали за усилением внешнеполитической активности Англии, Франции и США еще с конца XVIII в. В 1779 г. суда английского капитана Джеймса Кука посетили Курильские острова, побережье Чукотки и Камчатки. Французские корабли Лаперуза побывали в Петропавловске-на-Камчатке и у Сахалина. Появление английских кораблей вблизи русских островов вызвало ответную реакцию Екатерины II, которая 2 января 1787 г. подписала указ о снаряжении кругосветной морской экспедиции для точного описания и нанесения на карту Курильских островов, что бы их «все причислить формально к владению Российского государства».²³⁷

Активизация деятельности Российско-Американской компании, ее конкуренция с Американской Тихоокеанской компанией приводили к росту взаимных претензий. В этой ситуации правительство Александра I попыталось защитить интересы России на Северо-востоке. Участники состоявшегося

²³⁷ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. первая. М., 1973. С. 53.

30 марта 1820 г. в Петербурге совещания: министры внутренних дел В. П. Кочубей, финансов Д. А. Гурьев, иностранных дел К. В. Нессельроде и статс-секретарь И. А. Кападострия решительно высказались за то, что «правительство должно употребить все возможные средства, дабы удалять инсотранцев от восточных берегов Сибири...»²³⁸ Царским указом от 4 сентября 1821 г. были провозглашены принадлежащими России все владения по северо-западному берегу Америки от Берингова пролива до 51° северной широты, по Алеутским островам, восточному берегу Сибири, Курильским островам от Берингова пролива до южного мыса острова Уруп, т. е. до 45°51′ северной широты. Однако противодействие правительств Англии и США, не желавших усиления позиция России в этом регионе, вскоре заставили Россию согласиться на признание новой разграничительной линии на 54°40′ северной широты. По сути дела это означало одностороннюю уступку, вызванную невозможностью реально противостоять англо-американской экспансии в районе Тихого океана. Разумеется, это не означало, что между европейскими государствами и США не было «своих» противоречий. Наоборот, в борьбе за рынки сбыта в Азиатско-Тихоокеанском регионе интересы Англии, Франции и США сталкивались и подчас приобретали непримиримые противоречия. Однако в одном эти страны были едины «в стремлении ослабить позиции России на Дальнем Востоке».

Все это хорошо сознавал новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, развернувший энергичную деятельность по закреплению Приамурья и Приморья в составе России. Хорошо понимая непрочность уз, соединявших Азиатскую и Европейскую Россию, программа Муравьева своей конечной целью имела превращение Сибири из «русской Азии в Азиатскую Россию».

Таким образом образование Второго Сибирского комитета, как высшего органа по управлению Зауральскими территориями, обуславливалось важными причинами как внутри, так и внешнеполитического порядка. Не случайно, что именно эти

²³⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия вторая 1815–1830 гг. Том третий (одинадцатый) М., 1978. С. 344.

обстоятельства нашли отражение в специальном документе, получившем название «Исчисление работ, предстоящих Сибирскому комитету по устройству Сибири», утвержденному 26 сентября 1852 г. Николаем I²³⁹.

Второй Сибирский комитет был образован именным указом от 17 апреля 1852 г. В указе подчеркивалось, что основная задача вновь созданного органа заключается в «водворении в Сибири прочного устройства», соответствующего «местным и политическим обстоятельствам... края». В качестве высшего органа империи по управлению Сибири, комитет должен был придать «единство и быстроту» правительственным мероприятиям по управлению краем, особенно «в порядке законодательном и исполнительном»²⁴⁰. Наряду с этим, на комитет возлагались функции координатора деятельности министерств и главных управлений по решению «сибирских вопросов».

В своем указе император особо подчеркивал, что все министерства «сохранив на дела сибирские ... влияние уставами учреждениями им присвоенные», в то же время должны «вносить в Сибирский комитет все остальные документы, относящиеся до Сибири». В марте 1855 г. последовало высочайшее повеление, подтвердившее новый порядок сношения министерств с Сибирским комитетом. При этом император не без укоризны указал на то, что «некоторые дела, поступающие в министерство от генерал-губернатора Восточной Сибири, разрешены помимо Сибирского комитета и Комитету о разрешении их вовсе неизвестно...». Такой порядок Николай I нашел «противным» его высочайшей воли и «несогласным с духом Сибирского учреждения»²⁴¹. Император четко потребовал, «дабы все без изъятия дела по Сибири были вносимы в Сибирский комитет ... и чтобы министерства и Главноуправляющие ... непременно доводили до сведения Сибирского комитета о всех делах, кои по Сибири будут разрешаемы ими самими по власти им присвоенной...»²⁴².

²³⁹ ГАРФ. Ф. 109. III отд. I экспедиция. 1852 г. Оп. 135. Л. 73–79 об.

²⁴⁰ ПСЗ-II. Т. 27. Отд. I. № 26178.

²⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. III отд. I экспедиция. 1852 г. д. 135. Л. 97 об.

²⁴² ПСЗ-II. Т. 30. Отд. I. № 29100.

Как и в случае с Первым Сибирским комитетом, члены вновь созданного органа назначались непосредственно императором. В комитет вошли главы всех основных министерств империи. За более чем 10-летний период существования этого органа власти и управления состав его неоднократно менялся, но принцип представительства – по должности – оставался неизменным. В разные годы в состав комитета входили министры: внутренних дел П. А. Валуев, императорского двора и уделов В. Ф. Адлерберг, государственных имуществ А. А. Зеленый, иностранных дел А. М. Горчаков, юстиции Д. Н. Замятин и В. Н. Панин, член Государственного совета Н. Н. Анненков, начальник III отделения В. А. Долгоруков. Деятельностью же комитета руководили, каждый в свое время, военный министр А. И. Чернышев, председатель Комитета министров П. П. Гагарин, председатель департамента законов Государственного совета Д. Н. Блудов. Как видим, члены комитета принадлежали к правящей верхушке бюрократии России. Среди них не было ни одного, имевшего чин ниже третьего класса. По своему сословному происхождению члены комитета были исключительно дворяне, 54% принадлежали к княжеским и графским родам, тесно связанным с императорским двором. Небезынтересно отметить одну важную деталь, содержащуюся в указе об учреждении Сибирского комитета. Во втором разделе упомянутого документа император приписал: «Комитету сему состоять из тех же Председателя и членов..., из коих состоит Кавказский комитет». Делопроизводство сибирского комитета следовало также вести в канцелярии Кавказского комитета.²⁴³ Данное указание вполне корреспондируется с высказанным замечанием Н. П. Ерошкина о том, что высшие комитеты второй четверти XIX в. представляли собой «немногочленные, наделенные часто огромными полномочиями оперативные объединения особо доверенных Николаю I высших сановников».²⁴⁴

Среди высших комитетов этого периода выделяются комитеты, созданные для разработки и проведения мероприятий

²⁴³ ПСЗ-II. Т. 27. Отд. I. № 26177.

²⁴⁴ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX в.) М., 1981. С. 186.

в отношении окраин империи. К ним, наряду с Сибирским, относится Кавказский комитет, комитет Западных губерний, комитет по делам Царства Польского. Анализ деятельности этих комитетов, предпосылок и конкретных обстоятельств их возникновения и деятельности позволяет утверждать, что их появление было результатом известных компромиссов между централизаторскими устремлениями империи и необходимостью учитывать конкретные реалии окраинных территорий. Именно на этих принципах создавался и Второй Сибирский комитет. Изучение юридического статуса и конфиденциальных документов деятельности комитета свидетельствует о том, что он как раз и являлся органом компромисса между имперскими и региональными тенденциями в управлении Сибири, наметившимися еще во времена М. М. Сперанского. В этом смысле между Первым и Вторым Сибирским комитетами немало общего. Они создавались для проведения в жизнь новой системы управления, разработки регионального законодательства, правительственного надзора за местной администрацией.

Отмеченные характерные черты высших комитетов империи, создаваемых для управления окраинными территориями, хорошо прослеживаются при анализе весьма любопытного документа, озаглавленного как «исчисление работ, предстоящих Сибирскому комитету по устройству Сибири». Это конфиденциальный документ, не предполагавшийся к публикации, был лично отредактирован и утвержден Николаем I 28 ноября 1852 г.²⁴⁵ Поскольку данный документ уже рассматривался исследователями административной политики самодержавия²⁴⁶, в связи с темой нашего исследования отметим лишь те его особенности, в которых наиболее ярко проявилось сочетание имперских и региональных мотивов правительственного курса.

Уже в первом разделе, озаглавленном «О разделении Сибири», авторы документа солидаризируются с административным делением Сибири на Западную и Восточную части, вве-

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109. III отд. 1 экспедиция. 1852. Д. 135. Л. 73.

²⁴⁶ Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 3–27; Ремнев А. В. К истории создания «сибирской программы» царизма 1852 г. (Некоторые аспекты источниковедческого анализа) // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 58–69.

денную М. М. Сперанским еще в 1822 г. «Сибирь разделяется на Западную и Восточную» – отмечают они. И хотя обе части Сибири «должны быть подчинены общим мерам устройства и управления», однако «при соображениях по этому предмету могут и должны быть принимаемы на вид разные местные их обстоятельства и отличия». Кроме отличия в водных сообщениях, климат, «способах народного продовольствия и торговли», Восточная Сибирь находится на значительном отдалении от внутренних губерний и административных центров империи. Если Западная Сибирь, по мнению составителей плана, может быть сравнима с губерниями Европейской России, то Восточная Сибирь на них совершенно не похожа. На нее «может быть следовало смотреть как на колонию». По этой причине авторы документа считали возможным предоставить «главному там начальству (администрации Восточной Сибири. – *И. Д.*) некоторые особенные права в разрешении дел, нетерпящих отлагательства и требующих скорейшего движения». В этом предложении нельзя не замечать попытки учесть региональные особенности в правительственной политике. Вместе с тем предоставление местной администрации слишком большой автономии авторам документа казалось совершенно излишним. Именно поэтому они подчеркивали, что в любом случае действия местных властей не могут быть «изъяты из зависимости высших Правительственных установлений империи». В конечном итоге «все вообще меры по устройству Сибири, как Западной, так и Восточной, должны иметь одну и ту же главную цель: твердое соединение их с прочими частями Империи и введение там общих начал государственного устройства России, с применением оных к местным особенностям края»²⁴⁷. Иными словами, признавая некоторые региональные особенности и невозможность подчинить Сибирь в полном объеме действию общероссийского законодательства, программа Второго Сибирского комитета своей стратегической целью провозглашала «упрочение» соединения Сибири «с прочими частями Империи», что было тождественно лозунгу эволюции «русской Азии» в «Азиатскую Россию». К этой мысли разработчики документа обращаются неоднократно.

²⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1098. III отд. 1 экспедиция. Д. 135. Л. 73.

Свою позицию относительно будущего административно-го устройства Сибири авторы документа пытаются выстроить с учетом усиления политики русской колонизации края. Они сомневались в скором «увеличении населения Сибири», что потребовало бы «разных перемен» в управлении регионом. В этом случае, «теперешние способы управления» оказались бы явно «недостаточными». Поэтому конечной целью административной политики правительства в крае члены комитета провозглашали задачу «сообразить главные основания Сибирского учреждения 1822 г. со всеми сделанными по оному замечаниями и с настоятельными потребностями края»²⁴⁸. По сути дела такая позиция означала незыблемость принципов управления, заложенных «сибирским учреждением М. М. Сперанского в 1822 г.

Вслед за Сперанским, составители документа не без сожаления констатировали отсутствие в Сибири класса дворян-землевладельцев. Именно они, по убеждению членов комитета, являлись той нравственной силой, которая, прежде всего, связывала Европейскую и Азиатскую Россию в рамках идеологических установок империи. Разумеется, члены комитета не могли не знать о том, что определенная часть сибирских чиновников по своему сословному положению принадлежит именно к дворянству. Однако, это было «не то» дворянство, что в Европейской России, оно не владело поземельной собственностью, в массе своей состояло из отставных чиновников, оставшихся в Сибири на жительство после выхода в отставку. Между тем, свою главную опору в проведении всех внутривластных мероприятий сановный Петербург видел, прежде всего, лице поместных землевладельцев. Почти полное отсутствие их в крае внушало тревогу правительству. Поэтому одну из важнейших своих задач члены комитета видели в том, чтобы «обсудить: есть возможность в образовании там (в Сибири – авт.) особого высшего или дворянского сословия, по примеру всех прочих частей государства»²⁴⁹.

Исходя из этого посыла, предполагалось решать и все остальные вопросы, связанные с положением различных сосло-

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1098. III отд. 1 экспедиция. Д. 135. Л. 73–73 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 74.

вий сибирского общества. Местное купечество, «торгующее сословие» по определению авторов документа, было «образовано на тех же правилах, как и в прочих частях империи», а потому не требовало «никаких особенных распоряжений по законодательной части». Относительно православного духовенства гражданским властям предлагалось «всеми возможными средствами содействовать» улучшению его быта и устройству православных храмов. Иными словами, в этой части программа комитета содержала лишь традиционные для власти общие высказывания и благие пожелания, связанные со стремлением улучшить положение «первенствующей и главенствующей» церкви государства.

Гораздо подробнее сословная политика была прописана применительно к государственным крестьянам, составляющим «главнейшую массу населения Сибири». Применительно к ним рекомендовалось «дать надлежащее устройство местному сельскому и волостному управлению». Наряду с этим предлагалось вводить в Сибири «постепенно правила внутреннего устройства быта казенных крестьян, кои приняты в внутренних губерниях, применяясь» в то же время «к местным особенностям и обстоятельствам...»²⁵⁰.

Рассматривая вопрос об организации управления «инородцами», авторы документа не вдавались в излишние, с их точки зрения, подробности. Они вполне разделяли идеологию М. М. Сперанского, заложенную в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. и по этой причине ограничились традиционными пожеланиями о «необходимости привлечения кочующих и бродячих к оседлости» и ограждения «их от разных притеснений»²⁵¹.

Таким образом, в вопросах сословного управления авторы документа рекомендовали учесть те местные особенности, которые уже были закреплены в «сибирском учреждении» 1822 г. Можно, разумеется, упрекать их в стремлении в перспективе унифицировать управление русским крестьянским и инородческим населением, построить его по образцу внутренних губерний. Однако разработчики документа отчетливо сознавали, что это дело отдаленного будущего. Главное видит-

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 1098. III отд. 1 экспедиция. Д. 135. Л. 75.

²⁵¹ Там же.

ся в другом – принципы регионализма, закрепленные в Уставе 1822 г., провозглашались незыблемыми. В анализируемом документе прямо говорилось о том, что свою основную задачу его авторы видели в том, что «сообразить главные основания Сибирского учреждения 1822 г. со всеми сделанными по оному замечаниям и...потребностями края. . ». . Поэтому вряд ли следует оценивать эту программу как исключительно «консервативную, а подчас и прямо реакционную». ²⁵² Представляется, что такая постановка вопроса является односторонней. Сравнивая основные положения «сибирского учреждения» 1822 г. и «сибирской программы царизма» 1852 г. нельзя не заметить, что тенденция правительственной политики построить административное устройство и управление, экономическую политику с учетом местных особенностей в своей основе осталась неизменной. Разумеется, разница в 30 лет между появлением этих программ наложила на них определенный отпечаток. Тем не менее, в обеих программах отчетливо прослеживается идеология регионализма, что свидетельствует о понимании правительством различий в экономической жизни, организации административного пространства и менталитета населения Европейской и Азиатской России.

2.3. АЗИАТСКАЯ РОССИИ В ИМПЕРСКИХ УСТРЕМЛЕНИЯХ ОСОБЫХ КОМИТЕТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –НАЧАЛЕ XX ВВ.

Со времени образования единого российского государства в XVI в. и дальнейшего расширения территории складывающейся империи перед властными структурами неизменно вставала проблема властного освоения, а затем и интеграции в империю вновь присоединённых земель и народов их населяющих. После присоединения к России территории Казанского и Астраханского ханств этнополитическая и этноконфессиональная картина российского государства существенно изменилась, доля нерусского населения в составе государства резко

²⁵² Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма ... С. 26.

возросла. Именно с этого времени центральная власть столкнулась с необходимостью учитывать в своей политике возникший этноконфессиональный фактор²⁵³. Новая геополитическая реальность на первом этапе интеграции окраинных территорий обуславливала преобладание военно-мобилизационных методов. В ходе государственного строительства эта особенность правительственного курса выразилась в создании приказной системы, сочетающей в себе как общегосударственные, так и территориальные прерогативы. Вот почему первые приказы – Разрядный, Поместный и другие строили свою деятельность не по территориальному, а по ведомственному принципу, т. е. обладали общегосударственными функциями. Однако во второй половине XVII в. в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, стремления к политическому единству огромного, но весьма разнообразного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства, во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин страны. Вот почему уже в начальный период образования единого российского государства в управленческой практике правительства проявилась тенденция к созданию особых центральных органов управления, но наделенных областной компетенцией, каковым, к примеру, был Сибирский приказ. Практика создания особых комитетов получила дальнейшее развитие в XIX в., в период роста и укрепления бюрократии, о чем и шла речь в предыдущей статье авторов. Однако во второй половине XIX столетия практика империи и нац. строительства на окраинах государства дополнилась и усложнялась не только необходимостью решения задачи экономического освоения новых земель в единой связке с Европейской Россией, но и протекала в условиях новых имперских устремлений России на Дальнем Востоке²⁵⁴. Именно этими, несо-

²⁵³ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами Российской империи в XVIII – первой половине XIX вв.

²⁵⁴ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

мненно важными причинами как внутри, так и внешнеполитического порядка следует объяснить создание Второго Сибирского комитета в 1852 г. В начальный период деятельности Второго Сибирского комитета в центре внимания его членов были материалы ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова. Дело тянулось около 4 лет и сопровождалось обширной перепиской. В двух пространных записках, представленных в Сибирский комитет, Анненков подверг резкой критике существующую систему управления в крае, недвусмысленно заявив, что большинство отмеченных им недостатков сибирского управления происходят от «неприменимости в настоящее время» самого сибирского учреждения 1822 г. Подвергнув, таким образом, сомнению сам принцип целесообразности сохранения «сибирского учреждения» как основного закона деятельности местной администрации, Анненков в то же время не смог предложить взамен какую либо цельную программу, ограничившись лишь отдельными рекомендациями. Подобная позиция вызвала резкие возражения члена комитета графа Д. Н. Блудова, занимающего в то время сразу две исключительно важные должности – Главноуправляющего вторым (кодификационным) отделением собственной его императорской канцелярии и председателя Департамента законов Государственного совета. Ко времени назначения во Второй Сибирский комитет Блудов имел большой опыт не только административной, но и законодательной деятельности. Именно под его руководством было подготовлено два издания Свода законов Российской империи 1842–1852 гг. Не случайно, что к анализу предложений Анненкова Блудов подошел с позиций не только юриста-теоретика, но и юриста, имеющего большой практический опыт законотворческой деятельности. В нашу задачу не входит подробный анализ полемики между двумя высокопоставленными сановниками – это задача иного исследования. Гораздо более важным представляется отметить тот факт, что Блудов выступил решительным противником предложений Анненкова об отмене тех статей сибирского учреждения, которые констатировали необходимость учета региональных особенностей в проведении правительственной политики в крае. По сути это означало отстаивание политики имперского регионализма одним их ведущих чиновников Рос-

сии. В отзыве от 8 ноября 1852 г., направленным в Сибирский комитет, он без обиняков заявил, что «сибирское учреждение так же, как и все учреждения особенные: Кавказское, Закавказское, Бессарабское, Остзейское – есть и... должно быть не что иное как систематическое указание изъятий из общего губернского учреждения...». Этот тезис Д. Н. Блудов – один из наиболее известных и влиятельных юристов России, подкреплял ссылками на отдаленность края от «центрального управления», особенности «его населения и степени промышленности, и обще свойства и быта его жителей».

Анализ предложений Н. Н. Анненкова, проделанный Д. Н. Блудовым, коснулся и вопроса о насаждении в Сибири помещичьего землевладения. «Без сомнения, – отмечал он, – полезно было бы привлечь и образовать в Сибири настоящее дворянское сословие». Однако последнее вовсе не зависит от желания правительства, продолжал Блудов. По мнению критика «едва ли кто из помещиков внутренних губерний согласится взять во владение пустую землю...»²⁵⁵. Блудов, правда, допускал возможность и даже целесообразность раздачи служащим в Сибири дворянам земель в собственность в качестве награды за беспорочную службу. В то же время он выражал серьезные сомнения в возможности осуществления этого пожелания на практике в обозримом будущем. «...Прежде такой раздачи правительству необходимо знать, какие и где можно раздавать земли», – заключал он. Территорию Сибири Блудов склонен был рассматривать «как запасной край России», куда традиционно стремиться часть населения и Европейского центра, спасаясь от малоземелья. Однако подобные откровения Блудова не следует истолковывать прямолинейно. Конечно, в идеале он не возражал видеть в Сибири мощный класс дворян-землевладельцев, к коим принадлежал и сам. Однако, будучи опытным, причем весьма высокопоставленным чиновником, он вполне сознавал утопичность этого желания, прекрасно зная, что помещики из Европейской России не поедут в необжитую и плохо заселенную Сибирь. Именно поэтому в конечном итоге он предлагал рассматривать Сибирь как резервный край русской колонизации на востоке, что объективно

²⁵⁵ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 395.

должно было способствовать усилению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С гораздо большей долей консерватизма Блудов высказался по вопросу об открытии в крае университета. «При небольшом числе дворян и вообще людей высших классов в Сибири» существующую там сеть учебных заведений – 3 гимназии, 21 уездное и 45 приходских училищ, 3 частных школы» – Блудов считал вполне достаточным, а об открытии «в самой Сибири высшего учебного заведения, университета или лицея», по его мнению, – было «еще рано помышлять»²⁵⁶. Гораздо более важными считал он «одобрять, поощрять полезные в сем крае предприятия», содействовать развитию торговли и промышленности, чем заниматься несбыточными мечтаниями. Такой взгляд на Сибирь был типичен для представителей высшей Петербургской бюрократии середины XIX столетия. Он отражал общие политические настроения властных структур, связанные со стремлением рассматривать Зауральский край скорее как колонию, нежели составную часть империи. В то же время правительство пыталось найти оптимальные формы взаимодействия центра и регионов. Это выражалось в предоставлении местной бюрократии достаточно широких прав при безусловном контроле из столицы, в разработке специального регионального законодательства, иных действиях.

Замечания на проект Анненкова представил и министр государственных имуществ П. Д. Киселев. Свои «соображения» он сопроводил большим количеством статистических сведений, которые представляют несомненный интерес для исследования вопросов экономического развития Сибири. Тем не менее, основное внимание министр уделил вопросу о судьбах крестьянского сословия в Сибири. Здесь следует отметить, что взгляд П. Д. Киселева на судьбы крепостного права в России хорошо известен исследователям. Поэтому, не повторяясь, мы обратимся к той части высказываний министра, которая касается непосредственно Сибири. Краеугольным камнем рассуждений Киселева стала резолюция императора на его докладе, представленному Николаю I еще в сентябре 1839 г. Поводом для доклада послужило предложение министерства

²⁵⁶ Прутченко С. Указ. соч. С. 396.

государственных имуществ о съемке на планы земель в Сибири. Ознакомившись с ними и в целом одобрив их, император в то же время написал буквально следующее: «...ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено в Сибири быть не может»²⁵⁷. Исходя из этой высочайшей резолюции, Киселев и рассматривал предложения ревизовавшего Западную Сибирь генерал-адъютанта Анненкова. Разумеется, министру были знакомы толки о «желательности» распространения на Сибирь помещичьего землевладения. Однако будучи человеком хорошо информированным о реальном положении помещичьих крестьян Европейской России, он понимал, что крестьянский вопрос в Сибири нельзя ставить и тем более решать по образу и подобию европейского центра. Охарактеризовав все предшествующие попытки распространения на Сибирь крепостного права, Киселев констатировал, что в Западной Сибири помещичье землевладение существует «лишь в виде немногих исключений», а в восточной ее части «подобных владений вовсе нет». К тому же Киселев хорошо помнил полученную еще в 1839 г. резолюцию императора на упомянутом выше всеподданнейшем докладе. Поэтому он категорически заявил, что «о переселении помещичьих крестьян в Сибирь...за последовавшим высочайшим воспрещением не может быть рассуждения...»²⁵⁸. В то же время министр высказал ряд замечаний по организации управления в Сибири. Так, например, полагая, что «состояние ...администрации в такой отдаленной стране», как Сибирь, во многом зависит «от привлечения туда хороших и благонамеренных чиновников», он считал возможным надеяться последних земель «за усердную службу...»²⁵⁹. Как видим, в данном случае, мнения Киселева и Блудова совпадали.

Вопрос о преобразовании волостного управления и ссылки министр предлагал рассматривать через призму таких важных, по его мнению, особенностей Сибири, как «отдаленность и обширность края», «разнородность предметов и особенное положение тамошнего управления...». Несмотря на то что это были лишь самые общие высказывания, нельзя не заметить в

²⁵⁷ Прутченко С. Указ соч. С. 421.

²⁵⁸ Там же. С. 422.

²⁵⁹ Там же. С. 424.

них признания Киселевым ряда специфических местных обстоятельств, налагавших известное своеобразие на компетенцию и характер деятельности всех звеньев сибирской администрации. По мнению Киселева, все это следовало учитывать правительству при выстраивании взаимоотношений центра и сибирской периферии. Разумеется, самостоятельность местной администрации должна быть строго дозирована, а в конечном итоге подконтрольна высшему правительству. Но даже в таком, усеченном виде, в рассуждениях одного из самых близких к императору сановников прослеживается тезис о признании ряда важных местных особенностей, которые следовало учитывать на практике.

В конечном итоге П. Д. Киселев высказал свое отношение и к основному документу азиатской эпопеи М. М. Сперанского – «сибирскому учреждению» 1822 г. Если Сибирь и требует улучшений, заключает он, то они, т. е. улучшения, должны заключаться «не столько в перемене существующих учреждений, сколько... в исполнении ныне действующих постановлений...». А если бы вдруг «постановления сии оказались... недостаточными», тогда следовало дополнить их «новыми устройствами».

Таким образом, Киселев высказался против коренного пересмотра «сибирского учреждения» Сперанского, считая более целесообразным дополнить его при необходимости, чем разрабатывать заново. Более подробные рассуждения на этот счет Киселев посчитал излишними.

Обсуждение предложений Анненкова в Сибирском комитете тянулось до 1856 г. При выработке итогового заключения комитет не только учел высказанные суждения Д. Н. Блудова и П. Д. Киселева, но и вновь назначенного министра внутренних дел С. С. Ланского, считавшего «решительно невозможным» изменять «коренные начала сибирского учреждения». Категоричность Ланского, наряду с прочими причинами, объяснялась еще и тем, что он не видел «никакого ручательства» в том, что новые меры окажутся лучше существующих, а потому считал более целесообразным сохранить основы Сибирского учреждения Сперанского.²⁶⁰ В конечном итоге 8 ноября 1856 г. по-

²⁶⁰ РГИА. Ф. 1265. ОП. 2. Д. 64(А). Л. 76 об.

следовало высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, которым предписывалось генерал-губернаторам иметь «строгое наблюдение за точным исполнением правил...1822 г». Ответственность за эту работу возлагалась на Советы Главных управлений обеих частей Сибири, которым местные власти должны были предоставлять все необходимые сведения на этот счет.²⁶¹

Таким образом отметим, что предложения Н. Н. Анненкова о пересмотре основ Сибирского учреждения не нашли поддержки как отдельных членов, так и Сибирского комитета в целом. В обозримом будущем радикальный пересмотр «сибирского учреждения» не предполагался. Речь шла лишь о частичном изменении системы управления, причем в строго дозированных пределах. Думается, что такой подход объясняется отнюдь не «патологической боязнью нового, свойственной большинству дряхлеющего класса»²⁶². Среди представителей правящей элиты середины XIX в. было немало выдающихся мыслителей, администраторов и управленцев. Представляется, что причины подобного поведения и решения Сибирского комитета в исповедовании Николаевским самодержавием теории контролируемой модернизации. Применительно к окраинам империи это выражалось в стремлении усилить из связь с центром путем административно-правовой централизации. Однако сама по себе эта система была основана на многочисленных изъятиях из общегосударственных правил, что способствовало усилению тенденций к обособленности регионов.

Лишь в конце XIX в. самодержавие пришло к пониманию того факта, что наиболее перспективным способом укрепления связей регионов с центром является русская колонизация с последующей ассимиляцией этносов в полиэтническом государстве²⁶³.

В последующие годы вплоть до своего закрытия в 1864 г. Сибирский комитет занимался преимущественно законодательными проектами и вопросами текущего управления краем.

²⁶¹ ПСЗ-II. Т. 31. № С. 987.

²⁶² Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. ... С. 24.

²⁶³ Об этом подробнее см.: Бахтурина А. Ю. Институты и структуры управления окраинами России XIX начала XX века //Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 169–201.

Из наиболее значимых нормативных актов, активно обсуждаемых в Сибирском комитете, следует отметить серию законов об изменении административно-территориального деления Сибири.

Именно тогда на карте Сибири появились Амурская, Забайкальская, Приморская и Семипалатинская области с военными губернаторами во главе. Подобные мероприятия вызывались стремлением правительства к усилению административного влияния центра на окраинах империи с одной стороны, и активизацией внешней политики России и на Дальнем Востоке и в Средней Азии с другой. В этой вязи следует отметить и разработку комитетом законопроектов о преимуществах гражданской службы в Сибири. Хотя в последствии эти законы неоднократно изменялись и дополнялись правительством, тем не менее, основы законодательства, связанные со стремлением самодержавия привлечь на службу в Сибирь опытных и грамотных государственных служащих, оставались неизменными.

Немаловажное место в деятельности комитета занимали вопросы экономического развития, (прежде всего, золотодобычи), а также культурной жизни края.

В итоге отметим, что Первый и Второй Сибирские комитеты, как высшие органы управления огромным Зауральским краем, создавались для решения конкретных задач и имели определенные временные рамки. Работа комитетов носила отраслевой характер, что, как представляется, способствовало росту эффективности управления. В то же время комитеты нередко выходили за строго очерченные параметры деятельности, что требовало привлечению к их работе широкого круга служащих. Основное внимание комитеты уделяли законосовещательной и административной практике, осуществлению функций надзора и контроля.

Динамичное экономическое и социальное развитие России в конце XIX в., и как следствие этого, появление новых управленческих задач в масштабах империи, обуславливали большую специализацию деятельности высших государственных учреждений. Потребность повышения эффективности взаимодействия с регионами порождала усложнение отраслевой структуры управления. Это обстоятельство, в свою оче-

редь, обуславливало необходимость создания особых межведомственных структур²⁶⁴, компетенция которых зачастую далеко выходила за очерченные законом рамки, а практическая деятельность весьма напоминала повседневные заботы комитета министров. Применительно к Сибири, одним из подобных учреждений стал Комитет Сибирской железной дороги, созданный по инициативе министра путей сообщений, а затем финансов и главы правительства С. Ю. Витте 10 декабря 1892 г.²⁶⁵ Непосредственным поводом для образования нового правительственного учреждения стало решение о начале строительства Сибирской железной дороги. Авторы в данном случае не ставят перед собой цель выяснения причин этого несомненного правильного и стратегически просчитанного решения – это задача иного исследования. Основной контекст нашего исследования предполагает иную постановку вопроса. Поэтому отметим, что в отличие от Первого и Второго Сибирских комитетов, которые создавались как территориальные административные учреждения, но с достаточно широкой компетенцией, Комитет Сибирской железной дороги изначально замыслился как узкоотраслевое учреждение. Именно поэтому в состав нового комитета были определены следующие министры: внутренних дел, государственных имуществ, финансов, путей сообщения и государственный контроллер. Однако уже несколькими днями позже состав Комитета был расширен за счет военного министра и управляющего морским министерством. Подобный шаг императора представляется далеко не случайным. Он обуславливался прежде всего военно-стратегическим значением строящейся магистрали, активизации политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Председателем Комитета в январе 1893 г. по настоянию С. Ю. Витте был назначен цесаревич Николай Александрович. С административной точки зрения, это был не лучший выбор: наследнику шел лишь 25 год, он имел «мало опытности» в практических делах и ему самому еще только предстояло

²⁶⁴ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 1997. С. 175.

²⁶⁵ ПСЗ-III. № 9140.

учиться искусству управления. Хорошо понимая это, его отец император Александр III следующим образом прокомментировал данное предложение: «Да ведь он совсем мальчик; у него совсем детские суждения: как же он может быть главой комитета?»²⁶⁶ Тем не менее, указанное назначение состоялось. Представляется, что давая согласие на это, император преследовал две цели. С одной стороны, назначение на пост председателя наследника имело несомненные воспитательные цели, повышение грамотности наследника в деле принятия важных экономических и управленческих решений, с другой, такое назначение в политическом плане сулило несомненную выгоду работе комитета, ибо а priori ускоряло процесс решения целого ряда важных политических и межведомственных вопросов на заседаниях Комитета. Очевидно, и сам император, и наследник хорошо сознавали это. Поэтому, забегая вперед заметим, что с воцарением на престол, Николай II сохранил за собой председательство в Комитете.

Тем не менее, стремясь застраховать наследника от возможного принятия неверных решений, Александр III определил ему в помощники опытного администратора и знающего экономиста. Обучать наследника искусству администрирования должен был назначенный на пост вице-председателя Комитета, председатель Комитета министров, Н. Х. Бунге. Этот выбор, сделанный Александром III, не был случайным. Н. Х. Бунге принадлежал к числу выдающихся российских финансистов. Он по праву считается одним из создателей «индустриальной эры девяностых годов». Кроме того, подобное назначение автоматически сближало Комитет Сибирской железной дороги и Комитет министров. В определенной степени этому способствовало и то обстоятельство, что делопроизводство нового Комитета сосредотачивалось в канцелярии Комитета министров, возглавляемой статс-секретарем А. Н. Куломзиным. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, А. Н. Куломзин сыграл в работе Комитета одну из важных ролей. По справедливому замечанию А. В. Ремнева, А. Н. Куломзин «принадлежал к той части высшей бюрократии царской России, которая, занимая второ-

²⁶⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. Таллинн, 1994. Т. 3. С. 357.

степенные посты в государственном управлении, на уровне управляющих канцеляриями, директоров департаментов министерств и т. д., оказывала существенное влияние на выработку правительственной политики»²⁶⁷.

Занимаясь управлением делами Комитета, А. Н. Куломзин сумел таким образом организовать работу этого учреждения, чтобы его деятельность никоим образом «не шла бы в ущерб Комитету министров». Основным мотив подобной акции заключался в личном убеждении А. Н. Куломзина, о том, что деятельность подобных особых комитетов идет «в разрез с правильным порядком управления страной»²⁶⁸.

Таким образом, Комитет был сформирован в течение декабря 1892 – января 1893 гг. В его состав вошли цесаревич Николай Александрович, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, П. С. Ванновский, И. Н. Дурново, А. В. Кривошеин, Т. И. Филиппов, Н. М. Чихачев. Заметим, что этот состав не был постоянным, что было связано с кадровыми изменениями в министерском корпусе. В результате в разный период членами Комитета становились Плеве, Ермолов, Хилков, Лобко, Куропаткин и др.

Безусловно, своим созданием Комитет был обязан С. Ю. Витте. Будучи опытным администратором, Витте прекрасно осознавал, что затеваемое строительство будет иметь результатом рост экономики Сибири и России в целом. Помимо этого, воспринимая строительство дороги как персональное поручение императора, Витте прилагал все усилия для скорейшего завершения работ²⁶⁹. К сожалению, в отличие от Витте, его коллега, министр внутренних дел И. Н. Дурново, был человек «... не умный, скорее ограниченный... исполнял все, что укажет ему император...»²⁷⁰. Не случайно, на заседаниях Комитета разгорались весьма жаркие дискуссии между этими членами комитета. В частности, о тогдашнем министре путей сообщения Витте отозвался весьма кратко: «человек умный, толковый...» и более никаких комментариев. Должност-

²⁶⁷ Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А. Н. Куломзина // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX вв. : сб. науч. тр. Иркутск, 1988. С. 44.

²⁶⁸ Куломзин А. Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 186. Л. 11–12.

²⁶⁹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 353–355.

²⁷⁰ Там же. С. 237.

ные обязанности управляющего морским министерством Н. М. Чихачева напрямую не корреспондировались с постройкой дороги, однако Чихачев считался человеком дела, к тому же имел реальное представление о Сибири, поскольку служил помощником Невельского.²⁷¹

Между тем, компетенция и место Комитета в иерархии центральных учреждений оставались неопределенными. Для внесения ясности в дело на первом же заседании Комитета, 10 февраля 1893 г., были разработаны положения, определяющие принципы работы нового учреждения. В результате 24 февраля 1893 г. было принято «Положение о Комитете Сибирской железной дороги», определявшее состав, обязанности первых лиц и собственно компетенцию Комитета²⁷².

Основной состав Комитета остался прежним. Кроме того, на заседания Комитета «могли быть приглашаемы» начальники Главных штабов военного и морского министерств, а также другие лица, чье присутствие могло оказаться полезным при решении некоторых вопросов. Именно поэтому на заседаниях Комитета впоследствии не единожды присутствовали министры юстиции, императорского двора, иностранных дел, а также Иркутский, Степной и Приамурский генерал-губернаторы²⁷³.

Основной задачей Комитета, в соответствии с «Положением», было «общее руководство делом осуществления Сибирской железной дороги и связанных с нею вспомогательных предприятий»²⁷⁴. При этом главную цель своей работы члены Комитета сформулировали следующим образом: «...в виду исключительной важности – как в государственном и народно-хозяйственном отношении, так и в политическом отношении – предпринятой постройки сплошного рельсового пути через всю Сибирь, в связи с заселением этой страны, надлежит стремиться, прежде всего к тому, чтобы разносторонние действия отдельных ведомств были согласованы между собою и

²⁷¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 237.

²⁷² ПСЗ-III. № 9354.

²⁷³ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь ... С. 177.

²⁷⁴ ПСЗ-III. № 9354.

неуклонно направляемы к общей цели»²⁷⁵ Таким образом, Комитет Сибирской железной дороги стал особым центральным учреждением с достаточно широкой и при этом нечеткой, не конкретизированной компетенцией. В основе Комитета лежало Учреждение Комитета министров²⁷⁶.

Обладая значительной властью, Комитет при этом формально оказался лишен не только законодательной, но даже и исполнительной власти: «приведение положений в исполнение предоставляется тем министрам, от которых дела представлены, или ведомству коих по роду своему принадлежат»²⁷⁷.

Относительно первого обстоятельства можно заметить, что оно было благоприятно для Комитета, поскольку ускоряло принятие и введение новых законов. Объясняется подобная ситуация просто. Комитет получил возможность в обход Государственного Совета проводить большую часть законопроектов (по примеру Комитета министров) через соединенное присутствие Комитета Сибирской железной дороги и Департамента государственной экономики Государственного Совета, а зачастую просто высочайше утвержденными положениями самого Комитета²⁷⁸. В марте 1893 г. при Комитете была учреждена Подготовительная комиссия²⁷⁹. Создание ее инициировали сами члены Комитета. Основное предназначение Комиссии заключалось в предварительном обсуждении определенных вопросов перед окончательным рассмотрением их на заседании Комитета. Прежде всего, это были финансовые проблемы, связанные с постройкой дороги. В состав комиссии входили чиновники ведомств и министерств: внутренних дел, военного и морского, земледелия, государственных имуществ и Государственного контроля. Работа Комиссии была достаточно эффективна: значительная часть вопросов, к моменту их внесения непосредственно в Комитет, были фактически решенными.

Таким образом, на Комитет было возложено рассмотрение вопросов, а, в конечном итоге, принятие решений по до-

²⁷⁵ Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 130.

²⁷⁶ Россия. Комитет Сибирской железной дороги. (Материалы). 1897. Т. 1. Л. 1–3.

²⁷⁷ ПСЗ-3. № 9354.

²⁷⁸ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь ... Омск, 1997. С. 181.

²⁷⁹ Саблер С. В., Сосновский И. В. Указ. соч. С. 133.

статочно широкому кругу дел, «касающихся, во-первых, самого сооружения Сибирского рельсового пути, а, во-вторых, связанных с постройкой Сибирской железной дороги вспомогательных предприятий»²⁸⁰.

Дела первой группы носили исключительно технический характер, и касались прежде всего инженерно-строительных вопросов. Вторая же часть дел, так называемые «вспомогательные», представляют для нас непосредственный интерес. Они в значительной степени способствовали модернизации социально-экономической ситуации в Сибири, и в конечном итоге, выводили Комитет за рамки узкоотраслевого учреждения, ставя его в один ряд с Первым и Вторым Сибирскими комитетами. Более того, так называемые «вспомогательные» предприятия, воплощаемые в жизнь решениями Комитета, имели не меньшую важность, чем непосредственные строительные работы.

К числу вспомогательных предприятий Комитета относился целый комплекс мероприятий, направленных на развитие экономики региона. К их числу принадлежали заселение территорий, непосредственно прилегающих к строящейся дороге, производство в них межевых и землеустроительных работ, всяческое поощрение развития в регионе промышленности, основанной на переработке полезных ископаемых (каменного угля, производство стали и пр.) и развитие на этой основе геологических исследований Сибири; а также развитие речного пароходства²⁸¹.

Комитет всячески пытался упорядочить переселенческое движение в Сибирь. Прежде всего, он стремился к тому, чтобы ставшее очевидным фактом самовольное переселение крестьян имело организованную форму, с одной стороны, и отвечало правительственным интересам, с другой. Выступая на заседании Комитета Сибирской железной дороги в марте 1898 г., статс-секретарь А. Н. Куломзин подчеркивал, что целью предполагаемых мероприятий должно стать «благо Сибири имеющей в будущем развиваться в тесном единении с Европейской

²⁸⁰ Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. Б. м., 6. г. С. 3.

²⁸¹ Отчет по Комитету Сибирской железной дороги ... С. 23.

Россией на общую пользу Русского государства». ²⁸² Промышленному развитию Сибири способствовало решение Комитета, в соответствии с которым министрам путей сообщения, финансам, государственных имуществ и государственному контроллеру надлежало разработать комплексную программу по развитию в зоне постройки железной дороги различного рода промышленных предприятий, необходимых «для сооружения, эксплуатации и ремонта» дорожного полотна, а также «чугуноплавильного, железоделательного и сталелитейного производств, ... изготовления цемента и добычи минералов, в особенности каменного угля и железной руды». ²⁸³

Заметим, что Комитет прилагал значительные усилия и для геологических исследований региона. В соответствии с его распоряжениями, в Сибири работал целый ряд геологических партий, занимающихся поиском и разведкой месторождений полезных ископаемых (угля, золота, железа и пр.). ²⁸⁴

Комитет Сибирской железной дороги просуществовал до 1905 г., однако фактически свое последнее заседание он провел 17 декабря 1903 г. За период существования на 42 заседаниях Комитета было рассмотрено значительное количество вопросов, что, безусловно, ускорило процесс непосредственно строительства дороги, с одной стороны, а также заселение и освоение территории и природных богатств Азиатской России – с другой. Создаваясь изначально как отраслевое учреждение, Комитет на протяжении более десяти лет практически осуществлял фактическое руководство азиатской политикой империи. ²⁸⁵

В итоге отметим, что возникновение особых органов управления Сибирью являлось, на наш взгляд, одним из выражений политики имперского регионализма в целом. Само их появление, как представляется, отражало изменение общего статуса Азиатской России в составе империи, ее места в системе экономических, хозяйственных и социокультурных связей

²⁸² РГИА. Ф. 1273. Оп 1. Д. 357. Л. 6–7.

²⁸³ Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. С. 35.

²⁸⁴ Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. С. 47, Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. С. 37.

²⁸⁵ Ремнев А. В Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX веков. Омск. 2004. С. 359.

государства. В своей деятельности особые комитеты учитывали региональную специфику края, что в конечном итоге, повышало эффективность принимаемых управленческих решений. Процесс развития особых органов управления азиатскими территориями империи носил неравномерный характер, а само возникновение обуславливались не стратегическими, а тактическими задачами, решаемыми властью на данном историческом отрезке времени.

Тем не менее, на всех этапах возникновения и деятельности особых комитетов по управлению Сибирью можно наблюдать осторожное, а по временам и достаточно сильное вмешательство государства в жизнь данной окраины. Анализ политики имперского регионализма, выполненный на примере изучения деятельности особых комитетов по управлению краем, позволяет заключить, что при несомненном учете специфики данной территории, конечная цель этих высших территориальных комитетов заключалась в том, что теснее увязать Сибирь с Россией. Призрак потенциального сепаратизма неотступно преследовал сановный Петербург на всех этапах и уровнях развития взаимоотношений центра и периферии. Следствием этого стал отказ от политики «показной снисходительности» и переход к политике реальной унификации управления центра и окраин империи в конце XIX в.

ГЛАВА 3

ВЫСШАЯ ИМПЕРСКАЯ БЮРОКРАТИЯ НА ОКРАИНАХ ГОСУДАРСТВА

Изучение политических институтов самодержавия, особенностей их функционирования на окраинах государства (в том числе, и в Азиатской России) в течение длительного времени является одной из актуальных проблем российской исторической науки. Институт генерал-губернаторов – один из старейших политических институтов имперской России. Реализация властных полномочий сибирских генерал-губернаторов имела определенную специфику, связанную с рядом геополитических и геостратегических особенностей управляемой ими территории. Одним из существенных моментов, определяющих специфику функционирования в Сибири института генерал-губернаторов, был сопредельный характер управляемых территорий, наличие значительного контингента ссыльного элемента и этнический фактор. Они существенно сказывались на методах властного освоения новых территорий, их политико-административном устройстве и пр.

Процесс строительства Российской империи был длительным и сложным. Важнейшей геополитической особенностью слагающегося государства являлось его уникальное расположение на двух материках – Европе и Азии. Это не могло не отразиться на методах колонизации окраинных территорий. В основе территориального расширения лежали, прежде всего, имперские военно-стратегические и экономические интересы. Однако задача заключалась не только в территориальном увеличении государства, но и прежде всего, в интеграции новых земель в имперское политико-административное пространство. Процесс этот был сложен и многогранен. Преобладающее влияние на него оказывало место и значение той или иной окраинной территории в имперском механизме (экономическом, политическом и пр.) Это обстоятельство обуслови-

ло появление в процессе освоения окраин элементов имперского регионализма²⁸⁶. Властное освоение окраин, стремление слить их в единое целое с Россией вызывало необходимость существования на местах проводников имперской идеологии и политики – блюстителей интересов империи. Такими проводниками стали генерал-губернаторы. Известный правовед Н. М. Коркунов писал по этому поводу, что «особенности исторического развития русского государства привели к тому, что коренные русские области, как кольцом, окружены местностями, резко отличающимися от них своими культурными и бытовыми условиями и племенным составом своего населения»²⁸⁷. Вот эти окраинные пункты и образовывали главным образом, генерал-губернаторства. Таким образом, их существование объяснялось как политическими, так и административными мотивами. Главной их целью было утверждение национального государственного единства.

Институт генерал-губернаторов в Сибири, его представители – одна из ключевых проблем, изучаемых в рамках курсов «Государство, власть и общество в императорской России», «Сибирь в составе Российской империи», «Управление Сибирью», «История Сибири», «Политические портреты Сибирских генерал-губернаторов», которые читаются для бакалавров и магистрантов исторического факультета ИГУ.

²⁸⁶ Дамешек И. Л. . Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002; Она же. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005; Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма(1822–1917). Иркутск, 2009.

²⁸⁷ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 11. СПб., 1909., С. 335.

3.1. СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

История генерал-губернаторской власти в России своими корнями уходит в петровскую эпоху. Уже в указах начала XVIII в. упоминаются термины «губернатор» и «губерния»²⁸⁸, а в ряде царских указов 1706 г. фигурируют понятия Ингермаландская «губернация» и губерния.²⁸⁹ Однако это лишь эпизодические упоминания новых должностных лиц и административных образований. Возникновение генерал-губернаторской власти как политической силы непосредственно связано с тотальной системой государственных преобразований и первой областной реформой Петра I в частности,²⁹⁰ важнейшей задачей которой стало выстраивание эффективной вертикали власти на всей территории складывающейся империи. Страна была разделена на восемь губерний во главе с губернаторами – представителями знатнейших фамилий или сподвижниками Петра. Однако уже тогда во главе двух из них – Ингермаландской (с 1710 г. Петербургской) и Азовской были поставлены генерал-губернаторы, которыми стали А. Д. Меньшиков и Ф. М. Апраксин. Среди исследователей нет единой точки зрения на предмет значения этого звания в петровскую эпоху. Такой авторитетный знаток истории губернской власти в России, как И. А. Блинов, опираясь на анализ нормативных документов, полагал, что эта должность не давала каких либо дополнительных рычагов власти, никак не регламентировалась инструкциями, а была лишь почетным титулом²⁹¹. Дума-

²⁸⁸ Соколов К. Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7. С. 121.; ПСЗ-1. № 1910.

²⁸⁹ ПСЗ-1. Т. 4. № 2097; № 2310 и др.

²⁹⁰ В полном Собрании законов этот указ датируется 18 декабря 1708 г. (ПСЗ-1. № 2218), однако М. М. Шумилов такое утверждение считает ошибкой, отмечая, что начало первой областной реформы следует отнести к 1710 г. См.: Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 14.

²⁹¹ Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 48. Такой же точки зрения придерживается и Н. П. Ерошкин, автор соответствующей статьи в Советской исторической энциклопедии. См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. Стб. 191.

ется, однако, что это не совсем так. Не отрицая почетного значения титула генерал-губернатора, обратим внимание на Азовскую губернию. Назначение туда Ф. М. Апраксина с титулом генерал-губернатора было примечательным по ряду позиций. Новоиспеченный генерал-губернатор не только принадлежал к ближайшим сподвижникам Петра, но в отличие от остальных губернаторов (в том числе своего родного брата П. М. Апраксина, назначенного «просто» губернатором в Казанскую губернию) имел звание генерал-адмирала, а с 1700 г. возглавлял адмиралтейский приказ. В тот период времени Азовская губерния не только находилась на окраине государства, являясь сопредельной территорией, но и была своего рода буферной зоной, защищавшей южные земли России от разорительных набегов крымских татар. Кроме того, именно Азов был избран Петром в качестве базы для строительства Российского флота, чему преобразователь придавал исключительно важное значение. Поэтому представляется, что назначение туда администратора, пусть даже с почетным, не дающим юридических преимуществ титулом, было неслучайным. Тем самым Петр подчеркивал свое личное отношение и доверие к этому лицу, его заслуги перед отечеством, отличие от остальных в системе чиновничьей иерархии. По сути этот первый прецедент как бы предвосхитил известный впоследствии принцип личного особого доверия монарха к генерал-губернатору (наместнику), получивший развитие в нормативных документах империи более позднего периода. Характерно также, что уже к концу первой четверти XVIII в. генерал-губернаторы возглавляли не только столичные (Санкт-Петербургскую и Московскую), но важные в стратегическом отношении окраинные губернии, населенные в значительной степени нерусскими народами. Последнее обстоятельство отмечено нами не случайно. Имея в виду именно его, А. Д. Градовский много позже писал, что в XVIII в. Москва «переваривала» западные окраины гораздо труднее, чем исконно русские земли²⁹². Думается, поэтому закономерно, что в 30-е гг. XVIII в. окраинные Рижская и Ревельская губернии

²⁹² Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 302.

возглавлялись генерал-губернаторами, а «внутренние» русские – Воронежская, Смоленская и др. – губернаторами.

Таким образом, отметим, что генерал-губернаторская власть в России возникает в период образования империи. С первых десятилетий своего существования, она, наряду со столицами, получает «прописку» на окраинах государства, заселенных в значительной степени нерусскими народами. Сама основа этой системы управления базировалась на рационалистической идеологии полицейского государства, предусматривающей регламентацию всех сторон жизни общества.²⁹³

Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти приходится на вторую половину XVIII в. и связано с губернской реформой императрицы Екатерины II. Уже в «Наставлении губернаторам» от 21 апреля 1764 г.²⁹⁴ сквозит мысль о «поверенной» от государя особе, как «главе и хозяине» врученной его «смотрению» огромной территории и находящейся в непосредственном подчинении императрицы и Сената.²⁹⁵ Однако в наиболее концентрированном виде эта идея нашла выражение в «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи», которые современные российские историки справедливо относят к важнейшим законодательным актам эпохи царствования Екатерины²⁹⁶. В результате претворения «Учреждения» в жизнь в России к концу XVIII в. была создана новая схема административно-территориального деления и управления, характерной чертой которой стал принцип унификации управления на всей территории империи²⁹⁷. Исследователи административно-территориального устройства России отмечают хорошо продуманную схему деления, осуществленную Екатериной. Сама административная нарезка была осуществлена в соответствии с характером долговременных экономических связей, историческими традициями, научными принципами, в соответствии

²⁹³ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб. 2001. С. 32.

²⁹⁴ ПСЗ-1. № 11091.

²⁹⁵ Там же. Т. 16. № 12137.

²⁹⁶ Власть и реформы. СПб. 1996. С. 173–174.

²⁹⁷ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 89.

с которыми на территории губернии должно было проживать от 300 до 400 тыс. человек. «Дабы губерния порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех сот до четырехсот тысяч душ», – подчеркивалось в ст. 1²⁹⁸. Любопытно, что примерно такое же количество населения включали в себя крупные административные единицы ведущих буржуазных стран Европы; так департаменты Франции в XIX в. охватывали по 400 тыс. жителей, графства Англии – по 450²⁹⁹. Все это позволило сохранить новую схему административного устройства вплоть до конца XIX столетия. Отмеченные выше факторы приводили к устойчивости всего политического строя страны, а принципы унитарного государства, заложенные в основу реформы, способствовали длительному сохранению России, как имперского государства³⁰⁰.

К началу XVIII в. Россия в административном отношении делилась на 18 губерний, ко времени появления «Учреждения» число их возросло до 23, а к концу XVIII столетия до 50³⁰¹. Однако основная особенность реформы заключалась не в разукрупнении губерний, что само по себе несомненно способствовало их лучшей управляемости. Главное заключалось в другом. Для управления губерниями создавался институт государственных наместников или генерал-губернаторов, которым непосредственно подчинялись правители губерний, т. е. губернаторы. В ведении наместника обычно находилось 2–3 губернии, а всего страна была разделена на 20 наместничеств. Екатерининское «учреждение» о губерниях как и сам институт наместников не раз анализировался исследователями.³⁰² Поэтому отметим, что новая система в значительной степени способствовала децентрализации управления, поскольку в генерал-губернаторствах была образована сложная система

²⁹⁸ ПСЗ-И. № 14392. Ст. 1.

²⁹⁹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 296.

³⁰⁰ Административно-территориальное устройство России. С. 90.

³⁰¹ См.: Киселов Н. С. Заметка о разделении России на губернии в XVIII веке // Русский архив. 1863. М., 1866. С. 626–627.

³⁰² Наряду с уже названными работами К. Н. Соколова, А. Д. Градовского, И. А. Блинова отметим: Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1874. С. 51.

учреждений, в то время как в столице, в Сенате, был сосредоточен лишь общий надзор³⁰³. Генерал-губернатору были подчинены важнейшие учреждения подведомственной территории: уголовная, гражданская, казенные палаты, он отвечал за организацию: казенных сборов, рекрутские наборы и т. д. Генерал-губернаторам пограничных территорий особо поручалось «бдение от соседей...»³⁰⁴. Таким образом, наместник одновременно осуществлял общий надзор и руководство всеми губернскими учреждениями. Несмотря на столь обширные полномочия, генерал-губернатор не мог вмешиваться в судебные дела: «ибо он есть яко хозяин своей территории, но не судья»³⁰⁵.

Изначально все «государевы наместники» были обязаны лично представлять императрице ежегодные отчеты («рапорты») о «благополучном состоянии губерний, о спокойствии и безопасности в них, и о всех чрезвычайных, важных и примечания достойных происшествиях ...ежемесячно». При этом Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору И. В. Якоби из-за отдаленности было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялось 15000 руб. в год.³⁰⁶

Со времени Петра I и вплоть до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно.³⁰⁷ Потенциальный генерал-губернатор, был, как правило лично хорошо известен императору, вполне доказал свою политическую благонадежность и преданность идеалам монархии. Кроме того, немалое значение придавалось послужному списку кандидата. Генерал-губернатор являлся никем иным, как представителем самого императора в конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии. Эта ситуация была неизменной на протяжении 200 лет существования генерал-губернаторской власти. В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они суть, главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и

³⁰³ Соколов К. Н. Указ соч. С. 124

³⁰⁴ ПСЗ-1. № 14392. Ст. 59, 87, 89.

³⁰⁵ Там же. Ст. 85.

³⁰⁶ ПСЗ-1. № 15734, 15821.

³⁰⁷ Пестель И. Б. Бумаги // Русский архив. 1875. Кн. 4. С. 374.

точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае»³⁰⁸. Эти обстоятельства способствовали тому, что должность наместника (генерал-губернатора) приобрела «особый характер политической власти»³⁰⁹. Единая российская империя оказалась поделенной на несколько крупных территориальных образований с совершенно особым управлением с полу царьком во главе. Генерал-губернаторская власть развивалась не встречая «ни преград, ни предостережения». ³¹⁰

Указом от 13 июля 1781 г. в России было введено 17 должностей генерал-губернаторов³¹¹. Из вновь назначенных генерал-губернаторов 16 были не просто кадровыми военными, а крупнейшими военачальниками, отличившимися в войнах екатерининского времени. Не случайно, 6 из них были удостоены звания генерал-фельдмаршала – одного из наиболее почитаемых в России³¹². В связи с темой нашего исследования отметим двух – Пермского и Тобольского генерал-губернатора Е. П. Кашкина и Иркутского и Кольванского В. И. Якоби, которым пришлось решать совершенно специфические вопросы, связанные с особенностями экономического развития и управления этих окраинных наместничеств. Во-первых, уже тогда с учетом большой разбросанности этих территорий были установлены особые штаты с соответствующими расходами. Так, например, на содержание присутственных мест Иркутской губернии выделялась наибольшая сумма – 275 367 руб. в то время как на следующую за ней Вологодскую и Пермскую соответственно 184 615 и 165 753 руб.³¹³ Специальным указом в числе первоочередных задач генерал-губернатора Е. П. Кашкина императрица определила попечение о развитии горно-металлургической промышленности края. Эти особенности деятельности высшей местной администрации сохранялись и впредь. Уже после образования Западно-Сибирского

³⁰⁸ Свод законов. Изд. 1892 г. Т. 2. Общее губернское учреждение. Ст. 208.

³⁰⁹ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. С. 310.

³¹⁰ Соколов К. Н. Указ соч. С. 139.

³¹¹ ПСЗ-1. Т. 21. № 15771.

³¹² Институт генерал-губернаторства ... С. 53.

³¹³ Институт генерал-губернаторства ... С. 60; ПСЗ-1. т. 24. № 17494. Книга штатов от 8 августа 1796 г.

генерал-губернаторства в 1822 г. забота о развитии золотодобычи в крае, урегулирование взаимоотношений между казной и Кабинетом, владельцами государственных и частных предприятий Алтайского горного округа находилась постоянно в центре внимания генерал-губернатора Западной Сибири³¹⁴. Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору И. В. Якоби наряду с развитием золотодобычи в Нерчинском горном округе много пришлось заниматься вопросами русско-китайских торговых отношений³¹⁵, которые требовали завидного дипломатического искусства. Проблема взаимоотношений России с сопредельными странами, в первую очередь с Китаем, по наследству перешла к приемникам Якоби на посту генерал-губернатора Восточной Сибири. Во второй половине XIX в. правительство специальными постановлениями и инструкциями не раз подтверждало особые полномочия Иркутских генерал-губернаторов на дипломатические переговоры с Китаем³¹⁶.

Таким образом, отметим, что в ходе введения института наместников в конце XVIII в., как и в эпоху Петра I, в деятельности генерал-губернаторов окраинах территорий можно наблюдать специфические обязанности, которых не было у их коллег из внутренних губерний империи. Большая часть этих функций вытекала из особенностей экономического развития и геополитического положения этих регионов. Такую особенность организации управления империей применительно к концу XVIII в. А. Е. Пресняков выразил следующими словами: «Обширность пространства, значительное разнообразие областных условий, экономического бытия и расселения, племенных типов и культурных уровней – сильно усложняли задачу организации управления».³¹⁷

В эпоху Павла I институт наместников был упразднен, но уже в начальные периоды царствования Александра I вопрос о судьбе наместников стал одной из основных проблем, обсу-

³¹⁴ Соболева Т. Н. Управление Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (– 1896 гг.) : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Томск, 1987.

³¹⁵ Силин В. П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947; Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985.

³¹⁶ Об этом подробнее см. ниже

³¹⁷ Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 147.

даемых в контексте преобразований системы управления империей. На заседании 11 июля Непременный совет решительно высказался за восстановление должности генерал-губернаторов, предполагая каждому из них, как и при Екатерине II, поручить управление несколькими губерниями. Однако в отличие от Екатерининского учреждения, в Сибири предполагалось учредить не два, а одно генерал-губернаторство, объединив Пермскую, Тобольскую и Иркутскую губернии³¹⁸.

Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти находилось в неразрывной связи с разработкой и введением министерской системы, реформой Сената и учреждением Государственного совета. Из серии проектов этого периода обращает на себя внимание план государственных преобразований М. М. Сперанского, известный под названием «Введения к уложению Государственных законов».³¹⁹ Этот документ неоднократно анализировался в отечественной и зарубежной историографии³²⁰. Однако характерно, что внимание ученых привлекали преимущественно сюжеты, связанные с конституционными идеями М. М. Сперанского. Вопрос о судьбах окраин империи и видение этой проблемы М. М. Сперанский оставил вне поля зрения исследователей. Между тем анализ данного документа позволяет утверждать, что уже тогда, в 1809 г., Сперанский, пусть в зачаточной форме, сформулировал те принципы имперского регионализма, которые наиболее концентрированное выражение нашли позже в известном «Сибирском учреждении» 1822 г.³²¹

Во «Введении ...» Сперанский территорию империи разделил на губернии и области. Если первые мало чем отличались от Екатерининских губерний Европейской части страны, то области предполагалась учредить на окраинах государства.

³¹⁸ Парусов А. И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Учен. зап. Горьковского университета. Вып. 72. Горький, 1964. С. 159.

³¹⁹ Этот документ неоднократно перепечатывался в различных изданиях XIX в., однако его наиболее полный текст был обнаружен много позже и опубликован под редакцией С. Н. Валка в 1861 г. См.: Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л. 1961. С. 143–221.

³²⁰ См., например: Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. и др.

³²¹ Об этом см.: М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма. (К 180-летию Сибирских реформ 1922 г.). Иркутск, 2003.

К ним следовало отнести Сибирь, Кавказ, Оренбургский, Новороссийский края и землю донских казаков. В отличие от губерний, управляемых на основе общих законов империи, области должны были иметь «особенное устройство», а общие государственные законы к этим территориям следовало применять с учетом «местного их положения». Именно на этих окраинных территориях в соответствии с предложениями Сперанского должен был существовать институт генерал-губернаторской власти. Таков был в общих чертах план М. М. Сперанского, одобренный Александром I в принципе. Несомненно, в этом проекте применительно к организации управления окраинами было еще немало несовершенного. Можно, к примеру, указать, что предложение о введении на окраинах империи генерал-губернаторской системы правления находилось в явном противоречии с принципами централизации власти, провозглашенных министерской реформой³²². К тому же постатейного варианта законопроекта не существовало и будущая генерал-губернаторская власть не получала строго регламента своей деятельности. Последующее падение Сперанского приостановило реализацию проекта. Однако сам реформатор, сознавая его несовершенство, признавал, что в тех областях империи, где существует генерал-губернаторская система правления, действие ее «с точностью не определено, и на практике она постоянно колеблется между самовластием и послаблением»³²³.

К проблеме возрождения генерал-губернаторской власти в империи правительство обратилось уже после окончания отечественной войны 1812 г. в связи с обсуждением вопроса об организации местного управления. В 1816 г. по указанию императора был составлен проект разделения России на 12 округов (наместничеств), по которому в Азиатской России предполагалось учредить особый, одиннадцатый по счету округ в составе трех губерний: Тобольской, Томской и Иркутской с Камчаткой. Столицей будущего наместничества предполагалось сделать г. Томск, а в качестве наместника назначить генерал-

³²² Сафонов М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. 249 с.

³²³ Цит. по: Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 313.

лейтенанта П. М. Капцевича, служившего в тот период времени командиром отдельного Сибирского корпуса. Сравнительно недавно в специальном сборнике документов и материалов по истории наместничеств был опубликован полный текст «списка губерний с распределением по наместническим округам»³²⁴. Из примечаний разработчиков документа вытекает, что данный вариант разделения империи на наместничества сами авторы не считали окончательным. Не исключался в частности вариант выделения из одиннадцатого сибирского округа еще одного самостоятельного наместничества в составе Иркутской губернии, Енисейской и Якутской областей. В качестве наместника в этот округ планировался тайный советник А. С. Лавинский³²⁵. Небезынтересно отметить, что оба кандидата на должности наместников сибирских округов – Капцевич и Лавинский – несколько позже действительно были назначены генерал-губернаторами. Первый – в Западную Сибирь, а второй – в Восточную. Хотя данный проект не был проведен в жизнь, обращает на себя внимание попытка определить круг обязанностей наместника. Последний освобождался от всех хозяйственных и иных забот, свойственных гражданскому губернатору, а все больше превращался в орган надзора. Всех наместников предполагалось подчинить непосредственно императору (ст. 2). Кроме того, проект предоставлял наместнику право приостанавливать исполнение указов Сената и предписаний министерств³²⁶. По сути дела, по этому проекту наместники превращались в органы чрезвычайной власти. В случае реализации проекта принцип централизации системы управления, провозглашенный министерской реформой, находился бы в явном противоречии с децентрализаторскими тенденциями, порожденными деятельностью института наместнической власти³²⁷. Это было одно из важных противоречий реформаторских потуг правительства Александра I по модернизации системы местного управления. Не случайно, несмотря на неоднократные попытки вопрос о конституционализации

³²⁴ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2. СПб. 2003. С. 36–57.

³²⁵ Там же. С. 60.

³²⁶ Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах ... СПб., 1864. С. 47.

³²⁷ Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 189.

наместнической (генерал-губернаторской) власти в масштабах империи так и не был решен. По сути дела единственным практически результатом от разработки проектов стал отказ от употребления термина наместник, все более широкое употребление получает понятие генерал-губернатор.

Дальнейшее развитие идеи повсеместного введения генерал-губернаторского правления связано с тридцатилетней эпохой Николая I. По распоряжению императора все проекты реформ местного управления были переданы в особый секретный комитет 6 декабря 1826 г., который на заседании 4-го мая 1827 г. рассмотрел вопрос о генерал-губернаторах. Члены комитета оказались едиными в том убеждении, что «повсеместное существование» в империи института генерал-губернаторов «едва ли может принести истинную пользу». По мнению участников обсуждения «твердость, единство и сила управления зависят от совершенства установлений, от хорошего выбора лиц, а не от безмерной из власти»³²⁸. Таким образом, очевидно, что участникам обсуждения генерал-губернаторская власть представлялась как нечто излишнее, как своего рода посредническая инстанция в сношениях между министерствами и губернаторами. По их мнению, гораздо целесообразнее было ввести «точные и единообразные правила для всех мест управления и суда», усилить власть губернского правления, а самого губернатора сделать «истинным хозяином своей провинции»³²⁹. Именно поэтому секретный комитет считал «повсеместное существование генерал-губернаторов» неудобным. В то же время члены комитета полагали, что в некоторых частях империи введение генерал-губернаторской системы правления «может быть полезно». К таким «отдаленным» местностям были отнесены Сибирь, Оренбургский и Новороссийский края, Кавказ и три Прибалтийские губернии. Основание для введения в этих местностях особой системы управления члены комитета видели прежде всего в приграничном положении этих территорий, что заставляло их «начальников заниматься разными посторонними делами, как

³²⁸ Сб. РИО. Т. 79. СПб., 1891. С 145.

³²⁹ Там же. С. 146, 266.

то сношениями политическими, торговыми и проч»³³⁰. На заседании 28 февраля 1828 г. комитет вновь подтвердил это решение.

Анализ практики учреждения, или наоборот упразднения генерал-губернаторств свидетельствует, что правительственные мероприятия в этом вопросе вполне соответствовали духу решения комитета 6 декабря 1826 г. Представление о географии института генерал-губернаторской власти дает утвержденное Николаем I 16 февраля 1826 г. постановление Комитета министров «О штатах канцелярий военного и генерал-губернаторов». ³³¹ Наряду с генерал-губернаторствами Западной и Восточной Сибири³³² эта форма правления была введена в обеих столицах. В центральных губерниях Европейской России существовало 7 генерал-губернаторств: первое объединяло Рязанскую, Тульскую, Орловскую Воронежскую, Тамбовскую губернии, второе – Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Пензенскую. Отдельно были выделены Смоленское генерал-губернаторство в составе губерний Витебской, Могилевской и Калужской, Архангельское, Новороссийское, Малороссийское (Черниговская, Полтавская, Харьковская губернии) Оренбургское, генерал-губернаторство Грузии, Кавказа и Астрахани. Прибалтийское генерал-губернаторство включало в себя Псковскую, Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую губернии. Из этого перечня становится очевидным, что к началу второй четверти XIX в. генерал-губернаторская форма правления была введена отнюдь не во всех губерниях империи. Специальной инструкции, регламентирующей «пределы власти» генерал-губернаторов еще не существовало³³³ и формально все генерал-губернаторы были равны в своих правах. Однако в исторической литературе со времени выхода капитального исследования С. М. Середонина существует традиция противопоставления генерал-губернаторов центральных и перифе-

³³⁰ Сб. РИО. Т. 79. СПб., 1981. С. 146.

³³¹ ПСЗ-2. Т. 1. № 154.

³³² В Сибири генерал-губернаторское правление было выведено в 1822 г.: ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. Подробнее см.: Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма ... С. 101–116.

³³³ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. 1978. С. 145.

рийных территорий³³⁴. Действительно, положение генерал-губернаторов было неодинаковым. Но в условиях абсолютной монархии определялось оно не законами (штатным расписанием и т. д.) а близостью к императору и его окружению. Со времени Петра I и до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно.³³⁵ Существенное влияние на развитие института генерал-губернаторской власти оказывало отсутствие закона о деятельности «главных начальников края». Поэтому на практике генерал-губернаторы зачастую руководствовались принципами целесообразности, а не законности. В 1853 г. Комитет министров при обсуждении проекта инструкции генерал-губернаторам с сожалением констатировал, что в России «только для сибирских генерал-губернаторов и наместника Кавказского начертаны ... подробные правила об их правах, обязанностях и отношениях; все прочие генерал-губернаторы действуют донныне на прежнем основании более или мене сообразным с постановлением Учреждения 1775 г».³³⁶

В 30–40-х гг. XIX в. существенных перемен в положении генерал-губернаторов не произошло. Имевшие в это время изменение касались лишь вопроса об упразднении ряда генерал-губернаторств центральных, поволжских губерний и Севера России. Лишь в 1853 г. по требованию Николая I Комитет министров разработал «Общую инструкцию генерал-губернаторам», которая и была утверждена царем 29 мая³³⁷. Источником для разработки инструкции стало «Учреждение 1775 г» и законодательные наработки 30–40-х гг. Впоследствии эта инструкция без каких либо существенных изменений целиком вошла во Вторую книгу Свода законов империи в раздел «О начальниках губернии» и повторялась вплоть до начала

³³⁴ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министраов. Т. 2. СПб., 1901. С. 109.

³³⁵ Пестель И. Б. Бумаги. //Русский архив. 1875. Кн. 4. С. 374.

³³⁶ Институт генерал-губернаторства... Т. 2. С. 214. Особый журнал Комитета министров от 28 апреля 1856 г. по представлению главноуправляющего II отделением с. е. и. в. канцелярии относительно составления инструкции генерал-губернаторам.

³³⁷ ПСЗ-. Т. 28. № 217293. Л. 2.

XX столетия³³⁸. Тем самым был законодательно конституирован статус генерал-губернаторов империи, что находилось в полном соответствии с рядом других мероприятий Николая I по укреплению основ монархического строя и гиперцентрализации всех вертикальных и горизонтальных структур власти³³⁹. Появление инструкции генерал-губернаторам стало неслучайным. С одной стороны, она была призвана не только дополнить, но и более четко определить «обязанности собственно генерал-губернаторов», их взаимоотношения с центральными ведомствами (в первую очередь с министерствами) с одной стороны, и с местными губернаторами – с другой. Применительно к Сибири последнее обстоятельство приобретало особенное значение. Формально «Сибирское учреждение» 1822 г. не давало генерал-губернаторам права рекомендаций на губернаторские посты, но исследователи административной политики самодержавия в Сибири с полным основанием утверждают, что такого рода рекомендации генерал-губернаторы считали своей сферой управления, что нередко порождало острые конфликтные ситуации³⁴⁰.

В соответствии с инструкцией генерал-губернаторы определялись как «главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства...».

³⁴¹ Важнейшая задача генерал-губернатора заключалась в «непрестанной ревизии всех действий мест и лиц, ему подведомственных, для предупреждения или прекращения нарушения законов...» Именно генерал-губернатору «как лицу, полным доверием государя императора обличенному», предоставлялось исключительное право судить о том, насколько те или иные нарушения «противны безопасности и пользе общей...».

³⁴² По сути дела данная статья инструкции освобождала генерал-губернатора от необходимости руководствоваться в своих

³³⁸ Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1872 г. Ст. 415–472. ; Св. Зак. Российской империи . Т. II. Изд. 1892 г. Ст. 201–261.

³³⁹ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1987.

³⁴⁰ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1995. С. 110.

³⁴¹ Св. Зак. Российской империи. Т II. Изд. 1876 г. Ст. 415.

³⁴² Там же. Ст. 417. .

действиях любыми законами, предоставляя им право согласовывать свои действия исключительно с интересами «верховного правительства».

Наряду с перечисленными общими обязанностями, инструкция определяла и специфические функции генерал-губернатора. К таковым относилось наблюдение, что бы юношество «получало воспитание в правилах чистой веры» и в «чувствах преданности престолу», привлечение молодых людей к государственной службе, к трудам честным и полезным. Эта идеологическая функция несла на себе несомненную нравственную печать в виде заботы о необходимости соблюдения каждым членом общества общепринятых норм поведения и морали. В инструкции особенно подчеркивалось, что своими действиями генерал-губернатор «устраняет всякий повод к ложным понятиям, превратным толкованиям и губительному лжемудрствованию» (ст. 424).

Важной функцией генерал-губернатора была забота о «народном здравии и продовольствии» вплоть до принятия чрезвычайных мер в случае «распространения заразы», т. е. эпидемии, и «действий от голода»³⁴³. В компетенцию генерал-губернатора входило наблюдение «за ходом развития торговли и промышленности», забота о «правильной» разработке полезных ископаемых, развитии путей сообщения. Несмотря на, казалось бы, широкий круг хозяйственных обязанностей, обращает на себя внимание отсутствие их четкой конкретной регламентации. В этом смысле инструкция как бы противопоставляет генерал-губернаторскую власть губернской. Если первой более всего присущи функции надзора и контроля, то последней наоборот свойственна конкретная хозяйственная деятельность.

Политический характер власти генерал-губернатора как высшего должностного лица региона проявился в праве представлять «чиновников лично ему известных» на выдвижение, к наградам и другим поощрениям. Министрам и главноуправляющим свои распоряжения по «всем ... предметам» деятельности края следовало «передавать исключительно в губернии не иначе, как через генерал-губернаторов». Всем «начальникам

³⁴³ Св. Зак. Российской империи. Т II. Изд. 1876 г. Ст. 429.

губернии и...прочих мест и лиц» инструкция предписывала безоговорочно выполнять «требования и предписания генерал-губернатора»³⁴⁴. Таковы основные положения инструкции генерал-губернаторам 1853 г. Она ни просто конкретизировала статус генерал-губернатора, но придала ему характер высшей государственной власти, действовавшей на месте. Эта власть, основанная на личном доверии монарха, приобрела характер чрезвычайной политической власти. Последнее со всей очевидностью вытекает из 451 ст. закона: «никакая новая мера или особое распоряжение, относящаяся до благоустройства, общей пользы и казенного интереса в крае не предпринимаются иначе, как по предварительному истребованию соображений и заключения генерал-губернатора», – говорилось в ней.

Таким образом, возникнув в период Петровских преобразований преимущественно как административно-хозяйственная, к началу эпохи «великих реформ» генерал-губернаторская власть приобрела чрезвычайный политический характер. Она не прижилась в Европейской части страны, но получила дальнейшее развитие на окраинах, в местностях, на особом положении управляемых. В соответствии с теорией «местных особенностей» в середине XIX в. к таковым были отнесены губернии: сибирские, оренбургская, кавказская, новороссийский край, Лифляндия, Эстляндия и Курляндия. Отмеченные особенности географии генерал-губернаторской власти в империи не являются случайными. Исследователям уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства.

³⁴⁵ Характерной чертой этого процесса была его полиэтничность и многовариантность вхождения окраинных земель в состав России. Эти обстоятельство и порождали особенности местного управления. Наступление же русской цивилизации на данной окраине приводило к отмиранию самой идеи особых правил для конкретной территории. Однако на новых

³⁴⁴ Св. Зак. Российской империи. Т II. Изд. 1876 г. Ст. 457.

³⁴⁵ Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма ... С. 37–64.

землях «особенные» порядки устанавливались вновь³⁴⁶. Во внутренней политике империи можно отчетливо наблюдать стремление к административно-финансовой унификации с одной стороны, и необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин государства – с другой. Способность российской государственности учитывать эти «своеобразия» в практике административно-территориального устройства, законодательстве, конфессиональной политике обеспечивала не только эффективность и устойчивость имперского механизма управления, но в конечном итоге и само существование империи как таковой.

3. 2. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобством управления и безопасностью границ. Однако даже реализация одного из них – доходности края – применительно к столь различным по основным параметрам территориям, как к примеру Сибирь, Кавказ или Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий. Это порождало поливариантность модели управления. Именно такая мозаичная управленческая практика позволяла империи успешно решать сложнейшие задачи регионального своеобразия.

Несмотря на существующие различия окраинных земель, общим признаком окраин империи, управляемых на «особом положении», было наличие в ней генерал-губернаторской власти. Упразднение последней означало высокую степень интеграции данной территории в систему общероссийских экономических, политических и социокультурных связей. Именно глубиной интеграции, сменой внешнеполитических ориенти-

³⁴⁶ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 1. С. 338.

ров, возросшими внутриполитическими осложнениями следует объяснять изменения в географии генерал-губернаторской власти во второй половине XIX в. Немаловажную роль в этом играла и позиция министерства внутренних дел, стремившегося посредством упразднения должности генерал-губернатора усилить свои позиции в регионе. Уже в конце 50-х гг. было ликвидировано Черниговское, Полтавское, Харьковское генерал-губернаторство, упразднена должность генерал-губернатора Витебской, Могилевской, Смоленской губерний. В 1866 г. упразднен пост генерал-губернатора в Петербурге. В 1874 г. упразднено Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство, в 1876 г. Прибалтийское, в 1881 г. – Оренбургское.

Однако эпоха буржуазных реформ и контрреформ принесла для генерал-губернаторской власти немало и иных перемен. Вторая половина XIX в. характеризуется активными действиями русской дипломатии на Дальневосточных и Среднеазиатских рубежах. Включение этих территорий в состав империи – процесс длительный и весьма противоречивый. Однако начавшееся одновременно с этим властное освоение новых земель повлекло за собой необходимость разработки модели организации их управления и административного устройства. Военная активность на Тихом океане и Средней Азии, соседство и соперничество с Китаем, Японией, Англией требовали создания на новых территориях сильной административной власти. Существенным фактором были и обширные пространства новых земель. Этот фактор оказывал влияние не только на конфигурацию новых административных образований, но и на статус и полномочия местных органов власти. Немаловажную роль играли и такие обстоятельства, как национальный состав коренных жителей, их взаимоотношения с пришлым, в большинстве своем русским населением. Таким образом, геостратегическое положение новых земель оказывало прямое воздействие на полномочия административных органов новых территорий. Закономерно поэтому, что в качестве оптимальной формы высшего местного административного управления была признана генерал-губернаторская модель. Характерно,

что инициатива в данном вопросе исходила одновременно от двух министерств – военного и внутренних дел³⁴⁷.

Июльским указом 1868 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство³⁴⁸. Его геополитические особенности наложили отпечаток на полномочия высшей местной администрации. Генерал-губернатор являлся одновременно не только главой высшей местной власти, но и командующим войсками Туркестанского военного округа. Наряду с этим, он наделялся и дипломатическими полномочиями для ведения переговоров с соседними государствами.

Конфигурация Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего в себя две области: Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в г. Верном, неоднократно менялась. Характерно, что на территории Туркестана в 60-х-80-х гг. XIX в. действовали одновременно четыре «Временных положения об управлении». Лишь в 1886 г. начала действовать единая система, утвержденная Государственным советом и императором.³⁴⁹

Вслед за Туркестаном на карте Азиатской России появилось еще одно генерал-губернаторство. Указом от 18 июля 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири было упразднено, а губернии Тобольска и Томская подчинены непосредственно министерству внутренних дел. Одновременно с этим правительство объявило об организации Степного генерал-губернаторства с центром в г. Омске в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей³⁵⁰. Однако на этом изменения в административной нарезке Сибири не закончились. Указом от 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал – губернаторство из Амурской, Забайкальской, Приморской областей и о. Сахалин. На этом собственно завершились преобразования института генерал-ое; Виленское, Ковенское и Гродненское; Киевское, Подольское, Волыньское; Иркутское, Приамурское, Степное и Туркестанское гене-

³⁴⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882. Д. 47.

³⁴⁸ Об этом см.: Бекмаханова Н. Е. Многоконфессиональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы в. 1917 г.). М., 1986. С. 80–84.

³⁴⁹ Национальные окраины Российской империи Становление и развитие системы управления. М., 1997.

³⁵⁰ Об этом см.: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1997. С. 8–87.

рал-губернаторства. За период с 1905 по 1917 гг. было вновь восстановлено Кавказское³⁵¹ и упразднено Виленское, Ковенское и Гродненское генерал-губернаторства. Характерно, что 5 из 9 постоянных генерал-губернаторств располагались на территории Азиатской части империи, отличавшейся ярко выраженным национальным, конфессиональным колоритом и управляемых на особом положении³⁵². Данные законоположения, а также упоминавшаяся ранее инструкция 1853 г, определяли характер деятельности и правовой статус этих особо уполномоченных верховной властью государственных служащих.

Административное устройство и способы управления конкретными территориями, как известно, зависят от многих факторов: исторических условий, типологии политической системы государства и т. д. Существенное влияние на формирование объективных особенностей деятельности региональной власти оказывает географическая среда. Думается, не следует сводить понятие влияния географической среды только к формированию пространственной конфигурации административных единиц. Она в немалой степени влияет и на функции административных учреждений. На примере Азиатской России можно наблюдать прямую взаимосвязь между размерами территорий и властными полномочиями различных инстанций. В России в эпоху Николая I возобладало мнение, согласно которому Азиатская часть империи в силу удаленности от центра страны, больших размеров территорий, приграничного положения пестрого этнографического состава населения нуждается в особой системе управления. Прямым порождением этой теории стало генерал-губернаторское правление, по характеристике известного русского правоведа А. Д. Градовского «власть чрезвычайная», сохранившаяся на азиатских пространствах империи вплоть до 1917 г.³⁵³ Деятельность этой системы власти регламентировалась общеимперским законодательством. В то же время для каждого из четырех генерал-губернаторств Азиатской России – Иркутского,

³⁵¹ ПСЗ-III. Т. 25. Отд. 1. № 25891.

³⁵² В 1903 г. в МВД вновь обсуждался вопрос о подчинении губернии Западной Сибири генерал-губернаторскому ведению, однако он не был положительно решен. См.: РГИА. ф. 1284оп. 185, 1904 г. д. 28.

³⁵³ Градовский А. Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 324.

Приамурского, Степного, Туркестанского – были приняты специальные законоположения, определяющие особенности деятельности генерал-губернаторской власти на данной конкретной территории. Метод компаративизма дает возможность определить специфические черты генерал-губернаторского правления в каждом их перечисленных регионов империи.

В Сибири одной из особенностей генерал-губернаторской системы стало создание советов Главных управлений Западной и Восточной Сибири, как совещательных органов при главном территориальном начальнике края. Идея коллегиальных советов, как противовеса «самовластию» генерал-губернатора, принадлежала М. М. Сперанскому. Он был абсолютно убежден в том, что Сибирь сильно отличается от внутренних губерний империи и применение к ней общероссийского законодательства невозможно. Основную причину вопиющих беспорядков, вскрывшихся во время ревизии 1819 г., Сперанский видел в образе управления, «краю сему несвойственном». Это убеждение заставляло ревизора-реформатора искать противовес самовластию чиновников всех рангов, в том числе и генерал-губернаторов³⁵⁴. Таким противовесом и призваны были послужить советы, созданные по «сибирскому учреждению» 1822 г. при главных управлениях обеих частей Сибири. Характерно, что по замыслу Сперанского советы следовало учредить на всех уровнях сибирского управления – от генерал-губернаторского до окружного. Из анализа штатов «сибирского учреждения» со всей очевидностью вытекает, что их основная задача заключалась в корректировке единоначалия властей. Обосновывая идею необходимости введения советов, Сперанский в отчете по обозрению Сибири писал о том, что «власть личная» легко «перерождается в злоупотребления и всегда может иметь вид самовластия»³⁵⁵. В условиях Сибири, «где нет еще публичности мнения и где по недостатку дворянства и быть оно долго еще не может», подозрения в самовластии многократно возрастают. В итоге советы Главных управлений создавались под председательством генерал-

³⁵⁴ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. Ч. 2. С. 23.

³⁵⁵ Там же. С. 81.

губернатора. В его состав входило три советника «яко производители дел» по назначению генерал-губернатора и три советника от министерств: финансов, внутренних дел и юстиции. Последние назначались в совет по представлению указанных министерств, при этом предполагалось, что они станут проводниками ведомственных интересов на местах. Члены совета получали соответствующее жалование. Как уже отмечалось, штатным расписанием 1826 г. его размер определялся в 3000 руб. в год. Сперанский сознавал, что правильнее было бы составить его (совет. – *И. Д.*) из лиц, «местному управлению посторонних», расширить его состав, включив туда представителей дворянства и купечества «по выборам». Однако, по мнению реформатора, на момент разработки законопроектов «сибирского учреждения» это было невозможно. В Сибири, констатировал он, «нет дворянства и весьма мало купечества». Составление совета из людей «высшего сословия» казалось Сперанскому делом отдаленного будущего, когда Сибирь «более будет иметь населения, когда богатства ее придут в дальнейшее движение и доходы умножатся»³⁵⁶.

В «сибирском учреждении» подробно прописан механизм деятельности совета. Все его решения носили рекомендательный характер и могли быть проигнорированы генерал-губернатором. Однако в случае разногласия членов совета закон предусматривал возможность высказывания «особого мнения», которое записывалось в журнал заседания и докладывалось генерал-губернатору. Закон четко делил все обсуждаемые вопросы на две категории: решение одних зависело «от непосредственного действия генерал-губернатора», а другие следовало предварительно обсудить и «уважить в совете». Анализ сущностного содержания рассматриваемого в этих двух инстанциях вопросов не позволяет усомниться в том, что непосредственно в компетенции генерал-губернатора входили наиболее важные вопросы.³⁵⁷ Таким образом, генерал-губернатор по-прежнему сохранял в своих руках все нити управления краем. Административная зависимость от генерал-губернатора создавала последнему большие возможности для

³⁵⁶ Прутченко С. Указ. соч. С. 83.

³⁵⁷ ПСЗ-І. Т. 38. № 29125. Ст. 31–33.

воздействия на «мнение» членов совета. Принципиально важным является то обстоятельство, что право принятия окончательного решения по спорному вопросу принадлежало исключительно генерал-губернатору. Имея в виду отмеченное обстоятельство, критики «сибирского учреждения» впоследствии не раз «выговаривали» Сперанскому за это. Известный общественный деятель Сибири В. И. Вагин в своих воспоминаниях не без укоризны замечал, что «первым условием программы Сперанского были гласность и публичность деятельности власти. Но именно этого условия и не выполняет учреждение»³⁵⁸. На практическую бесполезность деятельности советов не раз обращал внимание один из идеологов сибирского областничества Н. М. Ядринцев³⁵⁹. Косвенно подтверждая это, газета «Восточное обозрение» отмечала, что «в управлении генерал-губернаторов в Сибири отражалось немало личного, случайных страстей, симпатий и антипатий, предубеждений, пристрастий, так что целые учреждения, повинувшись капризу администратора, выходили постоянно за круг предписанных им законом действий и приноравливались к обстоятельствам»³⁶⁰. Думается, однако, что с подобными категорическими высказываниями можно согласиться лишь отчасти. Действительно, изучение практической деятельности советов Главных управлений свидетельствует об их сильной зависимости от генерал-губернаторов. Но в унитарном государстве, каковым была романовская империя, иначе и быть не могло. Не случайно действующее законодательство провозглашало генерал-губернатора высшим представителем и блюстителем интересов империи в регионе.

В то же время нельзя не заметить, что «сибирское учреждение» выделяло достаточно широкий круг вопросов, которые подлежали обязательному предварительному обсуждению в совете. Это касалось общего надзора за движением дел, вопросов хозяйственного управления, ряда юридических толкований. Кроме того, существовала пусть небольшая, но тем не ме-

³⁵⁸ Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.

³⁵⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 519–520.

³⁶⁰ Вост. обозрение. 1889. 2 февр.

нее, категория дел, по которым совет мог принять окончательное решение простым большинством голосов: это были судебные дела, которые выносили на рассмотрение советов главных управлений губернаторы в связи с их несогласием с решениями губернских судов.

Таким образом, в «сибирском учреждении» 1822 г. содержалось два взаимоисключающих себя положения: идея о единоличном правлении генерал-губернатора и попытка ограничить это правление деятельностью коллегиальных советов. Сопоставление данной особенности генерал-губернаторского правления в Сибири с деятельностью этой системы власти в других районах империи позволяет охарактеризовать ее как совершенно уникальное проявление имперского регионализма, характерное только для данного региона. Даже в других азиатских генерал-губернаторствах империи, несмотря на все их своеобразие, не было ничего подобного. Высказывания областников о нежизнеспособности идеи советов и тем более об их полной бездеятельности представляются излишне полемичными. Лучшим доказательством этого являются постоянные ходатайства сибирских генерал-губернаторов в различные правительственные инстанции об упразднении советов.

Такого рода обращения особенно усилились в 50-х гг. XIX в. и связаны с именем Н. Н. Муравьева. Замышленная им масштабная программа административных преобразований в Восточной Сибири требовала, по его убеждению, сосредоточения всей полноты власти в руках генерал-губернатора и, как следствие, упразднения советов.³⁶¹ В 1851 г. отвечая на поставленный перед ним великим князем Константином Николаевичем вопрос об особенностях управления Сибирью по учреждению Сперанского и, что особенно хочется подчеркнуть, «в кокой мере они (особенности. – *И. Д.*) в последнее время приличествуют краю», Муравьев напрямую заявил, что «сибирское учреждение покойного Сперанского пользовалось наибольшей известностью» при жизни автора. В действительности же в законодательном отношении оно оказалось весьма замысловатым, а «в применении к делу в Сибири... небезуко-

³⁶¹ РГИА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 3 об.

ризенным». ³⁶² Однако тогда реализовать идею единоначалия в масштабах всего генерал-губернаторства Муравьеву не удалось. Сибирский комитет оценил ее как попытку коренной ломки «сибирского учреждения» 1822 г., а это вызывало серьезные опасения правительства. По мнению членов комитета «разные неисправности (в управлении Сибирью. – *И. Д.*) происходят от неисполнения правил, сибирским учреждением предписанных...», а не от отсутствия оных и решительно высказался против пересмотра законов 1822 г.³⁶³ Последовательным противником упразднения советов выступил Главнo-управляющий вторым (кодификационным) отделением с. и. в. канцелярии статс-секретарь Д. Н. Блудов. Он полагал, что сибирские губернаторы и так находятся «слишком далеко от надзора не только высшего правительства» но «даже и местных генерал-губернаторов». Упразднение советов, предполагаемое Муравьевым, должно было неминуемо повлечь за собой не только концентрацию единоличной власти в руках губернаторов, но полнейший хаос в рассмотрении текущих дел³⁶⁴. Тем не менее, именно тогда были сделаны первые шаги по слому идеи Сперанского о коллегиальных советах. Первого июня по предложению Муравьева была учреждена Забайкальская область³⁶⁵ и одновременно расширены права Якутской областной администрации³⁶⁶. В обеих областях вводился так называемый упрощенный порядок ведения дел, которые теперь поручались областному правлению, а не губернаторскому совету. Положение об управлении Забайкальской области состояло из 39 статей, Якутской из 26, но ни в одной из них должность советника не была упомянута³⁶⁷. В 1860 г. Муравьев попытался добиться согласия правительства на введение такой же системы управления в губерниях Енисейской и Иркутской³⁶⁸, однако его предложения встретили резкие возражения министра финан-

³⁶² ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 12–14.

³⁶³ ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.

³⁶⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. 1851 г. Д. 50. Л. 74–76.

³⁶⁵ ПСЗ-2. Т. 26. № 25394.

³⁶⁶ Там же. № 25395.

³⁶⁷ РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. Д. 1032. Л. 2–10.

³⁶⁸ РИГА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510-. Л. 4.

сов А. Княжевича³⁶⁹. Следует заметить, что Княжевича беспокоило не предполагаемое упразднение советов, а возможное сокращение налоговых поступлений от сибирских губерний в результате коренного пересмотра учреждения 1822 г., чего в конечном итоге и добивался Муравьев. Несогласие министра финансов с предложениями Муравьева оказались решающим фактором при обсуждении их в высших правительственных инстанциях, и проект был отклонен.

Следующим шагом по отмене совещательных советов в Восточной Сибири стало учреждение в 1856 и 1858 гг. Приморский и Амурской областей.³⁷⁰ В именных указах были подробно прописаны обязанности глав новых административных образований, определены их штаты. Последние, по признанию самого Муравьева, были утверждены правительством «в самом сокращенном виде»³⁷¹. По разработанному Муравьевым положению управление новыми областями подразделялось на главное и местное. Первое являлось прерогативой генерал-губернатора, второе – военного губернатора областей «как по военной, так и по гражданской части». При военном губернаторе состояло военное управление, ведавшее регулярными и казачьими войсками области, канцелярия и другие чиновники. Ни о каких советах в этом положении уже не было и речи³⁷².

Жесткий приговор «сибирскому учреждению» 1822 г. вынес приемник Муравьева на посту генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков. Уже в одном из первых отчетов по управлению краем он в качестве образца организации губернского управления ссылался на опыт Якутского и Забайкальского областных правления, действовавших без всяких советов, и предлагал распространить «этот опыт» на Иркутскую и Енисейскую губернию. «Сокращенный» вариант гу-

³⁶⁹ Там же. Л. 59.

³⁷⁰ ПСЗ-2. Т. 31. № 31080; Т. 33. № 33862; Алексеев А. И. Указ. соч. С. 157; История Дальнего Востока СССР. М., 1991. С. 226–227.

³⁷¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1655. Д. 60. Л. 29 об.

³⁷² Там же. Л. 29–34 об. Там же. Оп. 12. Д. 705. Л. 1–5.

бернского правления был, по мнению Корсакова, гораздо более жизнеспособным³⁷³.

Постоянная критика со стороны генерал-губернаторов коллективных советов влекла за собой неуклонное падение их престижа как органов управления краем. По распоряжению генерал-губернаторов на рассмотрение советов нередко выносились вопросы, на которые не было ответа у самих главных начальников края. Так по указанию Корсакова губернским и областным советам Восточной Сибири было поручено высказать свои суждения по такому вопросу, как возможность применения в Сибири положений крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. Точно также поступил генерал-губернатор Западной Сибири А. И. Дюгамель³⁷⁴. Рассмотрение этого вопроса тянулось много лет, пока Н. П. Синельников, вступивший на пост генерал-губернатора Восточной Сибири в 1871 г., не признал, что идея это в Сибири еще долго «будет... неосуществима»³⁷⁵.

Служба советником Главного управления, весьма престижная поначалу, утратила свою привлекательность и стала рассматриваться как заурыдная, малоодоходная и довольно скоро на этих должностях оказались весьма обычные чиновники. Анализ формулярных списков членов ГУВС за середину 80-х гг. свидетельствует, что никто из них не получил не только высшего, но 30 % не имели даже среднего образования³⁷⁶. Большинство советников были людьми преклонного возраста, для которых эта должность стала пиком служебной карьеры. Типичной в этом отношении является фигура члена ГУВС Сукачева, состоявшего в 1867 г. членом совета от министерства внутренних дел. Сын священника, закончивший среднее учебное заведение в г. Харькове, он прибыл на службу в Сибирь в 1819 г. и начал ее в должности канцелярского служителя. Первый классный чин коллежского регистратора Сукачев получил 1822 г. За 48 лет службы он вырос до действительного статского советника – редкая карьера для человека его сословного происхождения – и получил прибавочное жалование в размере

³⁷³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1740. Д. 148. Л. 24–27, РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739, ч. 1. Л. 14–15.

³⁷⁴ РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739, ч. 1. Л. 14–15.

³⁷⁵ Там же. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 30. Л. 2.

³⁷⁶ Подсчитано по материалам: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 1870. Л. 129–135.

7000 руб. в год.³⁷⁷ Однако такая карьера для большинства советников была скорее исключением, чем правилом. При негативном отношении генерал-губернаторов к самой должности, и как следствие к людям, ее занимающим, на большее рассчитывать было невозможно. Положение советников еще усугублялось и тем обстоятельством, что они не стали представителями «своих» министерств в Сибири – на практике центральные ведомства просто забывали об их существовании, а генерал-губернаторы демонстративно игнорировали заседания советов, попросту не являясь на них, или поручая их ведение гражданскому губернатору³⁷⁸. Много позже в 1903 г. в министерстве внутренних дел была составлена любопытная справка о причинах упразднения советов. Анонимный автор, стараясь быть беспристрастным, тем не менее признавал, что самим фактом подчинения генерал-губернатору, как высшему должностному лицу региона, советы изначально были поставлены «в положение, крайне затруднявшее течение дел». Более того, предоставление генерал-губернатору права единоличного принятия решений в случаях несогласия с мнением совета «уже в первую пору деятельности этого учреждения» устраняло «всякое деятельное участие его на направление и разрешение дел», а со временем само существование этих коллегиальных органов стало «признаваться бесполезным».³⁷⁹ Естественно, что негативное отношение генерал-губернаторов Сибири к коллегиальным советам не оставалась незамеченным в Петербурге. Не случайно при открытии новых генерал-губернаторств в Азиатской России – Туркестанского в 1868 г., Степного в 1882 г. и Приамурского в 1884 г. – советов в структуре органов управления новых административных образований уже не было. После упразднения в 1882 г. западносибирского генерал-губернаторства совет продолжал действовать только в Восточной Сибири. В конечном итоге решающий вклад в дело упразднения советов несли два генерал-губернатора – Д. Г. Анучин и А. П. Игнатъев.

³⁷⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 381. Л. 90–109.

³⁷⁸ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь.... Омск. 1997. С. 120.

³⁷⁹ Библиотека РГИА. Печатные записки. Историческая справка о порядке управления Сибирскими губерниями и областями. Л. 10–11.

Сменивший в 1885г. Анучина новый генерал-губернатор А. П. Игнатъев оказался еще более последовательным сторонником идеи упразднения советов. По его мнению за последние десятилетия Сибирь «из малоизвестной страны, населенной инородческими племенами» превратилась в «единое целое со всей великой Россией» и утратила те свои особенности, которые и порождали специфические черты в организации управления краем. Государственная точка зрения, по мысли А. П. Игнатъева, требует рассматривать Сибирь «наравне с коренными областями России» во всех отношениях, в том числе и в формах и способах управления³⁸⁰. А посему, Сибири, как и другим административным образованиям империи, нужна сильная, обличенная доверием императора власть, не стесняемая какими либо коллегиальными советами.

После преобразования генерал-губернаторства Восточной Сибири в Иркутское в 1887 г. совет Главного управления прекратил свое существование, а его функции перешли к канцелярии генерал-губернатора. Таким образом, коллегиальные советы просуществовали в Западной Сибири 50 лет, в Восточной на пять лет больше. В свое время само появление идеи советов отразило стремление Сперанского учесть природный фактор в организации территориально-административных органов. Однако этот же географический фактор влиял и на круг полномочий административных органов в регионах. Особое значение при этом имело приграничное положение крупных территориальных образований, их удаленность от центра.

Царские власти всегда уделяли особое значение отношениям России с соседними государствами, так как это служило важным условием обеспечения военной безопасности государства. Именно опасениями такого рода следует объяснять серию указов Ивана IV, запрещающих русским людям под страхом смертной казни проникновение на территорию сибирского царства.³⁸¹ Однако ситуация принципиально изменилась после того, как Сибирь оказалась в составе Российского госу-

³⁸⁰ Библиотека РГИА. Печатные записки. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири ...С. 1.

³⁸¹ См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI начале XVIII века. М., 1972.

дарства. Формирование новых государственных границ и их охрана стали одной из важных функций московского, а впоследствии – петербургского правительства. Однако не только вопросами безопасности границ руководствовались российские власти, определяя круг внешнеполитических полномочий высших руководителей окраинных регионов. Не мене значимую роль играли вопросы территориального расширения империи, усиление политического влияния России в соседних странах, установление выгодных экономических связей с сопредельными государствами. Подобные устремления России вызвали естественное противодействие со стороны ряда Азиатских и Европейских государств, стремящихся к усилению собственного влияния в этих же регионах.

Процесс формирования Азиатско-Тихоокеанских границ России даже к середине XIX в. не был завершен. Сама по себе эта граница была еще очень аморфной, своего рода буферной зоной, которую государство рассматривало как военно-экономический плацдарм для дальнейшего расширения империи. (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье для Приамурья; Приморский край – для Манчжурии; Западная Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии).³⁸² Таким образом, особенность геостратегического положения Азиатских территорий империи выдвигала перед российским правительством как бы двуединую задачу: закрепление новых территорий в составе России, в том числе путем усиления безопасности границ – с одной стороны, и дальнейшего расширения имперского пространства, сферы влияния империи – с другой. Существенную роль в решении этой задачи была призвана сыграть региональная власть, в деятельности которой уже на ранних этапах русской колонизации Зауралья можно наблюдать сочетание элементов внутренней и внешней политики. Но если первое направление – внутриполитическая деятельность – вытекало из самой сути региональной власти, то решение задачи территориального расши-

³⁸² Эта мысль была высказана А. В. Ремневым на научно-теоретическом семинаре, состоявшемся в Иркутске 13–15 ноября 2003 г. См.: Ремнев А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начала XX вв.). //Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI веков : материалы науч. теорет. семинара. Иркутск, 2003. С. 27.

рения империи требовало соответствующих внешнеполитических полномочий. В XIX в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Средней Азии эти вопросы решались при активном участии генерал-губернаторской власти, что предопределило важную особенность ее функционирования, отразившуюся в нормативных документах и практической деятельности.

Следует однако заметить, что практика предоставления сибирским властям особых внешнеполитических полномочий не была принципиально новым явлением во взаимоотношении центра и периферии. Еще на начальных этапах интеграции Сибири в Россию московское правительство своими указами предоставляло сибирским правителям ряд важных полномочий по ведению дипломатических и торговых сношений с пограничными государствами. Корни этой дипломатической самостоятельности следует искать в деятельности сибирского приказа, официально открытого в Москве в 1637 г. В отличие от других приказов он сочетал в себе территориальные и функциональные направления деятельности. Политическая и географическая удаленность Сибири от центра страны предопределили важную особенность в деятельности сибирского приказа, в компетенцию которого, наряду с обязанностями по снабжению населения края продовольствием, вином и т. д., находились дипломатические дела³⁸³. Исследователи истории Сибири XVII в. отмечают еще одну важную особенность деятельности местных органов власти. Вслед за С. В. Бахрушиным³⁸⁴, А. Н. Копылов обратил внимание на гораздо более широкие полномочия Сибирских воевод по сравнению с их «колегами» из Европейской России³⁸⁵. Поскольку через Сибирь шли тогда торговые караваны ногайских и бухарских купцов, русское правительство стало вменять в обязанности сибирских воевод ответственность за организацию таможенных сборов. В данном случае экономические функции сибирских воевод переплетались с внешнеэкономической деятельностью. В то же время воеводы ряда порубежных городов получали право и

³⁸³ История Сибири. Т. 2. Л. 1968. С. 125.

³⁸⁴ Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. 111, ч. 1. М., 1955. С. 253–262.

³⁸⁵ Копылов А. Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. общ. наук. 1965. № 9.

сугубо дипломатических сношения с государствами монгольского мира.³⁸⁶ Так уже на начальных этапах русской колонизации Сибири природный фактор оказывал непосредственное влияние на определение обязанностей и полномочий местной администрации в части внешнеполитической деятельности.

Отмеченная выше особенность прослеживается и в XVIII столетии. Первому Иркутскому генерал-губернатору И. В. Якоби еще во время службы в Селенгинске, в самом начале своей карьеры, неоднократно приходилось ездить в Китай в качестве уполномоченного российской стороны. Позднее, дослужившись до полковника, он участвовал уже в съездах с китайскими представителями, на которых обсуждались русско-китайские торговые отношения. Став генерал-губернатором 1783 г. он много сил приложил для дальнейшего развития этих отношений. Примечательно, что причиной отставки Якоби стала именно его внешнеполитическая деятельность. Неизвестный доносчик обвинил его в стремлении обострить отношения России с Китаем³⁸⁷.

Особенности геостратегического положения Сибири вызвали необходимость автономности местной администрации, в том числе в части внешнеполитической деятельности. Характерно, что именно на этой специфической стороне деятельности сибирских властей можно наблюдать определенные противоречия децентрализаторских и централизаторских тенденций, свойственные внутренней политики самодержавия в целом. С одной стороны, правительство в лице министерства иностранных дел пыталось жестко контролировать и направлять всю деятельность местной администрации в части внешнеполитической. Оно вмешивалось в решение даже таких вопросов, которые, как казалось, были весьма далеки от круга непосредственных обязанностей министерства, но как полагали в этом ведомстве, отвечали стратегическим целям внешней политики России. Примером этому может служить серия «особых совещаний», проведенных в Петербурге в период с

³⁸⁶ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 117.

³⁸⁷ История правительствующего Сената за 200 лет. (1711–1911). Т. 2. СПб. 1911. С. 623, 791.

1898 по 1901 гг., на которых обсуждался один вопрос – «о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье»³⁸⁸. На все предложения Синода и Иркутского генерал-губернатора об административном, т. е. насильственном ограничении влияния ламаизма, министерство иностранных дел всегда жестко отвечало отказом, считая, что при помощи буддизма Россия сможет усилить свое влияние в Монголии, Китае и других странах. Подобные же соображения властями различных уровней высказывались и позже. В одной из записок, поданных министерством иностранных дел на имя председателя Комитета министров в 1903 г. прямо отмечалось, что российская религиозная политика в отношении забайкальских бурят имеет огромное значение «по связям этих племен с Китаем и Тибетом»³⁸⁹. Подобный интерес главного внешнеполитического ведомства империи к традиционным религиозным верованиям и обычаям инородцев можно наблюдать и на примере других окраин государства. Известно, что в 1871 г. министерство иностранных дел выступило против предложений Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана о предоставлении ему права регулировать нормы мусульманского вероисповедания³⁹⁰. По мнению министерства, это неминуемо должно было привести к падению авторитета России в мусульманском мире Средней Азии. С такой позицией российского МИДа трудно не согласиться.

В то же время значительная активизация деятельности России на Дальневосточных и Среднеазиатских направлениях в XIX в. влекла необходимость принятия оперативных решений на месте. В сановном Петербурге хорошо понимали это и были вынуждены предоставлять местным властям дозированную самостоятельность во внешнеполитической деятельности. Важно еще раз отметить, что внешнеполитический аспект деятельности высшей местной администрации в лице генерал-губернаторов был тесно связан с их административно-политическими мероприятиями как главных начальников

³⁸⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 62. Отд. 2. Д. 300. Л. 2–5.

³⁸⁹ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 255. Записи и прошения, поданные Председателю Комитета министров по инородческим вопросам.

³⁹⁰ Институт генерал-губернаторства и наместничества.... Т. 1. С. 224–225.

края и проявлялся подчас в самых различных, подчас весьма неожиданных вариантах. Несомненным доказательством этого является установление особого режима пограничных и приморских управлений. На протяжении XVIII и XIX вв. неоднократно пересматривался статус Охотского приморского управления. Административной реформой 1822 г. на Дальнем Востоке были образованы Охотское и Камчатское приморские управления, а в Забайкалье – Троицкосавское пограничное управление³⁹¹. В задачу последнего входили не только обычные в таких случаях функции пограничной службы, но и охрана границы и обеспечение безопасности торговли. Позднее Троицкосавск был напрямую подчинен Иркутскому генерал-губернатору. Внешнеполитическая активность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе была в значительной степени обеспечена административными преобразованиями Н. Н. Муравьева на Дальнем Востоке одной стороны³⁹² и его стремлением упрочить положение империи в этом стратегически важном районе мира – с другой. Однако достижение последнего было невозможно без соответствующих международных соглашений России с сопредельными странами. Но именно этим соглашениям Россия в значительной степени оказалась обязанной Н. Н. Муравьеву. Одним из проявлений «автономизма» генерал-губернатора Восточной Сибири в части внешнеполитической деятельности стало получение Муравьевым в январе 1854 г. правительственной инструкции, объявляющей генерал-губернатора высшей инстанцией в сношениях России с Китаем по вопросу о границе³⁹³. Любопытно, что инициатором этого решения выступал сам Муравьев. В 1853 г. во время пребывания в Петербурге он подал императору записку, в которой предложил начать переговоры по вопросу о разграничении границы с Китаем, поручив ведение самих переговоров местным властям, т. е. фактически себе.³⁹⁴ Но это

³⁹¹ ПСЗ-1. Т. 38, № 29125. ст. 13.

³⁹² Их анализу посвящен специальный раздел в монографии: Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 133–163.

³⁹³ Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири ... С. 174.

³⁹⁴ См.: Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Т. 1. 1891. С. 321–322; История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999. С. 133.

обстоятельство не меняет принципиальной оценки факта признания особой автономной роли Иркутского генерал-губернатора на переговорах с Китаем. Известной долей автономии во внешнеполитической деятельности пользовался и генерал-губернатор Западной Сибири. В данном случае, как и в Восточной Сибири, она тесно переплеталась с осуществлением главным территориальным начальником края своих политико-административных полномочий. Созданная по инициативе Сперанского в 1822 г. область сибирских киргизов конечной целью имела усиление военно-стратегического присутствия России в степном крае. Обсуждаемый во второй половине XIX в. вопрос об административных границах Западной Сибири был тесно связан с активизацией внешнеполитической деятельности России на среднеазиатском направлении. Фактор отдаленности от центра, приграничное положение территории, знание конкретного материала позволяло западносибирским генерал-губернаторам играть в этом процессе далеко не последнюю роль. Как правило, они участвовали в качестве экспертов во всех закрытых комиссиях по обсуждению вопросов усиления роли России в этом регионе. Именно территория Западной Сибири и Оренбургского генерал-губернаторства послужила своего рода военно-экономическим плацдармом для продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию³⁹⁵.

Компаративный анализ особенностей внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов Азиатской России позволяет утверждать, что глубина ее автономности находилась в прямой зависимости не только от длины расстояния до столицы, но и от позиций России в регионе в целом, ее дипломатического влияния на сопредельные страны, личного авторитета генерал-губернатора. В этом смысле наибольшей независимостью пользовался Туркестанский генерал-губернатор Кауфман. В его руках была сосредоточена огромная административная и военно-политическая власть, вся среднеазиатская политика. Он был уполномочен Российским правительством начинать военные действия, вести мирные переговоры, руководить дипломатическими представительствами России в

³⁹⁵ Об этом подробнее см.: Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана. Барнаул, 2003.

соседних с Ташкентом государствах. Как в 1858 г. Н. Н. Муравьев в Айгуне, К. П. Кауфман сыграл решающую роль в разработке и подписании в 1873 г. Русско-Бухарского и Русско-Хивинского договоров³⁹⁶.

Важной предпосылкой формирования особенностей управления Сибири на всех уровнях был этнический фактор. Он сказывался на методах властного основания новых территорий, их политико-административном устройстве и т. д. Россия всегда была страной многонациональной. Уже со времен Древней Руси в районе Новгорода по соседству со славянами проживали неславянские племена: меря, весь, чудь и др. По мере продвижения границ русского государства на Восток этническое разнообразие усиливалось. Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались религиозным многообразием. В Сибири значение «инородческого вопроса» определялось той ролью, которую играли аборигены в социально-экономическом развитии края, уплатой натурального ясака, большими массивами земли, пригодными для колонизации, этническими связями с населением сопредельных стран, отсутствием четко обозначенной государственной границы. Хотя на протяжении всей истории русской Сибири можно наблюдать снижение удельного веса коренного населения, но об абсолютном сокращении численности аборигенов не может быть и речи.³⁹⁷ Хотя поливариантность государственного устройства окраин империи накладывала известный отпечаток на деятельность местных органов власти и управления, в то же время можно выделить общие закономерности в решении этнополитического вопроса на всех окраинах Азиатской России.

Стратегической задачей государственной национальной политики в отношении коренного населения окраин империи была их интеграция в общероссийскую систему политических,

³⁹⁶ Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи. (XIX в). Уфа, 1999. С. 73–74; История внешней политики России ... С. 109–111.

³⁹⁷ Дамешек И. Л. Политика государственной колонизации и этнографические процессы в Сибири XIX начала XX вв. // Этнографическое взаимодействие в Сибири (XVII–XX вв.) : тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф. 19–20 июня 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 100–103.

экономических, социокультурных и иных связей. Разумеется, в каждом регионе этот процесс имел свои индивидуальные особенности, но стратегическая цель – «превращение окраин империи в Россию» – не вызывает сомнений. Если на ранних этапах колонизации Азиатских окраин империи по мере вовлечения регионов с нерусским населением в поле зрения властей правительство было вынуждено в каждом отдельном случае выработать конкретные мероприятия, то мере усиления интеграции Сибири в Россию выработывалась концептуальная политика государства в «иностранном» вопросе. Анализ этой политики позволяет утверждать, что не смотря на определенные зигзаги, она несомненно имела свою логику развития. Опираясь на конкретно исторический материал, законодательную базу и практику ее применения можно выделить два основных этапа в политике правительства по отношению к сибирским «иностранцам» в XVIII начале XX вв. Первый этап – с начала XVIII в. до середины XIX вв., второй этап примерно середины XIX в. и до 1917 г. Для первого этапа характерна прежде всего смена военно-мобилизационных методов взаимоотношения с аборигенами на политику административно-управленческой интеграции, венцом которой стал «Устав об управлении иностранцев» 1822 г. Важной составляющей политики империи по отношению к сибирским «иностранцам» на этом этапе было понимание невозможности полного подчинения этих народов действию общероссийского законодательства, доказательством чего являются попытки кодификации норм обычного права сибирских иностранцев. Для второго этапа наоборот характерно стремление имперского правительства «уравнять» сословие сибирских иностранцев с русским крестьянским населением. Подобная смена ориентиров была вызвана несколькими причинами, среди которых особенную роль играла степень интеграции Сибири в Россию, превращение Сибири из колониальной окраины в периферийную составную часть государства и выработка идеологии государственного единства и неделимости империи. Последнее явление было далеко не случайным. Возникновение идеологии государственного единства, практика его реализации в значительной степени были связаны с распространением в России национальных идей, ставших

угрозой династическому имперскому патриотизму, на который традиционно опиралась романовская империя³⁹⁸.

Идея государственного единства была сформулирована в 1860-х гг. М. Н. Катковым и нашла свое выражение как в законодательстве, так и в стремлении правительства идеологически обосновать новые мероприятия по отношению к нерусским подданным национальных окраин империи. Данное утверждение вполне корреспондируется со взглядами известных представителей русского общественного мнения на задачи колонизационной политики государства на окраинах. Весьма интересны высказывания на этот счет известного писателя и путешественника 70-х гг. XIX в. М. И. Венюкова. Цивилизаторская роль России по отношению к коренному населению Средней Азии была для него несомненной. Искренним желанием каждого просвещенного человека должно быть увеличение «сношений этих земель с Россией или России с ними», - отмечает он.³⁹⁹ Однако одного такого желания мало. Решающее значение имеет колонизация, точнее ее цели. От решения этого вопроса зависит и все остальное. По мнению Венюкова, система колонизации не может быть универсальной, но она должна предусматривать заселение окраин русским элементом. Это приведет к ликвидации их обособленности от центральной России. В этом, по мнению Венюкова, заключается основная задача сильной местной власти⁴⁰⁰.

Алогичные мысли зримо присутствуют во взглядах на рассматриваемую проблему у А. Д. Градовского – автора известных работ по истории русской государственности и права. Работая над историей генерал-губернаторств в России, Градовский провел любопытное сравнение колонизационной политики Европейских государств в отношении своих «иноплеменных областей» и России. Он пришел к неутешительному, с точки зрения российского человека выводу о том, что в этих странах «выгоднее было быть немцем, французом, римлянином, чем иностранцем». В России же, с горечью констатировал

³⁹⁸ См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

³⁹⁹ Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 299.

⁴⁰⁰ Там же. С. 388–389, 394–395.

он, все наоборот. Имея в виду окраины империи, Градовский заключает: «Мы желаем обрусить разные местности», но для этого, во-первых, следует призвать на помощь «все общественные силы; и во-вторых, обращаться с окраинами точно так же как с русскими областями, «изгнав все «местные условия» из политической практики»⁴⁰¹. В Сибири решающая роль в проведении политики «сближения» сословий крестьян и инородцев роль отводилась генерал-губернаторам. Последние вполне разделяли эту новую государственную идеологию. Характерно также, что в своей политике «сближения» генерал-губернаторы были убеждены в превосходстве русской культуры, в цивилизующей миссии этой высшей культуры по отношению к культуре аборигенов. Конечная цель такой политики виделась во всеобъемлющем «приобщении» аборигенов к русской государственной жизни.

Подобные мысли были весьма созвучны со взглядами представителей высшей сибирской администрации на судьбы инородцев в составе империи. Н. Н. Муравьев еще в 1847 г. заявил, что «едва ли в скором времени не представиться необходимость распространить на них («инородцев». – *И. Д.*) действие законов общих»⁴⁰². Эту же мысль, но в гораздо более категоричной форме, высказал в 1887 г. А. П. Игнатьев⁴⁰³, полагавший, что с государственной точки зрения Сибирь следует рассматривать не как специфический регион, а «наравне» с «прочими» губерниями России. Не случайно, что сами сибирские генерал-губернаторы, как высшие представители самодержавной власти в регионе и стали проводниками такой политики. Однако именно это стремление к административной, политической и культурной унификации окраинных регионов с великорусским ядром империи составляло своеобразие национальной политики самодержавия. Компаративный анализ политики России в отношении народов Сибири с политикой США в отношении индейцев, Европейских государств Англии,

⁴⁰¹ Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 337–338.

⁴⁰² РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 389 об.

⁴⁰³ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет.

Франции и др. в отношении коренного населения «своих» колоний позволяет утверждать, что принципиальным отличием этой политики стало стремление Российских властей всех уровней интегрировать сибирские народы в систему общероссийских хозяйственных, административных и социокультурных связей и отношений, подчинить эти народы действию общероссийского политико-административного и социокультурного уклада. Это был весьма противоречивый процесс, но именно данное обстоятельство принципиально отличает политику России по отношению к народам Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не считались подданными государства и не платили налогов⁴⁰⁴. В Сибири же наоборот органической составляющей национальной политики стал процесс земледельческой колонизации, распространение православия, русской грамотности, традиций и обычаев русского народа среди аборигенов. Именно эта сторона государственной политики занимала особенное место в функциональных обязанностях сибирских генерал-губернаторов.

К региональным факторам, определявшим особенности деятельности института генерал-губернаторской власти следует отнести наличие в Сибири крупных земельных собственников, интересы которых зачастую не совпадали. Основными собственниками земель и недр Сибири выступали казна и Кабинет. Несовпадение финансовых интересов казны и Кабинета порождало административную автономию кабинетских земель в виде Алтайского и Нерчинского горных округов, управляемых по особому положению⁴⁰⁵. Все остальные сибирские земли рассматривались самодержавием как находящиеся в совместной собственности казны и Кабинета. Последний, как совладелец, взимал в свою пользу ясак. Однако и казна была совладельцем сибирских земель, находящихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Она получала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчною податью. Кроме того, крестьяне и инородцы выступали и как арендаторы Ка-

⁴⁰⁴ Агеев А. Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров ... Иркутск, 2002. С. 92–94.

⁴⁰⁵ Подробнее см.: Жидков Г. П. Кабинетское землевладение. (1797–1917). Новосибирск, 1973.

бинетских земель, ибо выплачивали государственные повинности. Эти финансовые противоречия земельных собственников находили известное выражение в деятельности высшей местной администрации. Еще М. М. Сперанский в донесении Александру I о Нерчинских заводах отмечал, что в результате использования труда приписных местное «серебро обходится... дороже, чем оно стоит»⁴⁰⁶. Совершенно иной точки зрения на этот счет придерживался В. Я. Руперт, неоднократно настаивавший на увеличении числа крестьян, приписанных к заводам. В отличие от своих предшественников, Н. Н. Муравьев считал более целесообразным «производить разработку силами одних каторжан», а приписных крестьян наоборот «обратить к земледелию»⁴⁰⁷. На протяжении XIX в. неоднократно перестраивалось и управление заводами Алтайского горного округа⁴⁰⁸, что нашло отражение в целой серии законодательных актов.

Изучение истории разработки нормативной базы и самого процесса управления горными округами Кабинета позволяет утверждать, что активными участниками этих процессов и событий были сибирские генерал-губернаторы. Горные округа, принадлежавшие на правах собственности императорскому Кабинету, порождали совершенно специфический круг забот и обязанностей сибирских генерал-губернаторов, а подчас и некоторую двойственность в их положении как главных начальников края. Лишь падение монархии в феврале 1917 г. повлекло за собой упразднение этой особой формы собственности.

Важной специфической обязанностью сибирских генерал-губернаторов было управление ссылкой. На протяжении XIX в. высшая местная бюрократия неоднократно отмечала недостатки и пыталась по-новому организовать управление каторгой и ссылкой. Тем не менее, со времени выхода «Устава о ссылке» и «Устава об этапах» в 1822 г.⁴⁰⁹ вплоть до 1913 г. эта система управления ссылкой постоянно давала сбой и являлась своеобразной головной болью для сибирской админи-

⁴⁰⁶ ГАИО. Ф. 24. Опр. 9. К. 1734. Д. 1–2 об.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ ПСЗ-2. Т. № 29363; ПСЗ-3. Т. № 2402.

⁴⁰⁹ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128, 29129.

страции всех уровней. Ниже в главе четвертой мы подробно рассмотрим тот вопрос.

Говоря о генерал-губернаторской системе управления в Сибири, следует учитывать еще одно обстоятельство: генерал-губернатор был не только высшим административным лицом в крае, но главой местного общества. Естественно, что и его семейство становилось центром этого же общества. Участие в светской жизни, представительские, благотворительные и иные функции были неуставными обязанностями генерал-губернатора, пренебрегать которыми было ни в коем случае нельзя.

В выполнении этих неуставных обязанностей немаловажную роль играли культура самого генерал-губернатора, членов его семьи, в первую очередь жены, умение общения с людьми, стремление быть всегда на виду или наоборот, отсутствие оно-го... Изучение жизненного пути сибирских генерал-губернаторов позволяет утверждать, что большая часть из них были людьми незаурядными. Попав в Сибирь по воле монарха и призванные законом быть верховными представителями и блюстителями его интересов на местах, многие из них довольно скоро если не превращались в истинных сибиряков, то становились настоящими радетелями интересов этого края, поборниками развития культуры и образования, нравственно-го совершенствования всего сибирского общества.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. В начале XIX в. собственной интеллигенции в Сибири практически не было. Ее отсутствие в определенной степени компенсировалось чиновничеством. Характеризуя последнее, лидер сибирского областничества Г. Н. Потанин отмечал, что «...эти чиновники иногда с университетским образованием... поднимали в местном обществе не только вопросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой и вопросами общественной и государственной жизни»⁴¹⁰. Генерал-губернаторы как бы олицетворяли этот высший чиновничий мир, которому стремились подражать и, в известной мере, даже копировать. Разумеется, каждый генерал-губернатор вел себя индивидуально. Однако сама должность диктовала ему

⁴¹⁰ Цит. по: Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 151.

определенные каноны общественного поведения, за соблюдением которых незримо, но очень внимательно следило местное общество. В этом проявлялось нравственное влияние личности генерал-губернатора на окружающих его людей.

3. 3. ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС СИБИРИ. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Что же собой представляла эта верхушка правящей местной бюрократии? За период существования (1822–1887гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 г. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывало соответственно 19 и 9 человек. Произведя необходимые расчеты увидим, что средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Это показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) он составлял 5,5 лет, в Степном (1882–1917 гг.) – 6 лет, В Туркестанском (1867–1917 гг.) он был несколько ниже – 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинах генерал-губернаторства империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе – 6 лет, в Финляндии – 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А. С. Лавинский, В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев, М. С. Корсаков и А. Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г. Х. Гасфорд и П. Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана (1867–1882 гг.), И. И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916 гг.), Ф. Ф. Штейнгеля (1810–1823 гг.) и Н. В. Адлерберга (1860–1881 гг.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А. С. Меньшикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854 гг.)

вания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки. Источники зафиксировали лишь один такой факт, связанный с именем А. С. Сулимы, который пробыл генерал-губернатором Восточной Сибири всего 9 месяцев, но затем был переведен на аналогичную должность в Западную Сибирь. Характерное для правительства стремление менять губернаторов в годы кризисных народных волнений и революционных событий⁴¹¹ не прослеживается на уровне генерал-губернаторов. Наоборот, в годы острых общественно-политических кризисов, например 1879–1881, 1905–1907, в России учреждаются временные генерал-губернаторства с весьма широкими полномочиями их главных начальников. Иными словами, генерал-губернаторское правление на окраинах империи выглядело весьма стабильным.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала⁴¹², что соответствовало 3-му и 2-му классу Табели о рангах. Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Эти цифры вполне коррелируют с общероссийскими показателями. Для большинства генерал-губернаторов служба в Сибири стала пиком служебной карьеры. Лишь пять человек продолжили службу далее, причем двое на таких же должностях: так Сулима в 1834 г. был пе-

⁴¹¹ Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России ... С. 88.

⁴¹² В Восточной Сибири служили три штатских генерал-губернатора: А. С. Лавинский (1822–1833 гг.) имел гражданский чин . тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта; равный чин, но по придворному ведомству – егермейстера – имел М. Князев (1910–1916 гг.). Лишь последний Иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора.

реведен генерал-губернатором из Восточной в Западную Сибирь, а Игнатьев в 1889 г. назначен Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Службу в армии продолжил Капцевич – в качестве командира отдельного корпуса внутренней стражи, Мещеринов командовал войсками Казанского военного округа, а Горчаков принял активное участие в Крымской войне. Для большинства же генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет – 9 человек, Сенат – 3 человека, или иные почетные комитеты. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем востоке, в Степных и Туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах. К сожалению, не все послужные списки сохранились до наших дней. Тем не менее, из оставшихся из них видно, что генерал-губернатором Сибири, как и других Азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы особенно первой половины XIX в. отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных компаниях России того времени. Так, например, первый западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич (1822–1827 гг.) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в том числе орденами Св. Георгия 2-й и 3-й степени и золотой шпагой с бриллиантами. Его приемник на этом же посту И. А. Вельяминов (1827–1834 гг.) за «отличия» в сражении под Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. Активным участником войны с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной, а затем Западной Сибири А. С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, Кениксберге, Дрездене, Лейпциге, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н. С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3

степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретной галереи героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В Военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С. М. Броневский сражался в 1804–1805 г. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П. Д. Горчаков отличился в финляндском походе в 1808–1809 гг., сражении под Руцуком в Молдавии в 1810 г.; В. Я. Руперт участвовал в русско-турецкой войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в губернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией. Таким образом, можно утверждать, что именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса, как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком,⁴¹³ не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Отсутствие последнего многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Не случайно Руперт еще до своей отправки в Сибирь предложил «ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление», губернаторов впредь назначать из генерал-майоров, а окружных начальников, полицмейстеров и заседателей – из штаб- и обер-офицеров⁴¹⁴. Между тем при приоритете военно-политических задач, административно-хозяйственная деятельность занимала большой удельный вес в повседневных заботах генерал-губернатора.

⁴¹³ Исключением является С. М. Броневский, который до своего назначения генерал-губернатором в 1834 г. прослужил ряд лет на разных должностях в Сибирском казачьем войске, в отдельном Сибирском корпусе и в 1825 г. даже ревизовал канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири. Отмечая заслуги Броневского в развитии сельскохозяйственного производства в Сибири, Московское общество сельского хозяйства дважды в 1822 и 1835 гг. наградило его специальной медалью за «усовершенствование сельского хозяйства» и открытие в г Омске школы земледелия.

⁴¹⁴ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь ... Омск, 1995. С. 107.

Если к этому добавить сложную географическую конфигурацию, особенности природно-климатических условий региона, плохое состояние коммуникаций, наличие в крае нескольких крупных земельных собственников становится очевидным, что наличие административно-хозяйственных навыков или отсутствие оных могло оказать существенное влияние на деятельность главных начальников края. Не знание генерал-губернаторами основ управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с «совершенным произволом», к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките⁴¹⁵.

Подобная практика административно-хозяйственной деятельности генерал-губернаторов не оставалась незамеченной в Петербурге. Министры внутренних дел и финансов по мере возможностей пытались оказывать влияние на выбор кандидата императором. Тем не менее, назначение генералов на генерал-губернаторские должности продолжалось и во второй половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве своем они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предшественники. Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н. Н. Муравьев был Тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М. С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых Амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д. Г. Анучин с 1865 по 1879 г. служил Родомским, П. И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. был Нижегородским губернатором; А. Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Западной Сибири. Н. П. Казнаков до назначения в Сибирь был Киев-

⁴¹⁵ Известный сибирский мемуарист этого времени Нижнеудинский исправник М. Геденштром пишет о «широком произволе» принимаемых генерал-губернаторами решений, нежелании последних считаться с чьим-либо иным, пусть даже правильным. См.: Геденштром М. И. Отрывки из Сибири. СПб., 1830.

ским военным и гражданским губернатором, реформированием системы податей и сборов в качестве офицера Генерального штаба пришлось заниматься Г. В. Мещеринову.

Наряду с вышеназванными, следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на Дальневосточных и Среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Ниже мы подробно коснемся этой специфической особенности деятельности сибирских генерал-губернаторов. Сейчас же отметим, что некоторые из них своей предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так уже упоминавшийся Д. Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у Дюгамеля, который в 30-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже послом в Тегеране.

В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX начала XX вв. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов. Таковыми были в Восточной Сибири А. П. Игнатьев и П. А. Фредерикс, в Западной Сибири – Г. Х. Гасфорд. Таким образом можно констатировать, что в рассматриваемый период времени сибирскими генерал-губернаторами служили лица, имевшие немалый опыт военно-политической, административно-хозяйственной и даже дипломатической деятельности.

Аналогичную картину можно наблюдать и в «соседнем» Приамурском генерал-губернаторстве. Сохранились послужные списки пяти из шести генерал-губернаторов этого региона. Из их анализа видно, что четверо из пяти в том или ином отношении не были новичками на служебном поприще, имея опыт пребывания на различных руководящих должностях еще

до своего назначения генерал-губернаторами. Так Духовский был военным губернатором Эрзерумской области, Субботич – Закаспийской, Гондатти – Сыр-Дарьинской. Кроме того, Градеков и Гондатти хорошо знали край еще до своего назначения. Первый ряд лет служил помощником Приамурского генерал-губернатора и в этом качестве ревизовал о. Сахалин, а Гондатти заведовал переселенческим отделом в Приамурье. Любопытно, что карьеры Духовского и Градекова не завершились на Дальнем Востоке. Позже они оба продолжили службу в качестве генерал-губернаторов Туркестана.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти 100-летнего периода были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатьев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый Н. Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23%. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев – придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В Степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Сохранившиеся формулярные и послужные списки свидетельствуют, что, как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатьев – были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – Лавинский, Сулима, Горчаков получили домашнее образование. По поводу последнего следует сказать особо. Домашнее образование было распространено в дворянских семьях в XVIII – начале XIX вв. К нему не следует относиться скептически, хотя, по мнению исследователей, оно уступало систематическому курсу гимназий. Немало зависело от подбора учителей и программы обучения, составлявшихся, как правило, индивидуально. Так, например,

домашнее образование получил П. С. Мордвинов, ставший впоследствии одним из крупнейших экономистов Европы.⁴¹⁶

К сожалению, национальный состав генерал-губернаторского корпуса не может быть проиллюстрирован, так как формулярные списки не содержат соответствующей графы. Сведения о вероисповедании не могут в данном случае выступать в качестве критерия, поскольку они отнюдь не иллюстрируют связь между национальным происхождением и религиозными убеждениями. Тем не менее отметим, что подавляющее большинство генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии – например, католицизм, или лютеранство, представлены лишь отдельными личностями.

Значительный интерес представляют сведения об имущественном положении генерал-губернаторов. Однако лишь в единичных формулярных списках содержатся сведения о движимом и недвижимом имуществе, принадлежащим генерал-губернаторам на правах собственности. Поэтому для надежных выводов в данном случае нет основания. Однако не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и тем более в начале XX вв. не было редкостью. Тем не менее, в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие охарактеризовать источники доходов этих высокопоставленных слуг государства. Основанием для таких суждений являются штатные расписания, которые довольно точно фиксируют основные статьи расходов на содержание генерал-губернаторов, именные указы о назначении на должность, о персональных надбавках к денежным выплатам, иные документы. В Европейской России на первом месте по размерам бюджета были Санкт-Петербургское и Московское генерал-губернаторства. В среднем на одну штатную единицу там приходилось 1700 руб. бюджетных ассигнований. В остальных генерал-губернаторствах этот показатель был значительно ниже. Следует также отметить, что во всех генерал-губернаторствах Азиатской России сметой предусматривалось от 5000 до 10 000 руб. на экстраординарные расходы.

⁴¹⁶ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 39.

Штаты сибирских генерал-губернаторств были утверждены в 1822 г. одновременно с «Учреждением для управления Сибирских губерний». В Западной и Восточной Сибири штатное расписание, равно и оклады служащих, были примерно одинаковыми. Например, жалование советника Главного управления составляло 3000 руб. в год, столоначальника – 1500 руб., советник губернского правления получал 560 руб., а секретарь того же губернского правления – всего 280 рублей⁴¹⁷. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалования по должности, столовых сумм и ассигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников, (деньги на наем жилого помещения) генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставлением им, как и гражданским и военным губернаторам, служебного помещения. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставивший впоследствии знаменитым «Белый дом». После перенесения столицы западносибирского генерал-губернаторства из Тобольска в Омск там в 50-х гг. XIX вв. был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать еще одно уточнение, касающуюся статьи «жалование» генерал-губернатора. Она включала не только выплаты по должности и чину, размеры которого четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты «по чину и должности».

В рассматриваемый период времени жалование сибирских генерал-губернаторов составляло 10 000 руб. в год, 12 000 руб. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в определялся более 22 000 тыс. руб. в год. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалование подчиненных генерал-губернатора. В то же время следует отметить, что на практике жалование по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единствен-

⁴¹⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1652. Д. 81. Л. 2 об–3 об.

ными источниками денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные «дотации», т. е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду не деньги, выделяемые «на обзаведение» или «прогонные» (путевые расходы, связанные с переездом на новое место службы), а выкуп казной заложенного имению генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. Эта практика была весьма распространена в первой половине XIX в., но ее рецидивы можно наблюдать и в последующий период сибирской истории. В 1806 г. одной из важных «побудительных» причин согласия И. Б. Пестеля стать сибирским генерал-губернатором были большие долги, заставлявшие его «искать средства исправить свое состояние...». Надо сказать, что надежды Пестеля оправдались. При вступлении в должность ему «из казны было выдано 40 тыс. руб. на десять лет без залога и процентов...», которые и пошли на уплату долга⁴¹⁸. В 1837 г. В. Я. Руперту при назначении генерал-губернатором было пожаловано 10 000 руб. на уплату долгов и еще 10 000 для проезда в Иркутск⁴¹⁹.

М. С. Корсакову в 1861 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири одновременно «на обзаведение» из казны было выделено 10 000 руб.⁴²⁰ Подобные выплаты имели место, как правило, в связи с назначением на должность «главного начальника края». Для всех остальных категорий служащих они были исключены.

Введенное «Сибирским учреждением» 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впоследствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А. И. Дюгамель, будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18 000 руб. в год, а уже упоминавшемуся М. С. Корсакову

⁴¹⁸ Бумаги Пестеля // Русский архив. 1875. № 4. С. 374.

⁴¹⁹ Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 45. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 1845. Л. 1–18.

⁴²⁰ Матханова Н. П. Указ. соч. С. 344.

(1861–1871) было решено платить существенно больше – 23 000 руб. Примерно такой же доход был и у предшественника Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалование генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н. Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалования по чину 1394 руб. 25 коп., жалования по званию генерал-губернатора 2802 руб., столовых 3396 руб. 72 коп., на разъезды 1715 руб. 40 коп. и прибавочных лично ему 15 000 руб. Итого 24 308 руб. 37 коп.⁴²¹ Оно вполне сопоставимо с жалованием его приемника на этом посту М. С. Корсакова с той лишь разницей, что последний при вступлении в должность имел чин генерал-майора. Жалование М. С. Корсакова составляло: по чину 1017 руб., по званию – 2082 руб., столовых – 3362 руб. 40 коп., добавочного содержания – 147 000 руб. и 1715 руб. 40 коп. на разъезды. Таким образом, оно исчислялось почти в 23 000 руб. в год. К этому следует добавить, что в 1858 г. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2000 руб. в год. Таким образом, подчеркнем, что, несмотря на определенные различия, размер жалования генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имения вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалования генерал-губернатора с жалованием гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Возьмем для рассмотрения временной отрезок 1860–1870-х гг. В этот период времени генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов (1866–1875) получал следующее содержание: по званию генерал-губернатора 10 000 руб., добавочное 3503, столовых 2802 и по званию командующего войсками – 1356 руб. Итого: 17661 рубль.⁴²² Его коллега – генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков (1861–1871) в тот же период получал жалования по чину 1356 руб., жалования по званию генерал-губернатора 2802 руб., прибавочного содержания

⁴²¹ Матханова Н. П. Указ. соч. С. 226.

⁴²² Список генералам по старшинству. СПб., 1867. С. 303.

14 700 руб., на разъезды 1715 руб. 40 коп., столовых 3362 руб., и пенсии 2000 руб. Итого: 25 935 руб.⁴²³ Для сравнения приведем данные за тот же период времени по денежному содержанию их коллег губернского и областного уровня. В частности, Тобольский гражданский губернатор (1862–1867) действительный статский советник А. В. Виноградский получал всего 2687 руб., в том числе: жалования – 1400 руб., столовых – 600 и квартирных 687 руб.⁴²⁴; Томский гражданский губернатор (1868–1871) действительный статский советник Н. В. Родзянко, имевший знак отличия за безупречную службу и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. получал существенно больше – 8032 рубля (в том числе жалования и столовых по 1716 руб., прибавочного – 2000, арендных 1200 и квартирных 120 руб.), у военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Н. П. Дитмара (1864–1874) оно составляло 4000 руб. – по 2000 жалования и столовых соответственно⁴²⁵.

В 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков получал жалование в размере 20 158 рублей, в том числе 3000 руб. пенсии. В этот же период времени денежное содержание его коллеги из Восточной Сибири барона Фредерикса П. А. составляло 23 856 руб. При этом он не получал пенсии и добавочного жалования, однако ежемесячные выплаты ему по должности генерал-губернатора равнялись 19 000 руб. К этому добавлялись 1356 руб. – жалование по чину и 3500 – столовых⁴²⁶.

Для сравнения укажем, что именным указом от 4 января 1885 г. А. П. Игнатьеву при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири было назначено содержание в размере 19 000 руб. в год⁴²⁷. В то же время по штатам управления 1887 г. канцелярским чиновникам полагалось 900 руб. в год, а канцелярские служители довольствовались еще меньшим жалованием⁴²⁸. Таким образом, можно заключить, что

⁴²³ Там же. С. 388.

⁴²⁴ Список гражданским чинам IV класса. СПб., 1859. С. 336.

⁴²⁵ Список генералам по старшинству. СПб., 1866. С. 740.

⁴²⁶ Список генералам по старшинству. СПб., 1875 г. С. 316, 459.

⁴²⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп 12. Д. 123. Л. 2 об.

⁴²⁸ ПСЗ-3. Т. № 4517.

разница годичного содержания высшей сибирской администрации и более низкого звена чиновничьего аппарата была весьма значительной, а подчас просто огромной. Следует отметить, что жалование представителей высшей сибирской администрации, как следует из приведенных выше данных, было весьма вариативным. Прежде всего, это замечание относится к персональным выплатам по должности генерал-губернатора. Можно предположить, что одним из определяющих факторов здесь являлась сложность и важность задач, которые предстояло решать тому или иному генерал-губернатору в своем крае.

Приведенные данные о генерал-губернаторах позволяют охарактеризовать эту высокопоставленную прослойку царских управленцев гораздо яснее и шире, чем это делалось до сих пор. Прежде всего, отметим, что по своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имело значительные опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени. В Российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, организация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было «Сибирское учреждение» 1822 г.

ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЗАДАНИЙ, РЕФЕРАТОВ, ДОКЛАДОВ, ДИПЛОМНЫХ РАБОТ И МАГИСТЕРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ

1. Охарактеризуйте типы окраин Российской империи.
2. Проанализируйте имперскую модель управления окраинами.
3. Первый Сибирский комитет, его состав и деятельность
4. Второй Сибирский комитет и его программа.
5. Комитет Сибирской железной дороги.
6. Дайте сравнительную характеристику особых комитетов империи по управлению окраинами.
7. Эволюция генерал-губернаторской власти в законодательстве империи
8. Составить характеристику генерал-губернатора (по выбору) на основе воспоминаний современников.
9. Составить функциональную характеристику генерал-губернатору как административному лицу на основе законодательных актов, регламентирующих их деятельность.
10. Составить политический портрет генерал-губернатора (по выбору)
11. Провести компаративный анализ деятельности генерал-губернаторов (двух последовательных, по выбору)
12. Составить рейтинг материального уровня благосостояния генерал-губернаторов (нескольких по выбору).
13. Составить список специфических служебных полномочий сибирских генерал-губернаторов.
14. На основе формулярных списков составить стратиграфическую характеристику генерал-губернатору (двум по выбору)

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Российское законодательство. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». М., 1987. Т. 5

Власть в Сибири XVI – начало XX века. Межархивный справочник. – Новосибирск, 2002.

Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские: XVIII–XX вв. – Тюмень, 2000.

Гаркуша П. И. Правовой статус института губернаторства в России / П. И. Гаркуша. – Ростов н/Д, 2004.

Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало... начало XX в.) / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Даниленко. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. – 256 с. – (Азиатская Россия).

Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. – М., 2003.

Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск, 2002.

Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск, 2005.

Дамешек И. Л. Генерал-губернаторы Азиатской России как институт власти и его особенности // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. : материалы V Всероссийской научной конференции. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – С. 38–40.

Дамешек И. Л. Высшая сибирская администрация в оценке местного общества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. – Новосибирск, 2005. – С. 205–215.

Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек [и др.]. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 368 с.

Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1986.

Дамешек Л. М. Михаил Михайлович Сперанский в Иркутске // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков : сб. биограф. очерков. – Новосибирск, 2007. – С. 34–41.

Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. – 320 с. – (Азиатская Россия).

Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917) // И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2009. – 390 с. – (Азиатская Россия).

М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева, А. В. Ремнев. – Иркутск, 2003. – 264 с.

Ерошкин Н. П. Местное государственное управление дореформенной России (1800–1860 гг.) / Н. П. Ерошкин. – М., 1985.

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи : в 2 т. / под ред. В. В. Черкесова. – СПб., 2001.

Лысенко Л. М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. / Л. М. Лысенко. – М., 2000.

Маркова И. Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / И. Б. Маркова. – Новосибирск, 1985. – 247 с.

Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. – Новосибирск, 1998.

Матханова Н. П. Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. – Новосибирск, 2002.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск, 1995.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997

Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. – Тюмень, 2000.

Тухтаметов Ф. Т. Институт губернатора России: сравнительно-исторический очерк / Ф. Т. Тухтаметов. – Уфа, 2004.

Шумилов М. М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX в. : учеб. пособие по спецкурсу) / М. М. Шумилов. – Л., 1988.

Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. / М. М. Шумилов. – М., 1991.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
*Учреждено 22.07.1822 г. (ПСЗ-I. № 29125), упразднено 18.05.1882.
(ПСЗ-III. № 886)*

Генерал-губернаторы Западной Сибири

22.07.1822–25.07.1827 генерал от инфантерии Петр Михайлович Капцевич
25.07.1827–28.09.1834 генерал от инфантерии Иван Алексеевич Вельяминов
28.09.1824–28.01.1836 генерал от инфантерии Николай Семенович Сулима
28.01.1836–19.12.1850 генерал от инфантерии князь Петр Дмитриевич Горчаков 2-й
19.12.1850–13.01.1861 генерал от инфантерии Густав Христианович Гасфорд
13.01.1861–28.10.1866 генерал от инфантерии Александр Осипович (Иосифович) Дюгамель
28.10.1866–1.01.1875 генерал-лейтенант Александр Петрович Хрущов
1.01.1875–19.02.1882 генерал-адъютант, генерал-лейтенант Николай Геннадьевич Казнаков
19.02.1881–25.05.1882 генерал-лейтенант Григорий Васильевич Мещеринов

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

*Учреждено 22.07.1822. (ПСЗ-I. № 29125). Преобразовано
в Иркутское генерал-губернаторство 21.06.1887*

Восточно-Сибирские генерал-губернаторы

22.07.1822–6.12.1833 – действительный статский советник Александр Степанович Лавинский
6.12.1833–28.09.1834 генерал-лейтенант Николай Семенович Сулима
28.09.1834–29.07.1837 генерал-лейтенант Семен Богданович Броневский
30.07.1837–29.06.1847 генерал-лейтенант Вильгельм Яковлевич Руперт

5.09.1873 – 10.08.1879 генерал-адъютант, генерал от инфантерии граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский

19.02.1861–21.01.1871 генерал-лейтенант Михаил Семенович Корсаков

21.01.1871–14.12.1873 генерал от кавалерии Николай Петрович Синельников

14.12.1873–10.08.1879 генерал-адъютант, генерал-лейтенант, барон Платон Александрович Фредерикс.

17.12.1879 – 1.01.1885 генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Анучин

4.01.1885 – 1.09.1887 генерал-майор граф Алексей Павлович Игнатъев

ИРКУТСКИЕ ВОЕННЫЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Иркутское генерал-губернаторство учреждено 2.06.1887.

12.06.1899 присвоено наименование – иркутский военный генерал-губернатор

2.09.1887 – 13.05.1889 генерал-лейтенант граф Алексей Павлович Игнатъев

26.05.1889 – 9.04.1900 генерал от инфантерии Александр Дмитриевич Горемыкин

20.04.1900 – 1903 генерал-лейтенант Александр Ильич Пантелеев
1904 – 1905 генерал от инфантерии Павел Ипполитович Кутайсов

1906 Константин Михайлович Алексеев

1906 – 1910 генерал-лейтенант Андрей Николаевич Селиванов

1911 – 1916 тайный советник, егермейстер Леонид Михайлович Князев

1916 – 15.03.1916 Степан Петрович Белецкий

1916–1917 Александр Иванович Пильц

Следует заметить, что, к сожалению, биографические сведения, как и формулярные списки генерал-губернаторов, сохранились лишь частично, поэтому сведения о некоторых из них утрачены.

Сперанский Михаил Михайлович (1772 – 1839). Родился 1 января 1772 г. в с. Черкутино Владимирской губернии в семье сельского священника. Свою фамилию (от лат. sperare – надеяться) он получил во Владимирской семинарии. Осенью 1782 г. М. М. Сперанский поступил во Владимирскую духовную семинарию и в 1790 г. окончил ее.

В 1790 г. он продолжил обучение в Академии при Свято-Троицком монастыре в Санкт-Петербурге (ныне Санкт-Петербургская духовная академия), где изучал теологию, метафизику, риторику, светские курсы – математику, опытную физику, механику, историю, философию; познакомился с просветительской философией (работами Локка, Руссо, Вольтера и др.). 20 мая 1792 г., после окончания Академии, М. М. Сперанский был оставлен в ней и назначен учителем математики, физики и риторики. С 1795 г. – преподаватель философии префект Академии. В этот период своей жизни М. М. Сперанский разработал курс «Правила высшего красноречия» (опубликовано в 1844 г.), печатал стихи.

В 1794 г. М. М. Сперанский был приглашен к князю А. Б. Куракину домашним секретарем, согласился на это предложение и несколько лет совмещал эти обязанности с должностью префекта Академии. В 1796 г. А. Б. Куракин был назначен Павлом I генеральным прокурором Сената. По предложению А. Б. Куракина в январе 1797 г. М. М. Сперанский из магистров богословия и префектов Академии перешел на государственную службу с чином титулярного советника (в России чин 9-го класса. С 1845 г. давал личное дворянство, ранее его получали с 14-го класса – И. Д.) и зачислен в канцелярию генерал – прокурора Сената. 1 января 1798 г. он получает чин надворного советника (гражданский чин 7-го класса. – И. Д.). Несмотря на то что 8 августа 1798 г. А. Б. Куракин попал в опалу к Павлу I, М. М. Сперанский остался на службе. 18 сентября 1898 г. он получил чин коллежского советника (гражданский чин 6-го класса позволял занимать средние

руководящие должности (начальник отделения, делопроизводитель в центральных учреждениях). – *И. Д.*); 8 декабря 1799 г. – статского советника (гражданский чин 5-го класса; лица, его имевшие, занимали должности вице-директора департамента и вице-губернаторов. – *И. Д.*) и награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского.

После вступления на престол Александра I успешная карьера М. М. Сперанского продолжалась. «Главным редактором при лице государя и докладчиком» был назначен Д. П. Трошинский, который поставил главой своей канцелярии М. М. Сперанского. 9 июня 1801 г. Сперанский был пожалован чином действительного статского советника (гражданский чин 4-го класса; давал потомственное дворянство. Лица, его имевшие, занимали высокие должности (директор департамента, губернатор). – *И. Д.*).

23 января 1803 года М. М. Сперанский по протекции В. П. Кочубея был назначен начальником департамента Министерства внутренних дел. В 1803 г. По заданию Александра I Сперанский подготовил план преобразований местных судебных и государственных учреждений, указ от 20 февраля 1803 г. «О вольных хлебопашцах», о народном просвещении и т. д. 19 октября 1807 г. Александр I уволил М. М. Сперанского из Министерства внутренних дел и назначает своим статс-секретарем. *(В России – это личный секретарь (докладчик) императора (императрицы) в XVIII – начале XIX вв. С XIX в. почетное звание высших сановников, дававшее право лично докладывать императору и объявлять его словесные повеления. С. -с. Государственного совета – начальник отделения Государственной канцелярии; 2) глава общегосударственного органа, центрального ведомства или министерства, член правительства, заместитель или ближайший помощник министра. – И. Д.)*

В 1807 – 1808 гг. М. М. Сперанский подготовил и в 1809 г. представил Александру I «Введение к Уложению государственных законов» – обширный проект конституционного переустройства России. В 1808 г. он был назначен членом Комиссии составления законов и товарищем министра юстиции. 1 января 1810 г. был создан Государственный совет и М. М. Сперанский стал государственным секретарем *(В Российской империи с 1810 г. – начальник Государственной канцелярии, органа делопроизводства Государственного совета. Пост государственного секретаря по отдельным вопросам (по правовым вопросам, по связям с общественными организациями и др.) существовал в РФ в 1991–1992 гг. – И. Д.)*

Однако у планов государственных преобразований М. М. Сперанского были сильные противники – великая княжна Екатерина Павловна (родная сестра императора), министр фи-

нансов Гурьев и др. В 1811 г. по их заказу, Н. М. Карамзиным была написана «Записка о старой и новой России», являвшаяся обоснованием необходимости сохранения традиций российского самодержавия. 17 марта 1812 г. Александр I отправил М. М. Сперанского в отставку и 23 марта удалили в ссылку в Нижний Новгород, а 15 сентября – в Пермь.

Опала с М. М. Сперанского была снята только в 1816 г. Именным указом от 30 августа 1816 г. Александр I назначил тайного советника (*гражданский чин 3-го класса по Табели о рангах. Производство в чины 1–3 классов осуществлялось по усмотрению императора. Им соответствовали должности министра, преимущественно товарища министра, генерал-губернатора, звания сенатора и члена Государственного совета. – И. Д.*) М. М. Сперанского гражданским губернатором Пензенской губернии. В этой должности он пробыл два с половиной года, оставив после себя в Пензе добрую память.

Именным указом от 22 марта 1819 г. М. М. Сперанскому одновременно с назначением генерал-губернатором поручена ревизия системы управления Сибири. Основная работа по ревизии была сосредоточена в канцелярии сибирского генерал-губернатора, куда Сперанскому удалось привлечь несколько талантливых сотрудников (в их числе был и будущий декабрист Г. С. Батеньков). Канцелярия разделялась на четыре отделения, в которых дела распределялись по отраслевому принципу: I отделение занималось делами по Министерству полиции и юстиции; II отделение – по Министерству финансов; III – по Министерству внутренних дел, духовных дел и народного просвещения, а также иностранных дел; IV отделение – по Военному министерству. Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил кроме губернских городов Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотского-Камчатском крае.

Ревизий выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. В итоге ревизии был отстранен от должности генерал-губернатор И. Б. Пестель, два губернатора (томский и иркутский), 48 чиновников были отданы под суд, 681 человек оказались замешанными в противозаконных действиях (в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальников»). Сумма взысканий простиралась до трех миллионов рублей.

По возвращении М. М. Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г. был создан 1 Сибирский комитет. Заручившись поддержкой А. Н. Голицына и В. П. Кочубея, а самое важное – А. А. Аракчеева, М. М. Сперанскому удалось быстро провести через Сибирский комитет свои реформаторские проекты. За короткий срок (с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г.) в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов. Всего 22 июля 1822 г. было утверждено царем 10 законов, составивших основе «Сибирское учреждение» («Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»).

Основную административную задачу М. М. Сперанского Г. С. Батеньков определял как желание «дать самодержавному правлению логическое, прочное, мирное юридическое устройство и, сколько возможно, облегчить и оградить его действие, требующее свыше человеческих сил». Эти принципы содержались как во «Введении к уложению государственных законов» 1809 г., так и в «Учреждении об управлении сибирских губерний» 1822 г. Между этими двумя документами лежало не просто десятилетие, но и важные политические события, оказавшие влияние на взгляды Сперанского. Отстранение от большой политики и ссылка 1812 г., административный опыт местного управления в Пензенской губернии, а также «поправление» правительственного курса после Отечественной войны не могли не сделать из М. М. Сперанского реалиста.

Отправляясь в Сибирь, он сознавал, что это для него требуется не просто ревизия и подготовка очередной реформы, но и возможность вернуться к большим государственным делам, оправдавшись в глазах не только монарха. Но и влиятельных сановников. Сибирь, по мере того как Сперанский с ней знакомился, увлекла его, дала ему возможность не только восстановить попорченную там справедливость, но и реализовать, пусть далеко не все, ранее уже усвоенные им принципы административной политики. Сибирские реформы Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствует о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем

комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири».

После возвращения из Сибири М. М. Сперанский стал составителем манифеста 13 декабря 1825 г. о вступлении на престол Николая I. По поручению нового императора он стал членом Верховного уголовного суда над декабристами и организатором самого судебного процесса. После завершения следствия и суда над декабристами М. М. Сперанский был назначен членом Комитета 6 декабря 1826 г., призванного рассмотреть возможные проекты улучшения государственного управления. Просуществовав до марта 1832 г. Комитет подготовил проекты законов о Государственном Совете, Судебном и Правительствующем Сенатах, Комиссии прошений и др.

В 1826 г. М. М. Сперанский возглавил II отделение собственной е. и. в. канцелярии (занималось кодификацией законодательства) и руководил подготовкой и изданием 45-томного «Полного Собрания законов Российской империи» (1830) и 15-томного «Свода законов Российской империи» (1832). Последний стал основным источником действующего права Российской империи. За его составление на заседании Государственного Совета 19 января 1833 г. Николай I наградил М. М. Сперанского орденом Андрея Первозванного. С 1833 г. он стал председателем департамента законов Государственного Совета. В 1839 г. под руководством М. М. Сперанского был издан 12-томный Свод военных постановлений, за что он был награжден орденом Белого Орла. Позднее были изданы Свод законов для остзейских, за

До конца жизни М. М. Сперанскому удавалось сохранять доверие Николая I. В 1835 – 1837 гг. он читал курс юридических наук цесаревичу Александру Николаевичу. 1 января 1839 г. был издан указ Николая I о возведении М. М. Сперанского в графское достоинство.

Умер М. М. Сперанский 11 февраля 1839 г. в С. – Петербурге. Похоронен был на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. (Подробнее см.: Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А., Ремнев А. В. «М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского)» Иркутск, 2003. -264 с.)

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Капцевич Петр Михайлович (1772–1840). Родился в 1772 г., выходец из дворянского рода. Окончил Артиллерийский и Инженерный корпус в 1792 г., 6 декабря 1792 г. начал карьеру в качестве поручика морских батальонов Гатчинской артиллерии.

Таким образом, уже в 1797 г имея всего 25 лет от роду, стал генерал-майором. 9 ноября 1796 г. пожалован в подполковники гвардейского батальона. С 1797 г. полковник и генерал-майор с назначением шефом Артиллерийского батальона его имени. С 1799 г. генерал-лейтенант. Принимал участие в походе в Голландию, где заслужил орден святой Анны 1 степени.

Быстрому продвижению по службе он был обязан как личным достоинством, так и покровительству графа А. А. Аракчеева. В 1808 г. П. М. Капцевич был назначен дежурным генералом при Аракчееве, ставшим к этому времени военным министром. Поклонение перед Аракчеевым он сохранил на всю жизнь.

П. М. Капцевич принимал участие в крупнейших сражениях Отечественной войны 1812 г. (под Смоленском, при Бородино, Мароярославцев и Красном). Его военные заслуги отмечены многочисленными наградами: за Смоленскую битву награжден орденом св. Владимира 2 степени, за Бородино – орденом св. Георгия 3 степени, за Малоярославец – золотой шпагой с бриллиантами. Контужен в битве при Лейпциге, за что награжден орденом св. Георгия 2 степени. По окончании войны – командир дивизии.

С 1819 г. П. М. Капцевич занимал пост командира отдельного Сибирского корпуса. Рекомендую П. М. Капцевича на долж-

ность генерал-губернатора Западной Сибири, М. М. Сперанский стремился угодить всемогущему Аракчееву и завершить конфликт между гражданской и военной властями, назначив генерал-губернатором командующего войсками, расквартированными в крае. Относительно административных способностей П. М. Капцевича и методов его управления Сперанский не питал особых иллюзий. В свою очередь П. М. Капцевич, ознакомившись с местными условиями, пришел к выводу о нереальности и даже «отяготительности» для сибирского населения некоторых преобразований Сперанского (например, порядок исполнения крестьянами дорожной повинности, организация земской и почтовой гоньбы).

Признавая выгодное стратегическое положение Омска на севере степи и приоритет военно-политических задач в управлении регионом, П. М. Капцевич сохранил свою резиденцию в Омске, хотя ГУЗС оставалось в Тобольске. Этим он ставит в сложное положение тобольского губернатора, который заменял генерал-губернатора в Совете ГУЗС. Сторонники Сперанского усматривали в действиях П. М. Капцевича намерения «низвергнуть те правительственные начала, коих введение и охранение составляло его обязанность».

Должность генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевич занимал с 22 июля 1822 г. по 25 июля 1827 г. Представитель административной «школы Аракчеева», он не знал границ в заботе о казенном попечении. По словам С. М. Броневского, был «человеком редкого усердия к службе, деятельным до невозможности, взыскательным, малоподобным рачителем казенного интереса...». На период его правления приходятся важные преобразования в управлении казахскими степями, строительство административных и культовых зданий, военного госпиталя, преобразование казачьего войскового училища, распространение ланкастерской системы обучения среди сибирских казаков и т. п.

Столкнувшись с недостатком образованных чиновников, он предложил учредить в Западной Сибири высшее учебное заведение. Заботясь об интересах казны, финансировать этот проект, генерал-губернатор решил с помощью крестьянского населения, обложив рыбную ловлю на озерах оброчным платежом. Преждевременный протек не был поддержан ни центром, ни тем более далекими от нужд просвещения крестьянами.

С присущим ему административным рвением П. М. Капцевич насаждал хлебопашество среди кочевников, казаков и сибирских казаков, действуя при этом с учетом опыта создания военных поселений. Принудительные методы генерал-губернатор практиковал и в организации хлебозаготовок, запре-

тив всякую частную продажу и установив при этом низкие закупочные цены.

Забота о казенном благосостоянии и здоровье населения привели П. М. Капцевича к столкновению с откупщиками и покровительствовавшим им чиновниками Тобольской казенной палаты. Против генерал-губернатора начались интриги, посыпались доносы в столицу. Сохранять свой пост еще некоторое время П. М. Капцевича помогала поддержка Аракчеева. Приход к власти Николая I кардинально изменили положение генерал-губернатора. В 1827 г., как следствие конфликта П. М. Капцевича со Сперанским, в Западную Сибирь была направлена сенаторская комиссия. Тогда же П. М. Капцевич по болезни отправили в отпуск, а затем назначили командиром корпуса внутренней стражи.

Вельяминов I Иван Александрович (1771–1837). Родился в 1771 г., выходец из российского дворянского рода. После окончания в 1796 г. Пажеского корпуса начал службу поручиком в лейб-гвардии Семеновским полку. Награжден орденом святого. Иоанна Иерусалимского. Участник убийства императора Павла I. Через 4 года стал полковником. В 1805 г. за Аустерлиц жалован орденом св. Георгия 1 ст. В 1807 г. за сражения при Гутштадте, Гейльсберге и Фрисланде награжден орденом св. Владимира 3 степени и золотой шпагой. В 1808 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом Кексгольмского мушкетерского полка. Участвовал с ним в войне со Швецией, совершив переход по льду через Кваркен. По окончании войны за «неудовлетворительное командование» предан военному суду и отставлен от службы. В сент. 1811 г. вновь принят на службу членом комиссии для окончания старых нерешенных дел, а в марте 1812 г. назначен командиром 33-й пехотной, дивизии, входящей в состав корпуса Эсеена.

И. А. Вельяминов был участником войн против Наполеона в 1805 – 1807, 1812 и 1813 гг. и русско-шведской войны 1808 – 1809 гг. Портрет его помещен в Военной галерее Зимнего дворца. В 1818 г. поднял восстание в Имеретии. В его переводе много лет на русской сцене шла трагедия В. Шекспира «Отелло». Считается, что он также был переводчиком трактата Ш. Бонне «Философские начала о первой причине и действия оной» (СПб., 1805) и «Истории Людовика XVI» (СПб., 1811).

Должность генерал-губернатор Западной Сибири И. А. Вельяминов занимал с 25 июля 1827 по 28 сентября 1834 г. в чине генерала от инфантерии. Его административная деятельность в Западной Сибири не оставила заметного следа. Известно, что он состоял в переписке с посетившим Сибирь известным

немецким ученым А. Гумбольдтом и покровительствовал композитору А. А. Алябьеву. Особым влиянием при И. А. Вельяминове пользовался чиновник особых поручений Н. Ф. Кованько, ему удалось подчинить своему влиянию советников ГУЗС, оказывать давление при назначении на доходные должности в крае. Взятничество и казнокрадство, под покровительством Кованьки, стало безнаказанно распространяться. После донесений в III отделение жандармского полковника Маслова, возглавлявшего сибирский жандармский округ, о разорении поселян и бездействии власти, в 1833 г. Кованько был переведен в другую губернию, а в 1834 г. покинул Сибирь и И. А. Вельяминов. Официально считалось, что он сам по слабости здоровья попросился из Сибири, но было очевидно и недовольство центра порядками установившимися в Сибири. После отставки с поста генерал-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминов был назначен членом Военного совета. Занимался литературой. Награжден орденами св. Александра Невского, св. Владимира, св. Анны 1 степени.

Сулима Николай Семенович (1777 – 1840). Родился 12 января 1777 г., из древнего малороссийского дворянского рода. В 1791 г. поступил в Сухопутный Шляхетский кадетский корпус.

В 1792 г. Н. С. Сулима был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1793 г. его перевели сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Первый офицерский чин Н. С. Сулима получил 22 января 1797 г. В том же году он был переведен прапорщиком в Нашебургский пехотный полк. В 1797 г. произведен в чин подпоручика. В 1799 г. – поручика. Затем Н. С. Сулима был переведен в лейб-гвардии Измайловский полк, где в 1800 г. произведен в штабс-капитаны. В 1803 г. – в капитаны. 11 октября 1803 г. – в полковники.

Н. С. Сулима принял участие в войнах с Наполеоном. 20 октября 1804 г. он был назначен командиром Московского мушкетерского полка, с которым совершил походы в Галицию, Силезию, Моравию и Австрию. 29 октября 1804 г. он отличился под Дирнштейном, в бою с дивизией Дюпона, за что был пожалован орденом св. Владимира 4 ст. 20 ноября 1804 г. под Аустерлицем Н. С. Сулима был ранен в голову и взят в плен, откуда вскоре был выменен. После похода 23 октября он уволился от службы.

18 сентября 1811 г. Н. С. Сулима вновь поступил в службу по армии и назначен командиром Таврического гренадерского полка, с которым участвовал в Отечественной войне 1812 г. в составе корпуса генерала Тучкова. Он сражался под Витебском, Смоленском. За бой при Бородино произведен в генерал-майоры и вступил в командование бригадой Фока. В сражении при Тарутино контужен ядром в ногу. В бою при Красном взял в плен более 100 человек, за что награжден орденом св. Георгия III степени.

Участвовал Н. С. Сулима и в заграничном походе 1813 – 1814 гг. Он сражался при Люцене, Кенигсберге, Бауцене, Кульме, Дрездене, Лейпциге. Получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В 1814 г. был под Парижем, за взятие которого награжден орденом св. Анны I ст.

1 сентября 1814 г. Н. С. Сулима был назначен командиром 1-й гренадерской бригады. Затем – командиром 2-й бригады 1-й гренадерской дивизии. В начале 1816 г. вышел в отставку. 15 мая 1817 г. Н. С. Сулима вновь поступил на военную службу и был назначен командиром 3 бригады 17-й пехотной дивизии. 17 апреля 1822 г. – командиром 3 бригады 14-й пехотной дивизии. 16 сентября 1826 г. – начальником 11-й пехотной дивизии. 1 января 1827 г. – начальником 16-й пехотной дивизии. За отличие в командовании ею 17 мая 1827 г. Н. С. Сулима был награжден чином генерал-лейтенанта.

В турецкую кампанию. Н. С. Сулима участвовал в переправе через Прут и Дунай, за сражение под Силистрией награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Принял участие в занятии Андрианополя. В 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания. Был в сражении под Вильно и штурмовал Варшавские укрепления, за что награжден орденом св. Александра Невского. В 1832 г. был председателем Варшавского верховного уголовного суда, председателем комиссии для окончательного уничтожения состава бывшей польской армии.

С 6 декабря 1833 г. по марта 1834 г. Н. С. Сулима занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири.

С марта 1834 г. по 28 января 1836 г. – командир Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири. Бо-

ролся с голодом в Сибири, открыл в Тобольске, Томске, Омске губернские строительные комиссии. Сделал топографическое обозрение Иртышской и Кулундинской степей. Однако заметного следа деятельность нового генерал-губернатора не оставила. Н. С. Сулима вслед за Капцевичем, признавал выгодное военно-стратегическое положение Омска и вновь ходатайствовал о переносе туда Главного управления. Сибирские комитет аргументировано отказал, признав Тобольск исторически, экономически и географически более подходящим городом для центра края.

Непродолжительность пребывания в Сибири, а также физические недуги не позволили Н. С. Сулиме проявить свои способности. Хотя в сложные моменты, как свидетельствуют факты, он действовал решительно. В ходе расследования так называемого «омского дела» о предполагаемом восстании поляков в Сибири он занял довольно жесткую позицию.

28 января 1836 г. Н. С. Сулима был назначен членом Военного Совета. 13 января 1837 г. – членом Совета Государственной Думы.

Умер Н. С. Сулима 21 октября 1840 г.

Горчаков Петр Дмитриевич, князь (1785 – 1868). Сын писателя Д. П. Горчакова, воспитывался матерью в Дрездене. Начал службу в 1807 г. И вскоре был произведен в прапорщики гвардейской артиллерии. Участвовал в кампаниях 1808–09 гг. в Финляндии, в 1810 г. находился в составе Молдавской армии, где отличился при Шумле и Рушуке. Вернувшись в Петербург, участвовал

в издании «Военного журнала». В 1812 г. находился под началом Витгенштейна, избран для поездки к императору Александру I с объявлением о сражении при Березине.

П. Д. Горчаков участвовал в боевых действиях Отечественной войны 1812 г. Участник заграничного похода 1813–15 гг. С 1817 г. служит на Кавказе. Командир 17-го Егерского полка. В 1820 г. пожалован в генерал-майоры и назначен управляющим Имеретии (1820–1825 гг.). В этой должности принял участие в 1820 г. в экспедициях против горцев. Усмирял смуту в Мингрелии, Имеретии, Грузии, помогал Вельяминову подавлять восстание в Рачинском округе. При штурме горного замка Минда захватил документы и планы мятежников. Устроил сообщение от Редут-кале на восток. 13 конце 1821 г. послан А. Ермоловым с отрядами в Абхазию для поддержки кн. Шервашидзе против Аслан-бея, нанеся последнему поражение при Сухум-Кале. В начале 1824 г. послан в Абхазию, где совместно с флотом снял осаду с Соуску и вынудил бежать Аслан-бея к закубанским горцам. В 1822 г. назначен командующим 22-й пехотной дивизией и и. д. Кавказского областного начальника. С отъездом А. Ермолова с Кавказа назначен в 1826 г. генерал-квартирмейстером 2-й Армии. В период русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. – командир 18-й пехотной дивизии, отличился при штурме Силистрии, за что награжден орд. св. Владимира 2 ст. В 1829 г. пожалован в генерал-лейтенанты. Командовал последовательно 19, 15 и 12-и пехотной дивизиями.

С 1836 г. по 1851 Г, генерал-губернатор Западной Сибири и командир Сибирского Отд. корпуса. Во время управления Западной Сибирью ему удалось в 1839 г. перенести Главное управление из Тобольска в Омск. Ликвидировал Омскую область и учредил управление Сибирскими киргизами. Развивал пчеловодство, поощрял разработку серебряно-свинцовых приисков и каменно-угольных копий. Открыл Сибирский кадетский корпус.

Активно способствовал расширению российских границ на юге казахских степей, подавил восстание Ваули Пиетомина в Березовском округе и успокаивал волнения крестьян Курганского округа в 1843 г. Выступил против распространения на Сибирь реформ П. Д. Киселева, противодействовал переселению крестьян из Европейской России и высказывался против развития земледелия у казаков.

На первых порах П. Д. Горчаков оказывал покровительство ссыльным декабристам, но впоследствии вступил некоторыми из них в серьезный конфликт. Действия генерал-губернатор вызвали недовольство как местной общественности, так и высшего начальства. П. Д. Горчаков был уволен с поста генерал-

губернатора, а в Западную Сибирь направлена в 1852 г. комиссия под руководством Н. А. Анненкова. в лондонском «Колоколе» А. И. Герцена была опубликована статья Г. Н. Потанина «К характеристике Сибири», посвященная правлению генерал-губернатора.

В период Крымской войны 1853 – 1856 гг. П. Д. Горчаков принимал участие в обороне Севастополя. Принял участие в сражении при р. Альме, лично водя в атаку батальоны Владимирского пехотного полка. Начальник Чоргунского отряда, с которым атаковал французские войска на Сапун-горе. Командующий всеми сухопутными войсками. Затем назначен командующим 6-го пехотного корпуса. Оставался и рядах Крымской армии по июнь 1855 г. Затем назначен членом Государственного совета.

Гасфорд (Гасфорт) Густав Христианович (1794 – 1874). Родился 1 апреля 1794 г. в Белостокой области. Из иностранных дворян лютеранского вероисповедания. Окончил институт Корпуса Путей Сообщения. Российским подданным стал в 1833 г.

По словам П. П. Семенова-Тян-Шанского. Г. Х. Гасфорд «принадлежал к числу просвещенных офицеров русской армии, имел полное научное военное образование, большую опытность и несомненные способности в военном деле, личную храбрость и безукоризненную честность». Участник Отечественной войны 1812 г и заграничных походов 1813 – 1814 гг. Отлично проявил себя в боях при Бородино, Тарутино, Малом Ярославце, под Вязьмой и Красным. Участвовал в военных кампаниях на Кавказе, в Польше, в Австро-Венгрии. Неоднократно награждался орденами, в том числе орденом св. Георгия 3 ст. В 1847 г. пожалован украшенной бриллиантами табакеркой с портретом императора, а в 1848 г. золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».

29 января 1851 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим Отдельным сибирским корпусом. В годы его правления в Западной Сибири, при непосредственном его участии в 1859 – 1861 гг. было преобразовано Сибирское казачье войско. При непосредственном участии Г. Х. Гасфорда на Иртыше получило развитие пароходство; была разрешена продажа казенных земель, положившая начало поземельной собственности в Западной Сибири.

Именно благодаря усилиям Г. Х. Гасфорда к Российской империи были присоединены Заилийская долина, верховья реки Чу, образован Алтайский округ, возникли новые поселения в Казахстане, среди них Верное (Алма-Аты).

Во время 9-летней деятельности Г. Х. Гасфорда в Западной Сибири было водворено около 80 тысяч переселенцев из Европейской России, построено до 200 церквей; во многих селах учреждены приходские училища, а в 8 городах открыты женские школы. Построены в г. Омске здание для Войскового правления, здание Войскового хозяйственного правления, здание Общественного собрания, городской тюремный замок; в 1859 г. начато строительство генерал-губернаторского дворца. Для воспитания и обучения сирот по инициативе жены Г. Х. Гасфорда Надежды Николаевны в Омске был основан приют «Надежда»; по ходатайству генерал-губернатора рядовой Сибирского линейного батальона Ф. М. Достоевский был произведен в унтер-офицеры.

В 1860 г. Г. Х. Гасфорд снарядил экспедицию полковника Циммермана, которая овладела Пишпекком и Токмаком. В декабре 1852 г. совершил поездку в Березов и Обдорск. В 1858 г. отправил торговый караван под началом поручика Велиханова из Семипалатинска в Кашгар. Генерал от инфантерии с 19 апр. 1853 г. Награжден орд. св. Александра Невского 23 апр. 1854 г. и св. Владимира 1 ст. с 30 авг. 1860 г.

Личность Г. Х. Гасфорда получила оценку современников. Так, например, П. П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что «административных способностей Гасфорд не имел, но он зато не был бюрократом и рутинером...». В свою очередь, генерал И. Ф. Бабков вспоминал: «Гасфорд был человек умный и хороший администратор». В память о деятельности Г. Х. Гасфорда в Тобольской гимназии были учреждены стипендии (одна из них – семипалатинским купечеством), а в Тобольской и Тюменской женских гимназиях – две. В Омске его именем была названа одна из улиц (ныне лица К. Либкнехта). С поста генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорд был смещен 13 января 1861 г.

В январе 1861 г. Г. Х. Гасфорд назначен членом Государственного совета, был почетным членом Академии наук, Вольного Экономического и Географического обществ, а в с 1859 г. носил звание почетного президента парижского общества «Уничтожение невольничества и торга неграми в Африке».

Умер Г. Х. Гасфорд 5 мая 1874 г. и был похоронен на Волковском лютеранском кладбище в С. -Петербурге.

Дюгамель Александр Осипович (1801 – ?). родился в 1801 г. из дворян. Учился в Пажеском корпусе.

В службу А. О. Дюгамель вступил в 1820 г. 17 октября 1829 г. он был произведен в чин капитана. 27 октября 1830 г. получил

монаршее благоволение за составление общего свода из секретных сведений.

4 декабря 1830 г. А. О. Дюгамель был командирован в Главную Квартиру действующей армии. В 1831 г. участвовал в подавлении польского мятежа. 5 февраля – в сражении под Калушиным. 7 февраля – в сражении под Вавером. За участие в генеральном сражении под Прагой награжден 22 марта 1831 г. золотой шпагой с надписью «За храбрость». 25 декабря 1831 г. А. О. Дюгамель пожалован чином полковника. 25 февраля он был командирован для обозрения Вислы для отыскания переправы. В мае преследовал мятежников к Ендронееву. В июне состоял в отряде генерала от кавалерии Крейца и генерал-лейтенанта Муравьева. 5 июля участвовал при переправе через Вислу. 27 августа – при штурме Варшавы. 15 октября 183 г. был награжден орденом св. Анны 2 ст.

9 января 1832 г. А. О. Дюгамель был командирован в С. - Петербург и 7 февраля назначен состоять при генерал – квартирмейстере Главного Штаба. С 10 апреля 1832 г. А. О. Дюгамель состоял на вакансии генерала для занятий по военно-статистической, исторической и ученой частям.

26 октября 1832 г. А. О. Дюгамель назначен состоять при генерал-лейтенанте Муравьеве для секретных поручений в Турцию. 24 декабря командирован с дипломатическим поручением в Ибрагим-паше под Конию с целью прекращения последним наступления на Константинополь. 13 мая назначен состоять при главкоме морских и сухопутных сил, посланных на помощь султану. С 8 апреля 1833 г. по 3 августа А. О. Дюгамель – генеральный консул в Египте. В 30 апреля 1838 г. по 23 августа 1841 г. – русский посол в Тегеране. в 1847 г. назначен в свиту е. и. в. В 1848 г. выполнял дипломатические поручения в Молдавии и Валахии. С 1851 г. – сенатор межевого департамента Сената.

В 1861 г. А. О. Дюгамель был назначен генерал-губернатором Западной Сибири, а в 1865 г. стал первым командующим войсками Западно-Сибирского военного округа (с центром в Омске). 28 октября 1866 г. он был уволен от должности командующего войсками Западно-Сибирского округа с оставлением в должности генерал-губернатора.

В 1866 г. назначен членом Государственного совета

Хрущов Александр Петрович (1806 – 1875). Родился 4 августа 1806 г. в Тульской губернии.

Участник русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Крымской войны 1853 – 1856 гг., подавления польского восстания в 1863 – 1864 гг. В 1864 г. А. П. Хрущов в чине генерал-лейтенанта занял пост помощника командующего войсками Виленского военного округа. Особым доверием он пользовался у генерал-губернатора Западного края графа М. Н. Муравьева-Виленского.

28 октября 1806 г. А. П. Хрущов был назначен генерал-губернатором Западной Сибири. Он имел заслуженную славу боевого генерала, однако опыта гражданского управления за долгие годы службы не приобрел. Вникнуть в суть сибирского управления новый генерал-губернатор не смог и поэтому быстро оказался под влиянием местных деятелей. А. П. Хрущов ходатайствовал о строительстве железной дороги в Сибири, приостановлении ссылки в Тобольскую и Томскую губернии, о развитии промышленности и торговли, усилении хлебопашества, о преобразовании суда и администрации, об улучшениях в системе образования и пр. Поддержал идею создания в Омское «Общества исследователей Западной Сибири». В 1868 г. Тюменское и Омское городские общества преподнесли А. П. Хрущову звание почетного гражданина. За управление Западной Сибирью в 1868 г. он был награжден орденом св. Александра Невского, а в 1869 г. произведен в генералы от инфантерии и генерал-адъютанты. Оставил службу в Сибири А. П. Хрущов по болезни и 1 января 1875 г. был назначен членом Государственного совета.

Умер А. П. Хрущов 14 июля 1875 г.

Казнаков Николай Геннадьевич (1824 – 1885). Родился 8 августа 1824 г., из российских дворян. Окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

8 августа 1842 г. Н. Г. Казнаков был определен в л. -гв. Гродненский гусарский полк. В чине штаб-ротмистра поступил в Академию Генерального штаба. За отличие в учебе в Академии награжден чином ротмистра. В 1847 г. окончил Академию с большой серебряной медалью.

28 января 1849 г. Н. Г. Казнаков был переведен капитаном в гвардейский Генеральный Штаб. В январе 1850 г. исполнял должность старшего адъютанта штаба гвардейского Корпуса. Затем, дивизионный квартирмейстер 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и одновременно состоял адъюнктом-профессором тактики в Академии Генерального Штаба. Зимой 1852 – 1853 гг. Н. Г. Казнаков читал тактику старшим офицерам.

В октябре 1853 г. был произведен в чин полковника и определен состоять при великих князьях Николае и Владимире Александровичах. В апреле 1858 г. Н. Г. Казнаков был произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту. В день восшествия на престол императора Александра II он был назначен флигель-адъютантом. В 1861 г. его командировали в Калужскую губернию для сохранения порядка при введении Положения о крестьянах. 6 июня 1861 г. Н. Г. Казнаков был назначен начальником штаба отдельного гренадерского Корпуса.

В январе 1864 г. Н. Г. Казнаков был определен киевским губернатором, управляющим чином военной и гражданской частью. В 1865 г. он был награжден чином генерал-лейтенанта. Боролся с эпидемией холеры в Бердичеве. 29 ноября 1866 г. его уволили в 11-месячный отпуск с отстранением от должности.

10 апреля 1867 г. Н. Г. Казнаков был назначен генерал-адъютантом. 30 августа 1869 г. пожалован орденом св. Александра Невского. В январе 1872 г. был назначен членом Главного военнопременного комитета.

1 января 1875 г. Н. Г. Казнаков был назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим войсками Западно-Сибирского военного округа. В 1878 г. пожалован в генералы от кавалерии.

В 1878 г. он плывал на пароходе в Обскую губу для ознакомления с бытом инородцев. На должности генерал-губернатора Н. Г. Казнаков много сил отдал развитию хозяйства края. Он способствовал установлению срочного пароходства от Тюмени до Семипалатинска. Решил в 1875 г. спор о направлении строительства Сибирской железной дороги.

Постоянное внимание генерал-губернатор уделял и организации управления Западной Сибирью. Он открыл Омский тюремный комитет. Учредил Семипалатинский статистический комитет. Возбудил вопрос об открытии в Западной Сибири палат государственных имуществ и лесничеств, сокращения мировых боров в селениях государственных крестьян. Увеличил оклады жалования гражданским врачам.

Н. Г. Казнаков сыграл большую роль и в развитии народного образования в Сибири. Он открыл в Тюмени реальное училище, в Омске – мужскую гимназию, в Петропавловске и Кокчетаве – интернаты для киргизских мальчиков. В Тобольске и Омске – фельдшерскую и ветеринарную школы.

Н. Г. Казнаков был почетным членом императорского Русского Географического общества. В 1877 г. он учредил в Омске Западно-Сибирский отдел общества. В 1878 – 1879 гг. по инициативе РГО организовал экспедицию по изучению Монголии и внутреннего Китая. Помог экспедициям Певцова в Монголию, Ядринцева на Алтай, Балкашина в Туркестан, Ловцова в Кокчетав.

С 1880 г. Н. Г. Казнаков – член Государственного совета. Был избран почетным членом Киевского братства св. Владимира.

Умер Н. Г. Казнаков 12 февраля 1885 г.

Мещеринов Григорий Васильевич (1827 – 1901). Родился 22 января 1827 г., из дворян. Окончил Николаевское Кавалерийской училище по 1 разряду занесением на мраморную доску.

В 1845 н. Г. В. Мещеринов вступил в службу корнетом в л. - гв. Конный полк. В 1846 г. он был прикомандирован к гвардейскому Генеральному Штабу, а через два года на основании экзамена в Академии Генерального Штаба произведен в гвардейский

Генеральный Штаб, где назначен старшим адъютантом по части Генерального Штаба в штабе гвардейского резервного кавалерийского корпуса (1850 г.). Затем, старшим адъютантом с перечислением в Генеральный Штаб и с переименованием в подполковники. Закончил «Свод приказов по Генеральному Штабу с 1815 по 1853 гг. ».

Г. В. Мещеринов участвовал в движении гвардии во время Венгерской кампании. В Восточную войну он участвовал в походе гренадерского корпуса в Крым. За отличие при движении войск под Евпаторией был награжден орденом св. Владимира 4 ст. В 1855 г. Г. В. Мещеринов произведен в полковники. С 1856 г. он был назначен исполняющим должность начальника штаба 5-го Армейского корпуса. В 1861 г. был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности.

С назначением военным министром графа Д. А. Милютина в 1862 г. Г. В. Мещеринов был назначен вице – директором департамента Генерального Штаба. Затем – Главного управления Генерального Штаба. В 1864 г – членом специального комитета по устройству и образованию войск. В 1865 г. Г. В. Мещеринов был назначен в Свиту. В 1866 г. он стал помощником начальника Главного Штаба. В 1868 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В эти же годы он состоял постоянным членом комитета по передвижению войск по железной дороге и член Комитета для пересмотра системы податей и сборов. В 1876 г. Г. В. Мещеринов был пожалован в генерал-адъютанты.

В 1880 г. Г. В. Мещеринов исполнял должность генерал-губернатора и командующего войсками Западно-Сибирского военного округа. С февраля 1881 г. по май 1882 г. – генерал-губернатора Западной Сибири.

С 25 мая 1882г. по 1901 г. – командующий войсками Казанского военного округа. В 1883 г. Г. В. Мещеринов был пожалован чином генерала от инфантерии. Был награжден орденом св. Андрея Первозванного.

Умер Г. В. Мещеринов 26 августа 1901 г.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЕ (ИРКУТСКИЕ) ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Лавинский Александр Степанович (1776–1844). Родился 12 апреля 1776 г., из дворян.

2 января 1778 г. А. С. Лавинский вступил в службу сержантом гвардии. Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг., находился при генерал-майоре Арбеневе. 11 января 1791 г. А. С. Лавинский был переведен в армию капитаном. В 1791 г. находился в Молдавии. 11 июля 1795 г. произведен в чин майора. В 1793 – 1796 гг. – участвовал в польской кампании; находился при взятии Вильны, преследовании польского корпуса Грабовского и разбитии его на панской дороге. Уволен из армии А. С. Лавинский был 31 декабря 1797 г.

16 мая 1798 г. А. С. Лавинский был определен контролером государственного Вспомогательного банка для дворянства в чине коллежского асессора. 16 ноября 1798 г. награжден чином надворного советника. С 3 июля 1799 г. – директор Вспомогательного банка для дворян награждением чина коллежского советника. С 25 апреля 1800 г. – советник Главного Почтового управления. 31 декабря 1801 г. награжден чином статского советника. 1 января 1804 г. – действительного статского советника. 17 февраля 1804 г. назначен на должность литовского почт-директора. 13 декабря 1810 г. награжден орденом св. Анны 2 ст. с алмазами.

С 11 августа 1811 г. А. С. Лавинский был назначен директором департамента государственных имуществ с награждением мином тайного советника. 21 октября 1820 г. был награжден орденом св. Владимира 2-й степени. Сверх должности назначен членом комиссии в Санкт-Петербурге для разбора дел Крымского

полуострова с 1819 по 1820 гг. С 1820 г. участвовал в заседаниях комитета при Министерстве внутренних дел по принятию мер к обеспечению народного продовольствия.

С 23 марта 1822 г. по 1823 г. А. С. Лавинский занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. За ревностную службу на этой должности 21 апреля 1829 г. был награжден орденом св. Александра Невского. На должности генерал-губернатора А. С. Лавинский сыграл заметную роль в устройстве управления Нерчинских заводов.

6 декабря 1833 г. А. С. Лавинский был пожалован в сенаторы. 1 января 1834 г. он был награжден орденом св. Владимира 1-й степени. 31 декабря – чином действительного тайного советника. 1 января 1836 г. он назначен членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел. С 19 февраля 1839 г. – председательствующий и управляющий Петербургской Сохранной казной. 20 апреля 1840 г. А. С. Лавинский был награжден алмазным знаком ордена св. Александра Невского.

В 1830–1840-х гг. А. С. Лавинский был членом попечительских комитетов ряда привилегированных учебных заведений и благотворительных учреждений. С 18 апреля 1837 г. – почетный опекун Петербургского Опекунского Совета, с 15 апреля 1841 г. – председательствующий в Совете. С 12 февраля 1838 г. – член совета при Воспитательном обществе благородных девиц и училища ордена св. Екатерины.

Умер А. С. Лавинский 2 августа 1844 г.

Броневский Семен Богданович (1777–1840). Родился 24 декабря 1786 г., из дворян. Окончил Тверского дворянского училище, затем Шкловский кадетский корпус, откуда 23 октября 1803 г. выпущен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ.

В 1804 г. С. Б. Броневский принял участие в Кабардинском походе за р. Баксаном. 30 января 1804 г. он был произведен в чин подпоручика. В 1805 г. вновь сражался в Кабарде в Кисбурунском ущелье. В 1806 г. совершил поход в Персию. Участвовал во взятии Дербента, Кубы и Баку. В мае 1807 г. в отряде генерал-майора Капцевича ходил за р. Кубань для отражения набегов закубанских народов.

20 марта 1808 г. С. Б. Броневский был назначен адъютантом инспектору Сибирских войск генерал-лейтенанту Глазенапу и переведен в Сибирь. 10 июня 1808 г. он прибыл в Омск. С 6 декабря 1809 г. по 15 декабря 1813 г. С. Б. Броневский управляющий пограничной канцелярией сибирской линии. За труды по управ-

лению делами канцелярии 7 июля 1810 г. он был награжден орденом св. Владимира 4 ст.

18 октября 1811 г. он был переведен в л.-гв. Драгунский полк с оставлением в прежней должности. 17 сентября 1811 г. произведен в чин поручика. 30 марта 1812 г. – штабс-капитана. В мае 1812 г. С. Б. Броневскому было поручено осматривать казачьи полки. 20 мая 1814 г. был произведен в чин капитана.

С 6 ноября 1813 г. по 20 мая 1814 г. С. Б. Броневский занимал должность командира Сибирского линейного казачьего войска до избрания атамана. Летом 1817 г. он командирован в Киргизскую степь для возведения султана Киргиз-Кайсакской Средней Орды султана Букея в ханское достоинство. 22 августа 1818 г. произведен в чин полковника. Устроил в Омске казачье войсковое училище. С 23 июня 1822 г. исполнял должность начальника штаба Отдельного Сибирского Корпуса. 28 сентября С. Б. Броневский был награжден орденом св. Анны 2 ст. В ноябре 1822 г. он был командирован из Семипалатинска в киргизскую степь для усмирения взбунтовавшейся Табуклинской волости. 7 января 1824 г. по 18 февраля 1825 г. С. Б. Броневский исполнял должность командира Отдельного Сибирского Корпуса.

По особому распоряжению М. М. Сперанского с 9 марта 1823 г. по 9 марта 1823 г. С. Б. Броневский исполнял должность начальника Омской области и командира дивизии. В феврале 1824 г. он был командирован в киргизскую степь для открытия Каркаралинского внешнего округа и введения нового порядка управления. 17 апреля 1824 г. был назначен начальником штаба Отдельного Сибирского Корпуса. 11 февраля 1825 г. С. Б. Броневскому была поручена ревизия канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири. 22 августа 1826 г. он был награжден орденом св. Владимира 3 ст. 6 декабря 1827 г. – чином генерал-майора. 19 декабря 1829 г. – св. Георгия IV ст. 19 мая 1832 г. – орденом св. Станислава 1 ст. Занимался устройством Сибирского линейного казачьего войска.

В 1822 г. С. Б. Броневский стал членом Московского общества сельского хозяйства, которое в 1824 г. наградило его медалью за введение усовершенствования сельского хозяйства в поселениях сибирских линейных казаков, а в 1834 г. – медалью за учреждение в Омске школы земледелия и опытного хутора и развития оседлости среди киргизов.

20 февраля 1824 г. С. Б. Броневский был командирован в Томск и Красноярск для расследования злоумышления сосланных поляков. 19 мая 1834 г. го командировали с военным отрядом в киргизскую степь на случай нашествия ташкентца Кумбека и мятежного киргизского султана Саражана Касымова и для

предотвращения грабежей. За вытеснение противника в Улутовские горы он 8 августа 1834 г. был награжден орденом св. Анны 1-й степени. Учредил первые русские колонии в киргизской степи.

28 сентября 1834 г. С. Б. Броневский был назначен исполняющим должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующим войсками Восточной Сибири. 6 декабря 1835 г. награжден чином генерал-лейтенант и командиром местных войск. Уволен по болезни от этой должности он был 29 июля 1837 г.

Во время губернаторства С. Б. Броневским был предложен проект нового административного деления Восточной Сибири. В проекте обосновывалась необходимость усиления местной губернской и областной власти, в частности для Якутской области, Охотского, Камчатского приморских и Троицкосавского пограничного управления, находящихся далеко от Иркутска. Генерал-губернатор предлагал отделить от Иркутской губернии Забайкалье и из Верхнеудинского, Нерчинского округов и Троицкосавского пограничного управления образовать Нерчинскую область, придав ее начальнику губернаторские права. Он считал возможным отступление от принципов «Сибирского учреждения», отказываясь от создания областного совета. С. Б. Броневский настаивал на необходимости строительства Кругобайкальской дороги и усиления воинского контингента в Забайкалье. Для рассмотрения этих предложений был создан особый комитет, который признал убедительными доводы С. Б. Броневского. Реализация проекта была поручена новому генерал-губернатору, который имел совершенно противоположное мнение относительно административного устройства Восточной Сибири.

1 декабря 1837 г. С. Б. Броневский был назначен сенатором. 31 декабря 1837 г. награжден орденом св. Владимира 2-й степени. 22 декабря 1838 г. он был назначен первоприсутствующим в межвом департаменте Сената. 15 декабря 1839 г. – в 4 департаменте Сената. 29 декабря 1841 г. награжден орденом Белого Орла.

С. Б. Броневский занимался литературным творчеством. Был сотрудником «Земледельческой Газеты», оставил воспоминания о своей жизни и написал книгу «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе».

Умер С. Б. Броневский 14 февраля 1858 г.

Руперт Вильгельм Яковлевич (1787–1849). Родился в 1787 г., из голландских дворян.

8 апреля 1800 г. В. Я. Руперт был записан юнкером в 1-й конно-артиллерийский батальон. Затем числился во 2-м Пионерском полку. 13 апреля 1804 г. он был произведен в чин подпоручика. 3 апреля 1806 г. – поручика. 30 апреля 1810 г. – штабс-капитана.

В. Я. Руперт был участником русско-турецкой войны 1811–1812 гг. Он сражался при Калафате. 14 февраля 1811 г. был произведен в чин капитана, 17 февраля 1813 г. В. Я. Руперт был переведен в лейб-гвардии Санерный батальон.

В. Я. Руперт участвовал в боевых действиях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Отличился под Кульмом. В 1815 г. вернулся в Россию.

26 ноября 1816 г. В. Я. Руперт был произведен в чин полковника с назначением командиром 5-го Пионерского батальона. 16 августа 1824 г. переведен во 2-ю сводную Пионерскую бригаду. В 1825 г. был награжден орденом св. Анны 2 ст.

Во время восстания декабристов в 1825 по данным известного историка М. К. Азадовского, В. Я. Руперт «находился непосредственно в Зимнем дворце и стал лично известен Николаю, с этого и началась... карьера» незнатного дворянина, более 20 лет служившего в непривлекательных для российских дворян саперных частях.

В 1826 г. В. Я. Руперт получил чин генерал-майора и был назначен командиром 2-й сводной Пионерской бригады. В 1828 г. участвовал в боевых действиях русско-турецкой войны и за отличия был награжден орденом св. Анны 1 ст. с императорской короной. В 1829 г. назначением начальником 11-й пехотной дивизии. 6 декабря 1833 г. – начальником 2-й пехотной дивизии. В 1834 г. он был пожалован чином генерал-лейтенанта.

10 января 1834 г. В. Я. Руперт по протекции Л. В. Дубельта перешел в Корпус Жандармов. С февраля 1834 г. по 29 июля 1837 г. он занимал должность начальника 4-го Округа Корпуса жандармов на Украине и сумел заслужить расположение А. Х. Бенкендорфа.

С 29 июля 1837 г. по август 1847 г. В. Я. Руперт занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующий войсками в Восточной Сибири. В 1839 г. он совершил путешествие в Якутск, в 1840 г. – в Енисейскую губернию. На должности генерал-губернатора В. Я. Руперт усилил военное начало в управлении губерниями. По его инициативе была построена дорога от Иркутска до Кяхты. В 1839 г. он боролся с неурожаем в Енисейской губернии. В 1841–1842 гг. В. Я. Руперт руководил подавлением восстания рабочих на золотых промыслах Енисейской губернии и в 1845 г. волнений старообрядцев с. Куналей. В 1845 г. по инициативе В. Я. Руперта был открыт девичий институт в Иркутске. За усердие в управлении генерал-губернаторством В. Я. Руперт в 1841 г. был награжден орденом Белого Орла.

Уволен от должности генерал-губернатора В. Я. Руперт был после ревизии Восточной Сибири сенатором И. Н. Толстым, обнаружившим массу злоупотреблений.

Умер В. Я. Руперт в марте 1849 г.

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881). Родился 11 августа 1809 г., из дворян. Окончил Петербургский пансион Годениуса и Пажеский корпус, с занесением на мраморную доску. В 14 лет был назначен камер-пажем великой княгини Елены Павловны. Близкое знакомство с Еленой Павловной позволило Н. Н. Муравьеву наладить отношения с видными деяте-

лями либеральной бюрократии. Пребывание в пажеском корпусе способствовало установлению придворных связей.

25 июня 1827 г. Н. Н. Муравьев начал военную службу прапорщиком лейб-гвардии Финляндского полка. Он стал участником русско-турецкой войны 1828 г. В июне в составе русских войск Н. Н. Муравьев перешел Дунай у Исакчи. Через Бабадаг и крепость Кистенджи прошел берегом Черного моря до Варны. В отряде генерал-лейтенанта Бистрома он участвовал в осаде крепости Варна. С 29 апреля 1829 г. Н. Н. Муравьев был назначен состоять адъютантом генерал-лейтенанта Головина, а затем на кораблях эскадры контр-адмирала Кумани при бомбардировке Сизополя. Летом 1829 г. он участвовал в сражениях при Козлужде и Кулевчи, в осаде крепости Шумла, после чего вернулся в Варну, где вновь состоял при военном губернаторе Румелии Головине. 1 января 1829 г. Н. Н. Муравьев был произведен в чин подпоручика, 27 декабря – поручика. 12 июля 1829 г. за отличие при Шумле награжден орденом св. Анны 3 ст. с бантом.

В 1831 г. Н. Н. Муравьев участвовал в боевых действиях польской кампании. 19 марта 1831 г. он был назначен адъютантом к начальнику 26-й пехотной дивизии Головину. В марте 1831 г. участвовал в сражении при Остроленке. Затем в деле при Рудках. Был награжден орденом св. Владимира 4 ст. с бантом. В мае 1831 г. очищал Беловежскую пуцу от мятежников. В августе сражался при Крынке против корпуса генерала Ромарино. В генеральном сражении при Мендзержице Н. Н. Муравьев был ранен в ногу. В сентябре он участвовал при блокаде крепости Модлин. В 1831 г. награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». 6 декабря произведен в чин штабс-капитана.

7 февраля 1833 г. Н. Н. Муравьев был уволен по болезни со службы. До 1838 г. он находился в отставке и занимался управлением пожалованным ему имением Стоклишк, в Виленской губернии.

27 апреля 1838 г. Н. Н. Муравьев вернулся на военную службу и был определен майором для особых поручений к командиру Ордельного Кавказского Корпуса Головину. В июне 1838 г. он участвовал в экспедиции на р. Сочи, затем в десанте на Шансуго на восточный берег Черного моря. В сентябре 1838 г. под началом генерал-лейтенанта Фези в составе Дагестанского отряда Н. Н. Муравьев был послан в Кубу для усмирения горных шагалов. В 1838 г. получил чин подполковника. За отличие во время войны с горцами в 1839 г. Н. Н. Муравьев был награжден орденом св. Анны 2 ст. В 1839 г. он участвовал в экспедиции по взятию Аджия-Хурской позиции и покорении села Ахты и осаде Ахульго, за что был награжден орденом св. Станислава 2-й степе-

ни с императорской короной. 9 февраля 1840 г. произведен в чин полковника.

4 апреля 1840 г. Н. Н. Муравьев был назначен исполняющим должность начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии. В 1840 совершил экспедицию от Сухум кале до Багатских теснин и участвовал во взятии Варды и Ахта. 4 июня 1841 г. Н. Н. Муравьев был утвержден в должности с производством в чин генерал-майора. В 1841 г. он участвовал в движении войск вдоль берега Черного моря от укрепления Св. Духа до укрепления Навагинского под началом генерал-адъютанта Анрепа. 10 сентября 1841 г. был награжден орд. Св. Владимира 3 ст. 10 ноября 1843 г. Н. Н. Муравьев получил годовой отпуск для лечения. 7 апреля 1844 г. вступил в прежнюю должность. В том же году он был награжден орд. Св. Станислава 1 ст.

12 декабря 1845 г. Н. Н. Муравьев был причислен к Министерству внутренних дел. 16 июня 1846 г. назначен исполняющим должность тульского гражданского губернатора. 6 июня 1847 г. Н. Н. Муравьев был утвержден в этой должности. В должности тульского губернатора представил проект от имени тульских помещиков отмены крепостного права «Опыт возможности приблизительного уравнивания состояний и уничтожения крепостного права в Русском царстве, без потрясений в государстве».

5 сентября 1847 г. Н. Н. Муравьев был назначен исполняющим должность иркутского и енисейского генерал-губернатора и командующего войсками Восточной Сибири. 12 апреля 1849 г. он был пожалован чином генерал-лейтенанта.

С 6 декабря 1849 г. по 19 февраля 1861 г. Н. Н. Муравьев занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. В бытность генерал-губернатором Восточной Сибири он лично объездил всю вверенную ему территорию, результатом чего стал целый комплекс реформ. Фактически, Муравьев сумел выработать, отстоять перед центром и реализовать самостоятельную азиатско-тихоокеанскую региональную программу. Программа предполагала расширение территории Российской империи, присоединение Приамурья, а также укрепление ее позиций на берегах Тихого океана. Амурский вопрос определял и другие направления деятельности, в частности, комплекс административных реформ по закреплению в составе России дальневосточных территорий. (К административной реформе относится образование в начале 1850-х гг. Якутской, Камчатской и Забайкальской областей, позднее Амурской и Приморской), образование Забайкальского казачьего войска. Многие начинания и в административной сфере, и в экономической были достаточно революционны, и поэтому отвергнуты имперскими властями, и реализованы значи-

тельно позже – только при приемниках Муравьева (образование Приамурского генерал-губернаторства, строительство в регионе железной дороги, телеграфа, расширение масштабов колонизации и др.).

На должности генерал-губернатора Н. Н. Муравьев оказывал покровительство ссыльным декабристам и петрашевцам, ходатайствовал перед петербургскими властями о разрешении взять их на службу. Он боролся с сибирскими откупщиками и золото-промышленниками из-за взяток.

В 1851 г. Н. Н. Муравьев открыл Сибирский отдел Русского Географического общества. В 1857 г. – основал газету «Иркутские губернские ведомости», во главе которой стоял петрашевец Спешнев. В 1854 г. организовал 1-ю Амурскую экспедицию.

В 1858 г. Н. Н. Муравьев подписал Айгунский договор с Китаем. В 1859 г. плывал от Николаева до Хакодате и обратно.

Служба в Сибири Н. Н. Муравьева была высоко оценена высшей властью России. 26 ноября 1850 г. он был награжден орденом св. Георгия IV ст. 6 дек. 1850 г. – орденом св. Анны 1-й степени. 23 апреля 1853 г. – орденом Белого Орла. 6 дек. 1854 г. – орденом св. Александра Невского. 6 декабря 1857 г. Н. Н. Муравьев был пожалован в генерал-адъютанта. 26 августа 1858 г. – чином генерала от инфантерии с пожалованием графского титула и прибавлением к фамилии звания Амурского. 19 февраля 1861 г. он был награжден орденом св. Владимира 1-й степени с мечами. Был принят почетным членом императорского Русского Географического общества. Неутверждение ряда проектов Муравьева побудило его уйти в отставку. Таким образом, Н. Н. Муравьев-Амурский – единственный сибирский представитель генерал-губернаторов, который самостоятельно подал в отставку.

По возвращении из Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский был 19 февраля 1861 г. назначен членом Государственного совета.

Умер граф Н. Н. Муравьев-Амурский 18 ноября 1881 г.

Корсаков Михаил Семенович (1826–1871). Родился в 1826 г. в семье действительного статского советника С. И. Корсакова. Происходил из известной дворянской семьи, связанной родственными узами и дружескими отношениями с семьями Мордвиновых, Бакуниных, Муравьевых.

По окончании школы гвардейских прапорщиков М. С. Корсаков недолго служил в л. -гв. Семеновском полку, где был произведен в чин л. -гв. Подпоручика.

В 1849 г. М. С. Корсаков поступил на должность офицера для поручений при своем двоюродном брате генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве. В Иркутск он прибыл 12 марта 1849 г. и жил в доме Н. Н. Муравьева. По поручению генерал-губернатора ездил на Камчатку для вручения инструкции Г. И. Невельскому, а затем был отправлен в Санкт-Петербург с отчетом об экспедиции Невельского. В 1850 г. М. С. Корсаков вновь ездил на Камчатку и участвовал в переносе Охотского порта, за что был произведен в чин майора. В 1851 г. он занимался заселением Аянского тракта, объезжал заводы и рудники Нерчинского горного округа. В феврале 1852 г. был произведен в подполковники с назначением начальником недавно образованного казачьего отделения Главного управления Восточной Сибири. В 1854 г. М. С. Корсаков был пожалован в полковники и награжден орденом св. Анны 2-й степени.

С 14 декабря 1855 г. по 16 мая 1860 г. М. С. Корсаков занимал должность губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска. В 1856 г. был пожалован чином генерал-майора.

В 1860 г. М. С. Корсаков был назначен на специально созданную для него должность помощника генерал-губернатора Восточной Сибири. По протекции графа Н. Н. Муравьева-

Амурского в 1861 г. М. С. Корсаков как его преемник был назначен исполнять обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири. Утвержден в этой должности он был только в апреле 1864 г. с пожалованием в чин генерал-лейтенанта. По характеристике известного сибирского общественного деятеля В. И. Вагина, Корсаков был «недурным» администратором: «это был человек ровный, спокойный неторопливый, но и не ленивый. Он знал, что одним ударом меча не разрубить гордиев узел вековых злоупотреблений, и старался распутать этот узел постепенно, и не без успеха; по крайней мере, за ним не замечалось таких крупных злоупотреблений, какие были при Руперте, и даже при Муравьеве. Но после такого блестящего метеора, как граф Амурский, Корсаков был бледен и даже немного смешноват... при нем легко двиналось и свободно жилось, после него этого уже не было».

Из Иркутска М. С. Корсаков отбыл 2 сентября 1870 г.

В 1871 г. М. С. Корсаков прибыл в Санкт-Петербург и был назначен членом Государственного совета, но вскоре простудился и 16 марта 1871 г. скончался.

Синельников Николай Петрович (1805–1892). Родился в 1805 г. Из петербургских дворян, обучался в кадетском корпусе.

Участник подавления польского восстания 1831 г. С 1852 по 1859 г. Занимал посты губернаторов Владимирской (1852 г.), Волынской (1852–1855 гг.), Московской (1855–1857 гг.) и Воронежской губерний. До назначения в Восточную Сибирь был главным управляющим всеми тюрьмами России.

Выбор 66-летнего Н. П. Синельникова в генерал-губернаторы, как с некоторой иронией замечал военный министр Д. А. Милютин, был вызван тем, что он проявил себя хорошо в организации

арестантских рот, поэтому и посчитали, что его способности могут пригодиться лишь в крае, переполненном ссыльными.

Должность генерал-губернатора Восточной Сибири он занимал с 21 января 1871 по 14 декабря 1873 г. Как вспоминал сам Синельников, это назначение было для него неожиданностью, и министру внутренних дел генерал-адъютанту Тимашеву он откровенно заявил, что считает «недобросовестным взять на себя обязанности эти по преклонным летам». Однако, не смотря на возраст, как генерал-губернатор Н. П. Синельников имел репутацию «человека крутого и энергичного», питавшего больше склонности к полицейской службе, нежели к широкой административной деятельности. Он по старинке считал, что «закон писан только для мошенников, а хороших людей, особенно администраторов, не должен стеснять; поэтому считал позволительным всякий произвол и нарушение закона, оправдываемые предполагаемою благою целью». Пытался энергично бороться со злоупотреблениями, «темными поборами», стремился уменьшить в крае число кабаков и навести порядки на золотых приисках. В Иркутске оставил о себе память благодаря благоустройству города, устройству воспитательного дома и учительской семинарии, строительству на средства купцов И. И. Базанова, Я. А. Немчинова и М. А. Сибирякова театра. Покровительствовал полякам и политическим ссыльным, и относился к ним по-человечески.

В отличие от своих предшественников Н. П. Синельников не придавал большого значения дальневосточным делам. В одном из своих отзывов на проекты административного преобразования на Востоке он даже предупреждал, что усиление российского флота на Тихом океане может породить недоверие со стороны соседних государств, а Амур был приобретен совершенно напрасно. Будущее Амурской области в его представлениях в основном связывалось с привлечением сюда ссыльнокаторжных для работы в золотопромышленности. Выступал Н. П. Синельников против выделения из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Приамурского генерал-губернаторства, но соглашался на передачу в ведение Морского министерства побережья Тихого океана. Прибыв в Иркутск, Н. П. Синельников столкнулся с тем, что морское начальство на Дальнем Востоке фактически вышло из-под генерал-губернаторского подчинения. Его конфликт с приморским военным губернатором А. Е. Кроуном стал предметом разбирательства на самом высоком уровне и потребовал личного вмешательства Александра II.

Остро конфликтный характер имели его отношения с министерствами. Пользуясь на первых порах поддержкой Александра II, он своими решительными и необдуманными действиями по

наведению порядка в крае (очевидно, в нем жила выучка А. А. Аракчеева, при котором он начал свою службу) нажил в лице министров серьезных противников. Н. П. Синельников просил Александра II дать ему право удалять без суда с места жительства лиц, «которые явно нарушают закон», «хотя вина их и не будет фактически обнаружена». Не без участия министров против Н. П. Синельникова была развернута газетная кампания, в которой особо преуспел «Голос» А. А. Краевского. Конфликт Н. П. Синельникова с министрами разбирался в Комитете министров. На генерал-губернаторском посту он смог продержаться всего три года и не только просил, но даже умолял царя об отставке.

Военный министр Д. А. Милютин писал о Н. П. Синельникове, что тот самодурством довел дело до того, что «схлопотал» на строительстве театра от польского ссыльного Игнатия Эйхмиллера публично по лицу. Последний был судим военно-полевым судом и 11 ноября 1872 г. расстрелян, а Синельникова после такого скандала уже, конечно, нельзя было оставлять начальником края. Чтобы увольнение это не выглядело прямым последствием этого инцидента, оно было отложено на некоторое время. Уволен от должности генерал-губернатора Н. П. Синельников был 14 декабря 1873 г. с оставлением в звании сенатора.

Итог административной деятельности Н. П. Синельникова в Сибири внушительен. В очерке, вышедшем в Иркутске в 1873 г. К 50-летию его службы, в числе заслуг генерал-губернатора упомянуты «полное почти искоренение бродяжничества, обуздание винокуренной и хлебной торговли, искоренение в значительной степени чиновничьих темных поборов... организация надзора за благоустройством и ходом работ на золотых приисках, умножение народных школ».

Умер Н. П. Синельников 4 октября 1892 г. в Харькове. Н. С. Романов отметил по этому поводу в «Летописи города Иркутска»: «Он оставил по себе добрую память как враг мученичества и эксплуатации и заботами о положении простого народа. Он жил и работал для народа, который его и любил, несмотря на его строгость и некоторую крутость его характера».

Фредерикс Платон Александрович (1828–1888). Родился 20 января 1828 г. Имел титул барона. Воспитание получил в в Дворянском полку.

13 июня 1848 г. П. А. Фредерикс был выпущен офицером в лейб-гвардейский Егерский полк. Через 16 лет – 30 июня 1864 г. он был произведен в генерал-майоры. 8 ноября 1864 г. – причислен к Свите императора, и уже через год (1865) был награжден орденом св. Станислава 1-й степени. В 1863–12 июня 1866 г. П. А. Фредерикс занимал должность варшавского обер-полицмейстера. С 12 июня 1866 г. по 23 февраля 1867 г. исполнял должность генерал-полицмейстера в Царстве Польском. С 1 сентября 1866 г. – начальник 3 Округа Жандармов. С 23 февраля 1867 г. по 14 декабря 1873 г. П. А. Фредерикс был назначен начальником Варшавского Жандармского Округа. 18 июля 1871 г. пожалован в генерал-адъютанты. 14 декабря 1873 г. произведен в генерал-лейтенанты. П. А. Фредерикс был награжден орденом св. Анны 1-й степени (4 ноября 1866 г.) и орденом св. Владимира 2-й степени (1868).

С 14 декабря 1873 г. по 10 августа 1879 г. П. А. Фредерикс занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. На этой должности он отстаивал территориальную целостность генерал-губернаторства, отвергал потребность административного переустройства края. Считал, что генерал-губернаторская власть была необходима еще на десятилетие, до проведения железной дороги и завершения реформ. Необходимость сохранения сильной власти П. А. Фредерикс аргументировал также общей неустроенностью ссылки и опасностью исходящей от политических ссыльных. Командовал войсками Восточно-Сибирского военного округа. 14 декабря 1873 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. П. А. Фредерикс был почетным членом Император-

ского Русского Географического общества, покровитель его Восточно-Сибирского отдела. Содействовал устройству в 1881–1883 гг. полярной станции в устье реки Лены.

Именно во времена правления барона Иркутск постигли чудовищные пожары, когда выгорела большая часть города. По этому поводу Великий князь Константин, а вслед за ним и В. И. Вагин сказали, что «Если бы ни иркутский пожар 1879 г., о бароне Фредериксе никто бы и не вспомнил».

1 янв. 1885 г. Барон назначен сенатором во 2-й департамент. В 1886 г. получил Высочайшую благодарность за труды при разработке правил о преимуществах гражданской службы в отдаленных краях Империи.

Умер П. А. Фредерикс 17 сентября 1888 г.

Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900). Родился 9 апреля 1833 г., из дворян. Окончил Павловский кадетский корпус.

В службу Д. Г. Анучин вступил 7 августа 1851 г. прапорщиком в л.-лв. Егерский полк. В 1855 г. окончил Академию Генерального Штаба по 1-му разряду. В 1855 г. он был назначен в Отдельный Кавказский Корпус. В том же году был командирован в Штаб войск на Кавказскую линию и Черноморию. В 1857 г. Д. Г. Анучин переведен в Генеральный Штаб и состоял при 1-м отделении департамента. В 1860 г. он был назначен правителем канцелярии департамента Генерального Штаба.

В 1863 г. Д. Г. Анучин был командирован в Польшу в распоряжение помощника главнокомандующего генерала Ф. Ф. Берга. За отличия в деле против польских мятежников он был награжден золотой саблей с надписью «За Храбрость». В том же году

Д. Г. Анучин состоял членом особого учрежденного военного суда для осуждения виновных в похищении казенных сумм из главного казначейства Царства Польского. В 1864 г. он управлял департаментом полиции исполнительного управления генерал-полицмейстера в Царстве Польском и состоял членом Варшавской комиссии по делу о римско-католических монастырях. В том же году назначен для особых поручений к главнокомандующему войсками Варшавского военного округа.

С 1865 г. по 7 декабря 1879 г. Д. Г. Анучин занимал должность Радомского губернатора. 10 июня 1867 г. пожалован чином генерал-майора. В 1871 г. был награжден орденом св. Станислава 1 ст., в 1876 г. – орденом св. Владимира 2-й степени.

В 1877 г. Д. Г. Анучин был командирован в распоряжение главнокомандующего действующей армией для исполнения должности помощника заведующего гражданскими делами кн. Черкасского. 13 октября 1877 г. пожалован чином генерал-лейтенанта. В 1878 г. Д. Г. Анучин исполнял должность заведующего гражданскими делами в Болгарии. В том же году он был командирован в Берлин на конгресс в распоряжение русских уполномоченных (кн. Горчакова, послов Шувалова и Убри).

С 7 декабря 1879 г. по 1 января 1885 г. Д. Г. Анучин занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа. С 14 июля 1884 г. командующий войсками Иркутского военного округа. Отметим, что по оценке современников, Анучин «вступил в управление краем в очень трудное время: ему нужно было и поднимать амурские дела, совершенно упавшие при двух его предместниках (именно в правление Анучина было образовано самостоятельное Приамурское генерал-губернаторство. – *И. Д.*), и обдумывал реформы, необходимость которых вызывалась общим ходом дел и, более или менее, заботился о восстановлении разрушенного пожарами Иркутска». В отчетах за 1880–1881 гг. он обратил внимание высшей власти на необходимость реформы управления Сибирью. В 1884 г. был награжден орденом св. Александра Невского. Д. Г. Анучин был избран почетным членом Императорского Русского Географического общества, покровительствовал его Восточно-Сибирскому отделу. В 1881–1883 гг. он содействовал устройству полярной станции в устье р. Лены.

Между тем, во всех воспоминаниях местных жителей, является единой негативная оценка деятельности этого генерал-губернатора: «это был во-первых, лично какой-то антипатичный господин, производивший впечатление скорее подьячего, чем генерал-губернатора; во-вторых, справедливо или нет, он приоб-

рел репутацию взяточника, которой и оставил Восточную Сибирь, не возбудив ни в ком сожаления».

1 января 1885 г. Д. Г. Анучин был назначен сенатором во 2-й департамент. В 1886 г. получил Высочайшую благодарность за труды при разработке правил о преимуществах гражданской службы в отдаленных краях Империи. В 1891 г. он был пожалован чином генерала от инфантерии. В 1892 г. определен в 1-й департамент Сената.

Умер Д. Г. Анучин 17 января 1900 г.

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), граф. Родился 17 января 1832 г. Окончил Пажеский корпус.

Службу Н. П. Игнатъев начал корнетом в лейб-гвардии Гусарском полку. 26 мая 1849 г. поступил в Академию Генерального Штаба. 6 декабря 1849 г. произведен в чин поручика. 7 ноября 1851 г. окончил Академию 20 ноября 1851 г. произведен в штабс-ротмистры с зачислением по Генеральному Штабу. 20 ноября 1852 г. переведен штабс-капитаном в гвардейский Генеральный Штаб. 28 ноября 1852 г. назначен состоять при штабе главнокомандующего Гвардейскими и Гренадерскими корпусами. 13 февраля 1854 г. был командирован для составления дислокации войск гвардии в Эстляндию.

13 февраля 1854 г. Н. П. Игнатъев был оставлен в распоряжении командовавшего войсками генерал-адъютанта графа Ф. Ф. Берга и заведовал в штабе войск частями Генерального Штаба. В Крымскую войну 1854–1855 гг. состоял при войсках, охранявших Балтийской побережье от неприятеля, и находился при бомбардировке англичанами Дюнамонде. С 14 июля 1854 г. по 14 июня 1855 г. состоял квартирмейстером 2-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии. 20 ноября 1854 г. произведен в чин

капитана. С 18 марта 1855 г. исполнял должность оберквартирмейстера Балтийского корпуса. 6 декабря 1855 г. пожалован в флигель-адъютанты.

7 июня 1856 г. Н. П. Игнатъев назначен военным агентом в Лондон. 26 августа 1856 г. произведен в чин полковника. Состоял в распоряжении посла в Париже графа П. Д. Киселева. За участие в конференции в Париже по разграничению между Бессарабией и Молдавией 12 января 1857 г. Н. П. Игнатъев был награжден орденом св. Станислава 2-й степени. 30 августа 1857 г. – орденом св. Владимира 4-й степени.

С 16 октября 1857 г. по 17 декабря 1858 г. Н. П. Игнатъев занимал должность начальника военно-дипломатической миссии в Хиву и Бухару. Он добился освобождения русских пленных и заключил торговый трактат, позволивший плавать русским торговым судам по р. Аму-Дарье. 24 декабря 1858 г. Н. П. Игнатъев был награжден орденом св. Анны 2-й степени с императорской короной. 25 декабря 1858 г. пожалован чином свиты генерал-майора.

17 марта 1859 г. Н. П. Игнатъев был назначен уполномоченным в Китай для переговоров по поводу недоразумений об Айгунском договоре (заключен Н. Н. Муравьевым 16 мая 1858 г., в соответствии с которым Приамурский край отходил к России). Воспользовавшись англо-французским десантом в Китай, он заключил Пекинский договор, по которому России перешли левый берег Амура и Уссури, а также приморская полоса до Кореи. 17 апреля 1860 г. Н. П. Игнатъев был награжден орденом св. Владимира 3-й степени. 8 декабря 1860 г. – чином генерал-адъютант и орденом св. Станислава. 8 января 1861 г. – за заключение Пекинского трактата орденом св. Владимира 2-й степени.

21 августа 1861 г. Н. П. Игнатъев был назначен директором азиатского департамента Министерства иностранных дел. Заключил торговый трактат с Португалией. 17 апреля 1863 г. награжден орденом св. Анны 1-й степени с императорской короной.

14 июля 1864 г. Н. П. Игнатъев был назначен посланником в Турцию. 30 августа 1865 г. пожалован чином генерал-лейтенанта. 25 марта 1867 г. Н. П. Игнатъев стал посолом в Турции. 31 марта 1868 г. награжден орденом Белого Орла. 18 марта 1871 г. – орденом св. Александра Невского. 20 апреля 1872 г. Н. П. Игнатъев исполнял обязанности почетного мировой судья Гомельского округа.

15 января 1877 г. Н. П. Игнатъев был вызван в Россию и с 18 февраля по 20 марта 1877 г. находился с дипломатическим поручением в Берлине, Париже, Лондоне, Вене.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Н. П. Игнатъев был отправлен в действующую армию. 3 декабря 1877 г. Его

назначили членом Государственного совета с причислением в Министерство иностранных дел. 13 января 1878 г. Н. П. Игнатъев направляется в качестве первого уполномоченного для ведения переговоров с турками в Андрианополь. 19 февраля 1878 г. он подписал Сан-Стефанский прелиминарный договор. Затем выехал в Петербург через Константинополь. 16 апреля 1878 г. Н. П. Игнатъев за труды на благо Отечества был награжден чином генерала от инфантерии.

5 апреля 1879 г. Н. П. Игнатъева временно назначают нижегородским генерал-губернатором. На этой должности он заново построил павильоны Нижегородской ярмарки.

1 января 1881 г. Н. П. Игнатъев был назначен присутствовать в департамент законов Государственного совет. С 25 марта 1881 г. по 4 мая 1881 г. он занимал должность министра государственных имуществ. С 4 мая 1881 г. по 30 мая 1882 г. – министра внутренних дел. В 1881 г. Н. П. Игнатъев учредил при Министерстве внутренних дел комиссию о реформе местного управления (Кахановскую). При нем были изданы правила о евреях 3 мая 1882 г., ограничивающие права их проживания вне городов и местечек. Н. П. Игнатъев пожалован орденом св. Владимира 1 ст. (15 мая 1883) и орденом св. Андрея Первозванного (14 мая 1896).

Период 1885–1889 гг. был посвящен службе в Сибири – в должности восточносибирского (1885–1887), и иркутского (1887–1889) генерал-губернатора. В памяти местных жителей осталась пышность жизни генерал-губернатора. Увидев дом, приготовленный для него, Игнатъев воскликнул: «И в этой конюшне я должен жить целые годы!» Заметим, что эта «конюшня» является одной из визитных карточек Иркутска, и ныне здесь располагается научная библиотека Иркутского госуниверситета (хорошо известный любому иркутянину так называемый «белый дом»). В то же время А. П. Игнатъев был деятельным человеком, много работал над проектами, большое внимание уделял вопросам ограничения политической ссылки, улучшению путей сообщения и пр. Он справедливо полагал, что ссыльная система наносит ущерб интересам Сибири и что во многих отношениях она (система) нуждается в изменении. Граф Игнатъев активно сотрудничал с ВСОРГО, обеспечивал финансирование исследований, на свои личные деньги купил для музея зоологическую коллекцию; по инициативе генерал-губернатора большое внимание на заседаниях уделялось вопросам строительства Сибирской магистрали, он способствовал открытию ряда дождемерных и сейсмических станций. По инициативе ВСОРГО ему в 1889 г. Было присвоено звание почетного гражданина.

Умер Н. П. Игнатъев 20 июня 1908 г.

Горемыкин Александр Дмитриевич (1889–1900)

Представитель дворянского рода, который уходит корнями в эпоху Алексея Михайловича. О Горемыкине сохранились лишь фрагментарные сведения, в частности о его сибирском периоде деятельности. Известно, что в 1893 г. он получил чин генерала от инфантерии, с 1864 г. Находился в распоряжении наместника Царства Польского Ф. Ф. Берга, принимал участие в крестьянской реформе и выступал за наделение безземельных крестьян землей. В период 1866–1869 гг. исполнял должность подольского губернатора, с 1869 г. В течение 20 лет был начальником штаба Одесского военного округа. Следующие 11 лет службы Горемыкина были посвящены Сибири: в период 1889–1899 гг. – он был иркутским генерал-губернатором, а 1899–1900- военным генерал-губернатором Иркутска. По словам А. А. Корнилова, чиновника особых поручений канцелярии иркутского генерал-губернатора, а впоследствии известного русского историка, «со времени Муравьева-Амурского никто из предместников (предшественников- И. Д.) его не пробыл на посту так долго. При нем построена великая Сибирская железная дорога, коренным образом изменившая условия существования края. При нем введена судебная реформа, хот давшая суд и без присяжных заседателей, но радикально изменившая судебное устройство Сибири. При нем введено в Сибири новое поземельное устройство крестьян, и при нем же изменено управление ... крестьянскими начальниками... Наконец, он предлагал ввести в Сибири земское самоуправление, не его вина, если эта реформа не осуществилась». Конечно, Горемыкин не был инициатором всех этих преобразований, но он «употребил немало труда, чтобы принести как можно больше пользы...»

Иркутяне уважали Горемыкина, и по воспоминаниям местных жителей, «на улицах многие раскланивались с ним из вежли-

восте к самому генералу...» А уважать его было за что. Именно благодаря личному участию А. Д. Горемыкина в Иркутске после пожара было отстроено красивейшее каменное здание драмтеатра, о чем свидетельствует мемориальная доска на этом здании. (здесь театр размещается и по сей день – И. Д.) В правление Горемыкина 28 октября 1890 г. В Иркутске сгорел старый деревянный театр. Генерал-губернатор принял самое активное участие «для приобретения средства на постройку театра» И уже в 1898 г. состоялось открытие вновь построенного театра. Город почти всецело был обязан этим театром Горемыкину, который сумел собрать деньги на строительство и сам наблюдал за ним. По воспоминаниям современников, Иркутский театр «вышел великолепный, после одесского лучший в провинциальной России».

В 1900 г. А. Д. Горемыкин покидает Сибирь и переходит на должность члена Госсовета по департаменту промышленности.

Пантелеев Александр Ильич (1838 – после 1913). Родился 26 июня 1838 г., из дворян. Окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с отличием и 16 июня 1850 г. поступил прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. 30 августа 1861 г. произведен в чин подпоручика, а через год 30 августа 1862 г. – поручика.

В 1863 г. А. И. Пантелеев воевал с польскими повстанцами, командуя ротой войск Виленского военного округа. 30 августа 1868 г. произведен в чин капитана. После возвращения из Польши он был прикомандирован к Штабу войск гвардии и исполнял должность старшего адъютанта Петербургского военного округа. В следующем году вернулся в полк. 30 августа 1871 г. А. И. Пантелеев произведен в полковники.

В июле 1877 г. А. И. Пантелеев был назначен начальником сборного пункта для мобилизации гвардии. В составе 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка он перешел Дунай. А. И. Пантелеев отличился в боях под Плевной и Филиппополем. В 1878 г. был награжден орденом св. Георгия IV ст., золотым оружием с надписью «За храбрость», орденом св. Владимира 4-й степени, с 23 февраля по 15 июня 1879 г. А. И. Пантелеев находился с полком в составе оккупационной армии в Восточной Румелии, осенью того же года вернулся в Россию.

С 10 сентября 1877 г. по 17 февраля 1882 г. А. И. Пантелеев находился на должности командира 17-го Архангелогородского пехотного полка, а с 17 февраля 1882 г. по 8 декабря 1890 г. – лейб-гвардии Семеновского полка. 30 августа 1882 г. А. И. Пантелееву пожалован чин генерал-майора. 30 августа 1893 г. – генерал-лейтенанта.

С 8 декабря 1890 г. по 4 февраля 1897 г. А. И. Пантелеев находился на должности директора императорского Училища Правоведения. С 4 февраля 1897 г. по 20 апреля 1900 г. – помощника шефа жандармов. С 31 января 1898 г. по 20 апреля 1900 г. – командир Отдельного корпуса жандармов.

С 20 апреля 1900 г. по 13 мая 1903 г. А. И. Пантелеев являлся иркутским военным генерал-губернатором. По воспоминаниям местных жителей, это был человек «не злой, мягкий, не особенно вредный, среднего ума (человек без академического образования), но весьма воспитанный. ...быстро сошелся с иркутским обществом». По мнению иркутян, большую роль в управлении краем играла жена генерал-губернатора – Александра Владимировна, женщина «неглупая, образованная, с большой выдержкой и в то же время добрая». По личной инициативе А. И. Пантелеева в Иркутске был сооружен памятник императору Александру III и на создана знаменитая иркутская Набережная – сейчас это одно из любимых мест прогулки иркутян и жителей города.

6 мая 1903 г. он был назначен членом Государственного совета по департаменту промышленности, науки и торговли. Работал в составе особого совещания для рассмотрения дополнений к узаконениям о Государственной думе. 28 марта 1904 г. А. И. Пантелеев был пожалован чином генерала от инфантерии. В 1905 г. – в генерал-адъютанты. 15 июня 1906 г. – награжден орденом св. Александра Невского.

В 1907 г. А. И. Пантелеев откомандирован в Московский и Казанский военный округ для производства расследований. В августе 1907 г. – в Омский военный округ, Иркутский и Приамурский военные округа для обозрения военного и гражданского управления. Был в Харбине, где вручал знамена. В 1908 г. направ-

лен в Омский военный округ, а в мае 1908 г. – в Виленский военный округ для производства расследований. В 1909 г. начал председательствовать в Совете Дома призрения и ремесленного образования бедных детей. Член финансового комитета Государственного совета в течение 3 лет. В 1913 г. был награжден орденом св. Владимира.

Умер А. И. Пантелеев после 1913 г.

Кутайсов Павел Ипполитович (1837–1911) – представитель графского рода Кутайсовых. Генерал от инфантерии, участник Крымской войны и покорения Кавказа, бывший военный агент в Лондоне, а затем – 1873–1880 – Нижегородский губернатор, с 1896 г. – сенатор. В период 1903–1905 гг. – исполнял должность Иркутского военного генерал-губернатора. По поручению императора Николая II разрабатывал проект по учреждению земств в Сибири. По мнению иркутян, П. И. Кутайсов дорожил общественным мнением, возможно, поэтому «во многих отношениях оказался покладистее, чем Пантелеев, не говоря уже о Горемыкине». После отставки – член Госсовета.

Селиванов Андрей Николаевич (1847 – после 1914). Родился 5 августа 1847 г. Окончил Александровский сиротский кадетский корпус, затем Михайловской Артиллерийское училище.

На службу А. Н. Селиванов поступил 25 августа 1863 г. – в 14-ю Артиллерийскую бригаду. В течение года командовал батареей. 8 августа 1866 г. произведен в чин подпоручика. 5 декабря 1870 г. – поручика. 29 сентября 1873 г. – штабс-капитана. 26 декабря 1877 г. А. Н. Селиванов окончил Академию Генерального Штаба по 1-му разряду и был произведен в чин капитана.

А. Н. Селиванов стал участником боевых действий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 27 апреля 1878 г. по 24 марта 1880 г. занимал должность старшего адъютанта штаба 12-й кавалерийской дивизии. С 24 марта 1880 г. по 6 октября 1884 г. – штаб-офицера для особых поручений при штабе 12-го Армейского корпуса. 30 августа 1880 г. произведен в чин подполковника. 30 августа 1883 г. – полковника. С 6 октября 1884 г. по 7 мая 1885 г. А. Н. Селиванов занимал должность штаб-офицера для поручений при штабе Киевского военного округа. С 7 мая 1885 г. по 18 января 1887 г. – в числе штаб-офицеров Генерального Штаба. С 18 января 1887 г. по 4 сентября 1889 г. – делопроизводитель канцелярии мобилизационного комитета Главного Штаба. С 4 сентября 1889 г. по 24 февраля 1893 г. – начальник штаба 8-й кавале-

рийской дивизии. С 24 февраля 1893 г. по 30 июня 1895 г. – командир 3-го Донского пехотного полка. 30 июня 1895 г. пожалован чином генерал-майора.

С 10 марта 1899 г. по 4 июля 1901 г. А. Н. Селиванов находился на должности начальника штаба Приамурского военного округа. 31 января 1901 г. Ему было присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта. С 4 июля 1901 г. по 24 декабря 1903 г. занимал должность начальника 16-й пехотной дивизии. С 24 декабря 1903 г. по 23 октября 1904 г. – начальника 13-й пехотной дивизии.

А. Н. Селиванов принимал участие в русско-японской войне в качестве начальника 37-й пехотной дивизии – с 23 октября 1904 г. по 18 августа 1905 г. За участие в боевых действиях в 1906 г. он был награжден золотым оружием и орденом св. Владимира 2-й степени. С 18 августа 1905 г. по 25 апреля 1906 г. А. Н. Селиванов был командиром 2-го сводного стрелкового корпуса.

С 25 апреля 1906 г. по 13 июля 1910 г. А. Н. Селиванов занимал должность иркутского генерал-губернатора и командующего войсками Иркутского военного округа и войскового наказного атамана Забайкальского казачьего войска. 6 декабря 1907 г. он был пожалован чином генерала от инфантерии.

13 июля 1910 г. А. Н. Селиванов назначен членом Государственного совета. Во время 1 мировой войны – командующий 2-й Армией. Член Военного Совета.

Умер А. Н. Селиванов после 1914 г.

**

Белецкий Степан Петрович (1872–1918). Единственный из Сибирских генерал-губернаторов, кто был недворянского происхождения – из мещан. Окончил в 1914 г. юридический факультет Киевского университета. Служил в Канцелярии киевского генерал-губернатора, впоследствии – один из организаторов политического сыска в России. С января 1914 г. – сенатор 1 департамента Сената (занимался надзором за местным управлением в стране). Из карьерных соображений сблизился с Г. Е. Распутиным. В феврале 1916 г. Назначен иркутским генерал-губернатором, но на место службы выехать не успел, потому как в марте был уволен. После февральской революции был арестован, содержался в Петропавловской крепости. Расстрелян 5 сентября 1918 г.

Учебное издание

Дамешек Лев Михайлович
Дамешек Ирина Львовна

**ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ИНСТИТУТЫ И БЮРОКРАТИЯ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2015. Поз. 54
Подписано в печать 17.06.2015. Формат 60×84 1/16.
Уч.-изд. л. 11,4. Усл.-печ. л. 14,1. Тираж 100 экз.
Заказ 90

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36